РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 18, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2022

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 18, часть 2

Главный редактор Е. В. Головко

2022

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2022. — Т. 18. Ч. 2. — 312 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2022. — Vol. 18. Pt. 2. — 312 p.

Ответственный за выпуск от редколлегии:
А. Ю. Кожевников

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: https://alp.iling.spb.ru/

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737182

© ИЛИ РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала, 2022

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головко, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елоева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (СПбГУ); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва) д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. А. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

В. В. Истратий
Слово *договор* и его синонимы в петровских «Ведомостях» 1703–1719 гг. 11

В. И. Карпов
Заговорные тексты в немецких судебных актах XVI–XVII вв.: прагматический аспект языкового варьирования 39

S. B. Klimenko
Conjunctions, clisis, and topicalization in Tagalog 61

М. А. Ключева
Чурания (формулы-восклицания) в марийских прятках 118

D. Kölligan
A note on Greek πρυλέες ‘foot-soldiers’ and πρύλις ‘pyrrhic’ . . 163

Т. Д. Коркина
Лексические разночтения в редакциях русского перевода коммерческого трактата Джона Ло «Money and Trade» 178

В. В. Палладес
Инвективная лексика в арабском языке и ее классификация 208

О. В. Тихонова
Особенности применения арабской буквы *джӣм* [ǧ] для передачи звуков, обозначаемых латинскими буквами *j* и *g(i/e)* в португальских рукописях на алжамии XVI в. 236

Е. А. Уланский
Интерпретационные правила (paribhāṣā) у Панини 252

D. M. Zelenskii
Unified description of Finnish consonant gradation 282

Этика научных публикаций 304

Publication Ethics 308

Contents

Viktoria V. Istraty
The Russian word *договор* (dogovor) and its synonyms as used in the Petrine *Vedomosti* of 1703–1719 11

Vladimir I. Karpov
Charms in German judicial acts of the 16th–17th centuries: pragmatics of language variation 39

Sergei B. Klimenko
Conjunctions, clisis, and topicalization in Tagalog 61

Maria A. Klyucheva
Exclamation formulas in children's games of hide-and-seek in Mari 118

Daniel Kölligan
A note on Greek πρυλέες 'foot-soldiers' and πρύλις 'pyrrhic' . . . 163

Tatiana D. Korkina
Lexical discrepancies in the editions of the Russian translation of the commercial treatise by John Law «Money and Trade» . . . 178

Victor V. Pallades
Invective vocabulary and its classification in the Arabic language 208

Olga V. Tikhonova
Usage of the Arabic letter *jīm* in 16th century Portuguese manuscripts written in Aljamia for the sounds denoted by the Latin *j* and *g(i/e)* 236

Evgenii A. Ulanskii
Pāṇini's rules of interpretation (paribhāṣā) 252

Dmitrii M. Zelenskii
Unified description of Finnish consonant gradation 282

Publication Ethics (in Russian) 304

Publication Ethics 308

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 11–38
DOI 10.30842/alp230657371821138

Слово *договор* и его синонимы в петровских «Ведомостях» 1703–1719 гг.

В. В. Истратий
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
v.istraty@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена употреблению заимствований в газете «Ведомости» 1703–1719 гг. На материале многозначного слова *договор* и заимствований *аккорд*, *капитуляция*, *негоциация* и *трактат*, синонимичных ему в одном или нескольких значениях, показано, что заимствования вытесняли из употребления специальные значения слова *договор*. Процесс вытеснения протекал постепенно и затронул все специальные значения слова, получившие новые иноязычные наименования. Изменение отношения к заимствованиям и начало их активного употребления вместо старых обозначений в «Ведомостях» приходится на 1705–1706 гг.

Ключевые слова: русский язык, история русского литературного языка, Петровская эпоха, историческая лексикология, «Ведомости», заимствования, синонимы.

The Russian word *договор* (dogovor) and its synonyms as used in the Petrine *Vedomosti* of 1703–1719

Viktoria V. Istraty
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); v.istraty@gmail.com

Abstract. The paper addresses the usage of new loanwords and their original Russian synonyms in the 1703–1719 issues of *Vedomosti*, Russia's first newspaper. Traditionally, a large number of loanwords have been described among the most

© В. В. Истратий, 2022

characteristic features of Russian in the Petrine era. The loanwords typically performed two functions: a nominative one involved with introduction of new concepts by into the Russian language, and a cultural / educational function, with the new words standing behind novel cultural perceptions. While the actual story of each loan is fairly complicated and usually deals with a combination of both functions, an ideal picture would be for every new "nominative" loan to have no synonym / cousin in Russian and for every new "cultural" loan, on the contrary, to have a corresponding Russian counterpart that would be, however, treated as less preferable / less compatible with the European culture. This paper explores the behavior of the polysemous word *договор* (dogovor) and its four new-loan synonyms with different meanings: *аккорд* (accord) 'a military treaty on surrendering a city / fortress', *капитуляция* (kapituliatsiya) 'military capitulation', *негоциация* (negotsiatsiya) 'diplomatic negotiations', and *трактат* (traktat) 'diplomatic treaty'. Since the word *договор* could express all these four meanings in the 17th century Russian, we have here a potential "cultural" loanword case. The paper focuses on the coexistence of the new loanwords with their native Russian counterparts and on its specific features. Our analysis reveals a gradual increase in the occurrence of the new loanwords during the period addressed parallel to displacement of the native synonym. While hardly semantically unique, the new words definitely showed a stronger terminological potential given their simple semantic structure (a single specific meaning without other connotations) and an isolated position within the host lexical system. Thus, one can attribute the increase in the occurrence of the new loanwords not only to their "cultural" function, but also to the needs of the new Russian military and diplomatic terminological systems. This conclusion can be confirmed by the subsequent history of all the words addressed: the word *договор* has lost all its specific meanings discussed above, while the four loanwords have enjoyed rather a long history in Russian, with one of them, *капитуляция* 'capitulation', still in active use today.

Keywords: Russian language, history of Standard Russian, the Petrine era, historical lexicology, *Vedomosti*, loan words, synonyms.

1. Введение

В истории русского литературного языка Петровская эпоха рассматривается как время окончательного разрушения славяно-русского двуязычия и начала формирования русского литературного

языка нового типа, характеризующегося полифункциональностью и единством норм.

Тексты петровского времени обладают рядом общих черт: это широкая вариативность единиц всех языковых уровней [Виноградов 1934/1982: 74–82; Мещерский 1981: 149; Круглов 2015: 177], отражение сильного иноязычного влияния, заметного прежде всего в лексике [Виноградов 1934/1982: 56–63, 64–71; Мещерский 1981: 142–148], расширение сфер употребления церковнославянского [Кутина 1978: 252] и делового языков [Виноградов 1934/1982: 71–73], смешение «в едином пуле» элементов старых регистров [Живов 2000: 580] при отказе (в различной степени последовательном в разных текстах) от использования «признаков книжности» — морфологических и синтаксических элементов, воспринимавшихся как характерные черты книжного языка допетровского времени [Живов 1986, 1988; 1996: 99–104].

Одной из наиболее ярких особенностей языка первой четверти XVIII в. является употребление многочисленных заимствований из западноевропейских языков [Соболевский 1889/1980: 118–120; Виноградов 1934/1982: 59–67; Винокур 1941/1959: 117, 121, 124; Живов 1996: 146]. Значение заимствованной лексики для развития русского литературного языка связано не только с номинативной, стилистической и культурно-просветительской функциями, которые эти слова выполняли в текстах петровского времени, но и с тем существенным влиянием, которое приток заимствований оказал на лексическую систему русского языка. Результатом вхождения большого числа заимствований стали процессы перестройки лексико-семантических и тематических групп, системных связей внутри словарного состава, словообразовательных моделей, однако в основе всех этих масштабных изменений лежали «точечные» взаимодействия внутри небольших групп, включающих новое заимствование или заимствования и те слова, которые выступали если не как их синонимы, то как в определенной степени близкие им по значению наименования. Эти слова определяли направление семантической и стилистической интерпретации заимствований, при этом параллельное употребление нескольких наименований могло вызвать изменения

значения, сочетаемости, стилистических характеристик всех наименований внутри группы.

Изучение отдельных групп синонимичных наименований в текстах Петровской эпохи интересно не только с точки зрения истории отдельных слов и понятий. Оно значимо и для истории русского литературного языка, так как может дать ответы на вопросы о роли заимствований в формировании литературного языка нового типа в Петровскую эпоху, о функциях заимствований в текстах этого периода и отношении к ним современников.

Настоящая статья посвящена истории взаимодействия группы заимствованных слов с многозначным словом *договор*, которое в текстах Петровской эпохи использовалось как синоним всех рассматриваемых заимствований. Среди них есть одно слово, вошедшее в русский язык во второй половине XVII в., — *трактат*, употреблявшееся в значениях ‘соглашение, договор’ и ‘переговоры’. Остальные заимствования вошли в русский язык в петровское время — это слова *аккорд* (‘соглашение; соглашение об условиях сдачи города или крепости’), *капитуляция* (‘соглашение; соглашение об условиях прекращения военных действий’) и *негоциация* (‘дипломатические переговоры’).

Основным материалом исследования послужили выпуски первой русской печатной газеты «Ведомости» за 1703–1719 гг. «Ведомости» являются уникальным источником именно для изучения развития русского литературного языка и отдельных параметров внутри него в первой трети XVIII в. [Круглов 2017: 121]: выпуски газеты за разные годы не имеют кардинальных различий ни в форме, ни содержании, что позволяет условно считать их единым текстом, изменения в рамках которого не будут связаны с регистровыми или жанровыми особенностями. В то же время, если учесть постоянное внимание Петра I к газете, можно ожидать, что ее язык будет достаточно полно отражать так называемую «языковую политику» эпохи и основные тенденции в развитии нового единого полифункционального литературного языка.

Синонимичность интересующих нас обозначений на страницах «Ведомостей» находит подтверждение в их параллельном

употреблении, при котором слово *договор* используется в качестве пояснения, «внутритекстовой глоссы» к новым заимствованиям, ср.:

(1) *Нынешняго аугуста в 9 день, славный и крепкий город нарва (ругодев) с бжиею помощию воинством блгочестивейшаго ншего Гсдря взят в три четверти часа приступом, хотя неприятель подкопом наших некую часть и подорвал, однакожь салдатов тем устрашить не мог, потом в другую старую крепость неприятель вбежал, и бил шамад (здачу) да бы* ***окорд (договор)*** *или хотя бы пардон (млсть) получить, но салдаты наши того и слышать нехотели* ⟨…⟩ (22 августа 1704, № 22; I, 171)[1].

(2) *Из ниренберха сентября в 13 день. Грамотки возвещают, что к улму городу цесарские войска два дни приступали, и из пушек били, и сентября в 13 день из того города белое знамя выставили, и шамаду били, и* ***капитуляцыю (договор)*** *учинили, чтоб гварнизону с воинскою честию с двемя пушками за провожанием выпустить* (13 октября 1704; I, 190).

(3) *Между тем началась* ***негоциациа (договор)*** *у его королевскаго величества дацкаго, и саксонскаго фелт маршала флеминка, с швецким фелт маршалом штейнбоком о его штейнбоковой здаче* (17 июня 1713; II, 170).

Рассматривая употребление этих заимствований в «Ведомостях» и других текстах Петровской эпохи, а также более ранних и поздних периодов, мы уделим внимание следующим вопросам: в какой степени совпадали отдельные значения слова *договор* и новых заимствований; были ли заимствования связаны с новыми понятиями;

[1] «Ведомости» 1703–1719 гг. цитируются по изданию [Ведомости 1903–1906], в скобках указаны выпуск и страницы издания, а также дата публикации цитируемого номера газеты. Все примеры приводятся в упрощенной орфографии: ъ на конце слов не воспроизводится, буквы і, ѡ, ѳ, ѣ, ѕ, ѕ, ѧ передаются как *и*, *о*, *ф*, *е*, *з*, *у*, *я* соответственно. Выносные буквы вносятся в строку, знак титла не воспроизводится, буквенная цифирь передается цифрами.

изменилась ли семантическая структура слова *договор* под влиянием заимствованных синонимов; испытывала ли семантика заимствований влияние со стороны слова *договор*; можно ли проследить какие-то изменения в соотношении изучаемых синонимов на протяжении 1703–1719 гг.; каким образом развивалась синонимическая группа в послепетровское время.

2. Слово *договор* в «Ведомостях»

В «Ведомостях» 1703–1719 гг. слово *договор* встречается в трех значениях — ‘соглашение’, ‘переговоры’ и ‘условия соглашения’. Наиболее частотным является первое из них, ср.:

(4) *Из везеля февраля в 9 день. Вечор пришол к нам здешнего города капитан, и сказывает, что при нем французы в городе римберке, прускому королю здались, и* ***договор*** *со обеих сторон подкреплен; а французы 1000у члк, между ими многие болящие из того города вышли, и никакой нужды в пище неимели, кроме соли, сих людей по* ***договору*** *провожать будут до антверпена* (22 марта 1703; I, 31).

При этом половина всех примеров с этим значением и одновременно более четверти вообще всех случаев употребления слова *договор* в «Ведомостях» 1703–1719 гг. приходится на контексты, где оно используется в специальном военном значении ‘соглашение о прекращении военных действий, сдаче города или крепости’, которое реализуется в конструкциях *сдаться договором / на договор / по договору, взять договором / с договором / по договору*. Ср.:

(5) *Город нибурх на реке дунае* ***договором*** *курфирсту баварскому здался* (5 апреля 1703; I, 33).

(6) *Вчера маеор левенберг из дерпта (юрьев ливонский) пришел, возвещая, что московские люди тот город* ***договором*** *взяли* (14 сентября 1704; I, 177).

(7) *Московские войска нарву приступом взяли, всех на балах порубили, а потом разграбя многие телеги с добычею в обоз привезли, комендант в иван город отшел, и скудости ради хлебных запасов* ***по договору*** *сдался, и с семнатцатию офицеры к колывани отпущен* (20 октября 1704; I, 194).

Вторым по употребительности в «Ведомостях» оказывается значение ‘переговоры’. В нем слово *договор* может использоваться как в единственном, так и во множественном числе. Ср.:

(8) *О мире надежда, которая для кровавых боев пропала было, паки явитись хощет, потому что от шведов комисары для мирнаго* ***договору*** *сюда быть имеют* (10 июля 1703; I, 57).

(9) *Из стеколна ж апреля в 13 день. Короля здешняго, ежечас ожидают в варшаву, где разговорясь с кардиналом,* ***договоры*** *о мире начнутся* (15 мая 1703; I, 42).

В значении ‘переговоры’ слово может встречаться на страницах газеты в сочетании с глаголами *чинить* и *чиниться*, в то время как *договор* ‘соглашение’ используется с глаголом *учинить*. Ср.:

(10) *В регенсбурге труждаются все гсдрства, в великий союз привести, и для того с аглинскими, и галанскими министрами* ***договоры чинятся****, и радеют доволными быть на отпор французу и баварчику* (24 января 1703; I, 16).

(11) *Французы просят, да бы на розмену и навыкуп отпустили тех французов которые в лутихе в фейле, и во иных местех взяты, и отом* ***договор учинен*** (11 марта 1703; I, 28).

В значении ‘условия соглашения’ слово *договор* используется в «Ведомостях» достаточно редко: оно представлено только в 7 из 127 примеров. В этом значении слово также может употребляться в единственном и множественном числе, а среди устойчивых конструкций с ним — употребление с предлогами *на* и *с*: *на договоре*, *с договором*. Ср.:

(12) *Гонец откурфирста в ниренберх послан с писмом за ево рукою о перемирье с швабским, и френкиским крейцом на угодных и прибылных* ***договорах****, и тем паки надежда к доброму удоволствованию является* (26 апреля 1703; I, 36).

Ни одно из значений, в которых слово *договор* используется в «Ведомостях», включая специальное военное употребление, не было новацией Петровской эпохи.

По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», слово *договор* вошло в русский язык в середине — второй половине XVI в. Составители словаря выделяют у него два значения — ‘договоренность, уговор’ и ‘наказ’, для первого из которых отмечается также возможность употребления в качестве наименования документа, оформляющего договор [СлРЯ XI–XVII: IV, 281]. При такой интерпретации семантической структуры слова интересующие нас значения ‘переговоры’, ‘соглашение’ и ‘условия’ оказываются объединены в первом значении ‘договоренность’, что не позволяет проследить их судьбу по материалам словаря. В связи с этим мы обратились к текстам «Вестей-курантов» — рукописных переводов иностранных газет, которые переводчики Посольского приказа выполняли для русских царей в XVII в. Материалы «Вестей-курантов», содержательно и стилистически близких петровским «Ведомостям», свидетельствуют о том, что все три интересующие нас значения в XVII в. уже использовались. Как и в «Ведомостях», более употребительными в «Курантах» оказываются значения ‘соглашение’ и ‘переговоры’. Ср.:

‘соглашение’:

(13) *да корол же мне говорил что ево послы давно готовы в Орешке по* ***договору*** *как срок учине*н (1617) [В-К I: 27].

‘переговоры’:

(14) ⟨…⟩ *да в те* ж *поры свеиского и полского послы были вместе по*д *Ригою. для ми*рново ***договору****. и они розехалис не учиня ниче*г (1617) [В-К I: 26].

В «Курантах» есть и случаи употребления слова *договор* в специальном военном значении ‘соглашение о прекращении военных действий’. Наиболее ранний из них встретился в переводе вестовых листов, датированных октябрем — ноябрем 1626 г.:

(15) 〈…〉 *в четвертая доля тех мужико*в *кнзя Беиярско*г *рубежно*и *город Геминду по* ***договору*** *взяли и Цесарево гсдрство о*т *тех мужиков в великом страху* (1626) [В-К I: 81].

Ср. также более поздние примеры, число которых в целом остается невелико:

(16) *Город Аммелем здался подлинно того* ж *мсца июля в 11* де *по* ***договору*** *что их выпустит и с собою взя*т *ноша как мочи члвку нести* (1633) [В-К I: 164].

(17) *А Ситов город свеяня по* ***до[го]вору*** *взяли а нне они над Свинсом промышляю*т (1644) [В-К II: 112].

Значение ‘условия соглашения’ в «Курантах», как и в «Ведомостях», употребляется существенно реже других и представлено единичными примерами. Ср.:

(18) *по отшествии французскихъ воинских караблеи турки к городу чинили два великие приступы, которыми ншихъ людеи такъ стеснили что учели нши говорить о здаче и по казали турком белое знамя, но турки сказали что на добрыхъ* ***договорахъ*** *с ними миритца не хотятъ* (1669) [В-К VI: 430].

Итак, все значения слова *договор*, в которых оно встречается в «Ведомостях», известны с допетровского периода и ко времени начала издания газеты использовались уже по меньшей мере несколько десятилетий.

В «Ведомостях» 1703–1719 гг. употребительность слова *договор* снижается от года к году. Эту динамику показывает и общее количество примеров в выпусках разных лет, и условное среднее количество примеров на печатный лист (считая по 40 тыс. знаков в 1 п. л.) за каждый год. Например, объем сохранившихся номеров газеты за 1703,

1704 и 1719 гг. приблизительно одинаков, при этом в выпусках 1703 г. слово *договор* встречается 34 раза, в 1704 г. — 38 раз, а в 1719 г. — только 2 раза. Соотношение значений слова в «Ведомостях» 1703–1719 гг. подвержено незначительным колебаниям: в 1703 г. самым употребительным было значение ‘переговоры’, в 1704 г. — ‘соглашение’, в 1705 г. — специальное ‘соглашение о прекращении боевых действий’. Однако падение употребительности слова не связано с уходом одного или нескольких его значений: все они начинают использоваться реже.

Таблица 1. Слово *договор* и его значения в «Ведомостях» 1703–1719 гг.

Table 1. The word *договор* and its meanings in *Vedomosti* of 1703–1719

год	объем известных выпусков	среднее кол-во примеров на п. л.	Значения слова *договор*				всего
			‘переговоры’	‘соглашение’		‘условия’	
				‘соглашение’	‘соглашение о прекращении военных действий’		
1703	6 п. л.	5,5	13	9	9	3	34
1704	6 п. л.	6,3	11	14	13	—	38
1705	5,3 п. л.	4,2	5	8	9	—	22
1706	2,9 п. л.	3,1	2	3	5	—	10
1707	2,6 п. л.	2,7	—	5	1	1	7
1708	0,6 п. л.		—	—	—	—	—
1709	0,8 п. л.		—	—	—	—	—
1710	1,8 п. л.	2,2	2	2	—	—	4
1711	1,8 п. л.	1,7	—	2	—	1	3
1712	1,1 п. л.	1,8	1	1	—	—	2
1713	2 п. л.	2,5	2	1	—	2	5

год	объем известных выпусков	среднее кол-во примеров на п. л.	Значения слова *договор*				всего
			‘переговоры’	‘соглашение’		‘условия’	
				‘соглашение’	‘соглашение о прекращении военных действий’		
1714	0,7 п. л.		—	—	—	—	—
1715	0,5 п. л.		—	—	—	—	—
1716	0,8 п. л.		—	—	—	—	—
1717	0,2 п. л.		—	—	—	—	—
1718	0,04 п. л.		—	—	—	—	—
1719	6 п. л.	0,3	2	—	—	—	2
Всего	39,14 п. л.		38 (29,9 %)	45 (35,4 %)	37 (29,1 %)	7 (5,6 %)	127 (100 %)

Таким образом, к 1719 г. употребительность слова *договор* в «Ведомостях» значительно снизилась по сравнению с первыми годами их издания. Параллельно с этим материалы газеты показывают такой же постепенный рост употребительности заимствований *трактат, аккорд, капитуляция* и *негоциация*, синонимичных слову *договор* в одном или нескольких значениях.

3. Синонимы слова *договор* по значению ‘переговоры’: *трактат* и *негоциация*

Слово *трактат* — единственный из рассматриваемых нами заимствованных синонимов слова *договор*, вошедший в русский язык в допетровское время. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» относит

его вхождение к середине XVII в.: наиболее ранний пример, приведенный здесь, датирован 1658 г. Слово получает в словаре краткую дефиницию «договор» [СлРЯ XI–XVII: XXX, 93–94], однако во всех трех цитатах, иллюстрирующих его употребление, оно, как кажется, представлено не в результативном значении ‘соглашение’, а в процессуальном ‘переговоры’. В этих иллюстрациях заимствование *трактат*, как и слово *договор* в значении ‘переговоры’, используется в форме множественного числа и управляется глаголом *чинить*. Ср.:

(19) *А про казачие, государь,* ***трактаты****, на чем козаки с королем* ***трактаты чинят*** ⟨…⟩ *и те, государь, многие статьи сошлись с теми пунктами, что я* ⟨…⟩ *писал к тебе* ⟨…⟩ *наперед сего* (ДАИ. IV, 136. 1658 г.) [Цит. по: СлРЯ XI–XVII: XXX: 93–94]

(20) *Тогда црь московскои датцкому королю не помогал и* ***чинил*** *в то время с королевским величеством о покое в Валиэсаре* ***трактаты*** (Котош.[1], 71, 1667 г.) [Цит. по: СлРЯ XI–XVII: XXX, 94].

В рукописных «Вестях-курантах» слово *трактат* используется и в значении ‘соглашение’, и в значении ‘переговоры’, но только в форме множественного числа. Ср.:

(21) *Проти*в *учиненных* ***трактатов*** *договорено*с *Свеиско*и *коруне давать по 100000 золоты*х *че*рвонны*х на мсц* (1666) [В-К VI: 222].

(22) *Из Цеса*рские *земли пишу*т *что* ***тра*****ктаты** *ме*ж *Москв*ою *и Полшею к желаемо*му *конц*у *пришли и вечно*и *ми*р *ме*ж *обоими народы утве*ржен (1670) [В-К VI: 500].

В «Ведомостях» заимствование *трактат* употребляется относительно редко. Первые примеры с ним появляются в выпусках 1705 г., где оно встречается 3 раза в значении ‘переговоры’. Особенно любопытен один из этих трех примеров, поскольку слово в нем используется в форме единственного числа. Ср.:

(23) *Из варшавы ноября в 3 день. Сего дня при* ***трактате*** *ничего не учинено, понеже генерал горн в блонию поехал* (22 декабря 1705; I, 302).

(24) *Из вены ноября в 5 день. Цесарский полномочный из презбурка, и оба аглинские посланники, из тирнавы приехали, где оные на* ***трактатех*** *были у неудоволных о перемирии* (22 декабря 1705; I, 303).

Далее слово *трактат* появляется в номерах газеты за 1706, 1710–1713, 1715 и 1718 гг., но число примеров с ним остается небольшим — от одного до пяти во всех выпусках за год. Исключение составляют лишь выпуски 1719 г., где заимствование встречается 16 раз (в 13 случаях в значении ‘соглашение’, в трех — ‘переговоры’). В целом в «Ведомостях» значение ‘соглашение’ является более частотным: из всех 35 примеров за 1705–1719 гг. в 25 представлено именно оно. В значении ‘переговоры’ слово *трактат* встречается 9 раз. Кроме того, в номере от 24 августа 1711 г. оно используется в специальном военном значении ‘соглашение о сдаче крепости’ в составе той же конструкции с предлогом, характерной для этого значения слова *договор*, которое в том же контексте используется как синоним заимствования. Ср.:

(25) *По том паша четвертаго надесять числа чрез* ***трактат*** *замок отдал на таких кондициах, что им без оружия и пожитков выступить. И по тому* ***договору*** *оные турки так и учинили* (24 августа 1711; II, 116).

Поскольку слово *трактат* в целом используется в «Ведомостях» относительно редко, материалы газеты не дают возможности выявить никаких определенных тенденций к изменению его значения или употребительности. Однако выпуски за 1719 г. позволяют установить, что переводчик Борис Волков, который в это время занимался изданием газеты [Погорелов 1903: VI], предпочитал использовать это заимствование, а не его синоним *договор*, который встречается в «Ведомостях» 1719 г. в 8 раз реже слова *трактат*. Причем последнее Волков употребляет в двух значениях — ‘переговоры’ и ‘соглашение’, тогда как *договор* — только в значении ‘переговоры’.

В 1713 г. на страницах «Ведомостей» появляется еще один заимствованный синоним слова *договор* по значению ‘переговоры’ — *негоциация*. Это заимствование является новацией Петровской эпохи: «Словарь русского языка XVIII в.» датирует его вхождение 1710 г. В первой половине XVIII в. слово употреблялось только в значении ‘дипломатические переговоры’ [СлРЯ XVIII: XIV, 156].

В «Ведомостях» 1703–1719 гг. встретилось всего несколько примеров с заимствованием *негоциация*: 5 в номере от 17 июня 1713 г. (этот выпуск был напечатан дважды — кириллицей и гражданским шрифтом, см. [Ведомости 1703–1719: II, 169–177]) и 2 в выпусках 1719 г. Ср.:

(26) *Между тем началась* ***негоциациа (договор)*** *у его королевскаго величества дацкаго, и саксонскаго фелт маршала флеминка, с швецким фелт маршалом штейнбоком о его штейнбоковой здаче, и когда оная к совершенству пришла, тогда его светлость кнзь меншиков, оную* ***негоциацию*** *протестовал, для чего без ево ведома то чинитца* (17 июня 1713; II, 170).

(27) *Из ГАГИ от 20 Июня. По всем видам кажется, что* ***негоциация*** *господина посланника Видворта, при Королевском Пруском дворе желаемого происхождения невозъимела* (25 июля 1719; II, 274).

Таким образом, заимствование *негоциация*, в целом малоупотребительное в «Ведомостях», в 1719 г. сравнивается по количеству употреблений со словом *договор*, которое в номерах этого года используется только как абсолютный синоним этого заимствования, т. е. в значении ‘переговоры’.

4. Синонимы слова *договор* по значению ‘соглашение о прекращении военных действий’: *аккорд* и *капитуляция*

Синонимы слова *договор* по специальному военному значению ‘соглашение о прекращении военных действий’ — заимствования

аккорд и *капитуляция* — на страницах газеты «Ведомости» появляются в 1704 г. Как и слово *негоциация*, они относятся к новациям Петровской эпохи.

Заимствование *аккорд* фиксируется с 1702 г. [СлРЯ XVIII: I, 37]. В «Ведомостях» оно представлено в пяти вариантах: *акорд*, *аккорд*, *акорт*, *окорд* и *окорт*; чаще других встречается вариант *окорд*.

В «Ведомостях» слово *аккорд* используется только в специальном военном значении ‘соглашение о сдаче города или крепости на определенных условиях’ и употребляется в конструкциях, характерных для этого значения слова *договор*, — *взять* / *получить* / *принять* / *сдать* / *сдаться на аккорд*, *сдаться чрез аккорд* / *по аккорду*, а также *просить аккорду*, *дать аккорд* и *учинить аккорд*. Ср.:

(28) *И в 13 день сего мсца, как оного утеснения неприятель терпеть не похотел, ударил шамад (к здаче) и так сия фортификация* [Баусская крепость. — *В. И.*] *чрез милость бжию* ***на окорт взята*** (8 октября 1705; I, 276).

(29) *Крепость остенде после четвертаго дни отвореннаго транжементу* ***чрез акорд здалася*** *и гварнизон со обыкновенною честию отпущены со обещанием, что чрез два мсца против союзников служити не будут* (2 августа 1706; I, 329).

(30) *И по соверешнии того брешта в 28 день. выслал Комендант* ***просить окорду****. И понеже сей замок* [Нейшлот. — *В.И.*] *зело водами крепок, к которому на штурм надобно было итти чрез зело быструю воду на плотах, что с немалым бы уроном учинитца могло. того ради на прошение комендантское позволено. И в 29 день, тот замок* ***на окорд принят*** (7 августа 1714; II, 200).

В выпусках «Ведомостей» за отдельные годы количество примеров со словом *аккорд* невелико: в номерах 1704, 1705, 1711 и 1719 гг. оно встречается по 3 раза, в 1706 — 5 раз, в 1709, 1710 и 1714 гг. — 2 раза, в выпусках 1712 и 1716 гг. по одному случаю. Несмотря на то что число употреблений заимствования на протяжении 1704–1719 гг. оставалось небольшим, уже в выпусках 1706 г.

оно используется чаще, чем соответствующее значение слова *договор*: *аккорд* встречается в номерах этого года 5 раз, а слово *договор* в значении ‘соглашение о сдаче города или крепости’ — 4 раза. С 1708 г. слово *договор* вообще перестает употребляться в газете в этом значении.

Заимствование *капитуляция* появляется в текстах петровского времени годом позже, чем слово *аккорд*, — в 1703 г. [СлРЯ XVIII: IX, 245]. В «Ведомостях» оно впервые встречается в выпуске от 13 октября 1704 г. в сопровождении слова *договор* в качестве внутритекстовой глоссы (см. выше пример (2). Общее число употреблений заимствования *капитуляция* в газете также относительно невелико, однако эти примеры позволяют заметить определенный рост его употребительности: если в выпусках 1704–1706 гг. оно встречается всего по одному разу, то в 1710 г. уже 3 примера, в 1713 и 1716 гг. — 4, в номерах 1719 г. — 9.

Заимствование *капитуляция* используется в «Ведомостях» в двух значениях, свойственных также и слову *договор*, — ‘соглашение о прекращении военных действий’ и ‘условия соглашения’. Во втором из них заимствование может сопровождаться словом *статьи* (т. е. пункты договора) в качестве пояснения. Ср.:

(31) *И для заключения* ***капитуляции (статьи)*** *определены были со обоих сторон камисары, и оная* ***капитуляция*** *в пятом числе сего мсца заключилась, а с девятаго числа неприятелское из тонинга выступание началось* (17 июня 1713; II, 171).

Значение ‘соглашение о прекращении военных действий’ оказывается в «Ведомостях» более частотным (13 примеров из 23), однако два значения заимствования не всегда удается однозначно противопоставить друг другу, поскольку любое соглашение предполагает наличие определенных условий, а контекстуальных маркеров для разграничения этих значений нет.

Итак, заимствования *аккорд* и *капитуляция*, синонимичные слову *договор* в значении ‘соглашение о прекращении военных действий’, в «Ведомостях» 1719 г. используются чаще своего незаимствованного синонима, хотя в первые годы издания газеты значительно

уступали ему по употребительности. Те же изменения в соотношении заимствованных и исконных наименований заметны и на примере синонимов слова *договор* по значению ‘переговоры’ — *трактат* и *негоциация*.

Обобщенные данные о соотношении синонимов слова *договор* в «Ведомостях» 1703–1719 гг. представлены в *Таблице 2*.

Таблица 2. Заимствования, синонимичные слову *договор*, в «Ведомостях» 1703–1719 гг.

Table 2. Loan synonyms of the word *договор* in *Vedomosti* of 1703–1719

год	***аккорд* (*окорт*, *окорд*, *акорд*, *акорт*)**	***капитуляция***	***негоциация***	***трактат***
1703	—	—	—	—
1704	2	1	—	—
1705	3	1	—	3
1706	4	1	—	5
1707	—	—	—	—
1708	—	—	—	—
1709	2	—	—	—
1710	2	3	—	2
1711	3	—	—	1
1712	1	—	—	3
1713	—	4	5	4
1714	4	—	—	—
1715	—	—	—	1
1716	1	8	—	—
1717	—	—	—	—
1718	—	—	—	1
1719	3	6	2	16
Всего примеров	25	28	12	34

5. Слово *договор* и его синонимы в других текстах XVIII века

В «Ведомостях» заимствования *аккорд* и *негоциация* используются в одном значении, *капитуляция* — в двух, *трактат* — в трех. Однако другие тексты Петровской эпохи свидетельствуют о том, что все эти заимствования, за исключением слова *негоциация*, могли употребляться в нескольких значениях, а те их значения, которые представлены в «Ведомостях», в других текстах оказываются более широкими.

Например, слово *трактат* в «Ведомостях» называет дипломатическое соглашение и дипломатические переговоры, а также соглашение о прекращении военных действий. Материалы Картотеки «Словаря русского языка XVIII века» указывают на то, что в петровское время это заимствование употреблялось и как общее наименование любых соглашений, в том числе, к примеру, договора о найме. Ср.:

(32) *И деньги им мастерам и ученикам, по их договорному* ***трактату****, за то дело* [полотняное. — *В. И.*] *погодно и помесячно давать без всякаго задержания* (1714) [ПСЗ: V, 135].

Заимствование *аккорд* также использовалось не только как военный термин, называющий договор о сдаче города или крепости, но и в общем значении ‘соглашение’. Ср.:

(33) *Отцы иезуиты, повинни (по* ***аккорду*** *с ними учиненному) ставить непременно из провинции лионскои, 12 человек их собрания, жития и обычаев подражанию достоиных* ⟨…⟩ *дабы их обучить удобными быть во отправлении крестового служения на караблях* [Устав 1715: 456].

Наконец, в общем значении ‘соглашение’ могло употребляться и слово *капитуляция*:

(34) ⟨…⟩ *которых особ оный полковник в службу нашу призовет и* ***капитуляцию*** *о чине и жалованье его с ними сочинит,*

то все по тому от нас, великого государя ⟨…⟩ *содержано будет* (Петр I, 1706) [ПБП: IV, 349].

В некоторых контекстах, где заимствования *аккорд*, *капитуляция* и *трактат* используются как узкие военные термины, они выступают не как синонимы, а, скорее, наоборот, противопоставлены друг другу. Например, в следующем фрагменте из выпуска «Ведомостей» от 4 ноября 1706 г. *аккорд* и *капитуляция* очевидно называют различные реалии:

(35) *Из ауденарде октября во 2 день. Фелдмаршалк оверкерк контрашарпу при ате одержал и к приступу все уготовил, комендант шамаду велел бить и* ***капитулацыи*** *учинить хотел, понеже* ***аккорд*** *ему не дан* (4 ноября 1706; I, 351).

Приведем также пример из письма российского посла в Вене И.-Х. Урбиха к Петру I от 23 марта 1708 г., где противопоставлены *трактат* и *капитуляция*:

(36) *И мне на то ответствовано: на 1-ю, что то не прямой* ***трактат****, но воинская* ***капитуляция*** *была, какую и соединенные в Недерландах також учинили* (И.-Х. Урбих — Петру I, 1708) [ПБП: VII, 718].

Однако наряду с подобными примерами можно указать случаи, где эти заимствования используются как синонимичные и взаимно поясняют друг друга. Ср.:

(37) *И тако по некоторым пересылкам с сими господами генералами тот* ***трактат*** *или* ***акорд*** *учинен на таких кондициях* ⟨…⟩ [Шафиров 1717: 211].

(38) ***Капитуляция****, то же самое, что* ***акорд*** *или* ***договор****, при здаче осажденнаго города, которой должны с обоих сторон, прежде здачи города от главных начальников подписан, и твердо содержан быть* [Татищев 1744–1746: III, 156].

Итак, ни один из заимствованных синонимов слова *договор* в начале XVIII в. не был однозначным термином. С другой стороны,

соотношение совпадающих значений этих заимствований не было простым: они могли употребляться и как синонимы, и как противопоставленные друг другу наименования различных реалий.

Сложное соотношение элементов внутри этой группы синонимичных обозначений достаточно быстро привело к ее распаду, который в целом завершился еще в XVIII в., хотя утрата отдельных значений продолжалась до конца XIX — начала XX вв.

Слово *договор* утратило специальное военное значение ‘соглашение о прекращении военных действий’ и значение ‘дипломатические переговоры’. Первое вышло из употребления в середине XVIII в. В наиболее поздних примерах с ним, относящихся к 1750–1760-м гг., слово используется во множественном числе. Ср.:

(39) *А как скоро все к приступу изготовлено было, то Дон Руби, Шпанской Полковник, имеющей в городе команду, предприял сдаться на* ***договоры*** [Прево д’Экзиль 1756–1767: III, 159].

(40) *Великий крепкий град,*
Приступным воинством объят,
На ***договоры*** *не сдается.*
[Сумароков 1787: VII, 236].

Возможно, форма множественного числа в конструкции *сдаться на договор(ы)* появилась в результате сближения специального значения ‘соглашение о прекращении военных действий’ и значения ‘условия’, которое, судя по материалам КСлРЯ XVIII, в середине — второй половине XVIII в. получило широкое распространение и было очень употребительным[2].

[2] Очевидно, именно это позднейшее сближение значений ‘условия’ и ‘соглашение о прекращении военных действий’ заставило составителей «Словаря русского языка XVIII в.» расценить последнее как специальное употребление слова *договор* в значении ‘условия’ [СлРЯ XVIII: 173]. Однако многочисленные примеры из текстов Петровской эпохи, как кажется, свидетельствуют о том, что это специальное употребление следует все же отнести к значению ‘соглашение’. Заимствование *аккорд*, полностью синонимичное слову *договор* в этом значении, толкуется в словаре как ‘договор, соглашение’ [СлРЯ XVIII: I, 37].

Значение ‘переговоры’ слово *договор* сохраняло до конца XVIII в., ср.:

(41) *Мы бы охотно у нее сами побывали; но услышали, что ее стерегут накрепко, и потом проведали, что любовник ея так ея обогатил, что она едва склонится ли к принятию других предложений; между тем мы не преминули вступить с нею в* ***договоры*** [Ламбер 1761: I, 183].

(42) *Он* [народ Мадагаскара. — *В. И.*] *соединяет искуство с понятливостию; добр и странноприимчив. Живущие на берегах, справедливо не доверяя иностранцам, берут при* ***договорах*** *все предосторожности, которыя внушает им благоразумие и даже тонкость* [Пельский 1803: 93–94].

Военный термин *аккорд* перестал употребляться еще раньше, чем соответствующее значение слова *договор*, — в 1740–1750 гг. Ср. один из наиболее поздних случаев:

(43) *Гарнизон с добрым* ***акордом*** *в крепость провожден* [Беклер 1751/1765: 10].

Постепенно упрощалась семантическая структура заимствования *трактат*. В середине XVIII в. оно утратило значение ‘переговоры’. Ср. один из поздних примеров:

(44) ⟨…⟩ *Подписал оному перемирие, и по окончании* ***трактатов*** *каждый в свою сторону поехал* [Эмин 1763: I, 131].

Значение же ‘дипломатическое соглашение’ слово сохраняло до конца XIX в. Еще «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова дает его без хронологических помет, только с пометой *дипломатическое* [Ушаков: IV, стб. 769]. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» значение уже характеризуется как устаревшее [БАС: XV, стб. 790].

Заимствование *негоциация* продолжало употребляться как наименование дипломатических переговоров вплоть до последней трети XIX в. «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.

выделяет у него только это значение и не сопровождает его какими-либо указаниями на ограниченность употребления: «НЕГОЦИАЦИЯ. Дипломатические переговоры, предшествующие заключению условий. *Вести негоциации с министрами иностранного двора*» [Сл 1847: II, 430]. Самый поздний пример со словом *негоциация* в значении ‘переговоры’, зафиксированный в материалах Национального корпуса русского языка, встретился в дневнике военного министра Д. А. Милютина за 1877 г., где слово *негоциация* используется как нейтральный термин. Ср.:

(45) *Поэтому во вчерашнем совещании положено было подтвердить графу Шувалову, что мы, не желая прерывать начатых объяснений с лондонским двором, но, с другой стороны, и не придавая им значения формальных* ***негоциаций****, находим, однако же, необходимым заранее заявить наши соображения в отношении Болгарии, дабы потом не вышло опять каких-нибудь сомнений насчет нашей искренности и честности* (Д. А. Милютин, Дневник, 1877) [НКРЯ].

Таким образом, слово *договор* лишилось специальных значений ‘переговоры’ и ‘соглашение о прекращении военных действий’, сохранив статус гиперонима со значением ‘соглашение’. Заимствования *аккорд*, *капитуляция*, *трактат* это общее значение утратили. *Аккорд* позднее перестало употребляться и как военный термин, терминологические же значения других заимствований оказались очень стойкими и сохранялись в употреблении несколько столетий.

6. Выводы

В выпусках газеты «Ведомости» 1703–1719 гг. параллельно с многозначным словом *договор* употребляется ряд заимствований, совпадающих с ним в одном или нескольких значениях. Это слова *аккорд* (‘соглашение о прекращении военных действий’), *капитуляция* (‘соглашение о прекращении военных действий’, ‘условия’),

негоциация (‘дипломатические переговоры’) и *трактат* (‘дипломатическое соглашение’, ‘дипломатические переговоры’, ‘соглашение о прекращении военных действий’). Ни одно из значений слова *договор*, совпадающих со значениями новых заимствований, к моменту их вхождения не было новым и употреблялось уже по меньшей мере половину столетия.

К 1719 г. заимствованные синонимы постепенно вытесняют слово *договор* из «Ведомостей»: если в выпусках 1703–1705 гг. оно представлено несколькими десятками примеров, а заимствования употребляются несколько раз или не употребляются вовсе, то в номерах за 1719 г. слово *договор* встречается всего дважды, тогда как его заимствованные синонимы активно используются.

При изучении заимствований Петровской эпохи одним из основных вопросов является установление их основной функции: были ли они связаны с новыми реалиями и понятиями или выполняли скорее стилистические, чем номинативные задачи. Заимствованные синонимы слова *договор* новых реалий не называли, однако по сравнению с ним они несомненно обладали бóльшим терминологическим потенциалом благодаря своему иноязычному происхождению и отсутствию связей внутри словарного состава. Возможно, каждое из них в отдельности ничего не добавляло к семантике слова *договор*, однако в текстах, насыщенных заимствованной военной и дипломатической терминологией, они воспринимались как часть терминологической системы. Слово *договор* этим преимуществом не обладало и к середине XVIII в. утратило свои специальные значения.

Динамика употребления заимствованных и незаимствованных синонимов в «Ведомостях» позволяет указать на 1705–1706 гг. как на время изменения отношения к заимствованиям и начала их активного употребления. До этого времени переводчики, готовившие номера газеты, отдавали предпочтение незаимствованным обозначениям, после же начинается их постепенное вытеснение заимствованиями. Такие изменения в употребительности можно заметить не только в группе *договор — аккорд — капитуляция — негоциация — трактат*, но и в группе обозначений участников антиправительственных выступлений: *бунтовщик — неудовольный — малконтент — ребелл* /

ребеллизант / *ребеллицант* [Истратий 2017]. Принципиальное изменение в отношении к заимствованиям особенно хорошо заметно на примере слова *трактат*, которое вошло в русский язык не в Петровскую эпоху, а в середине XVII в.: в выпусках «Ведомостей» 1703–1704 гг. оно не используется и появляется на страницах газеты только в 1705 г. вместе со множеством новых заимствований Петровской эпохи.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

Виноградов 1934/1982 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.

Винокур 1941/1959 — Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 111–137.

Живов 1986 — В. М. Живов. Новые материалы к истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. № 3. С. 246–260.

Живов 1988 — В. М. Живов. Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. Iss. 1. P. 3–47.

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996.

Живов 2000 — В. М. Живов. О связности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 573–581.

Истратий 2017 — В. В. Истратий. О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» петровского времени // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 867–885.

Круглов 2015 — В. М. Круглов. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева (ред.). Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия (=Литературная культура России XVIII века. Выпуск 6). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 167–180.

Круглов 2017 — В. М. Круглов. «Ведомости» эпохи Петра I как источник по истории русского литературного языка // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 118–128.

Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // В. И. Борковский, О. Н. Трубачев, С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой (ред.). Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 241–264.

Мещерский 1981 — Н. А. Мещерский. История русского литературного языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.

Погорелов 1903 — В. Погорелов. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1717. М.: Синодальная типография, 1903.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука, 1975–2015 (издание продолжается).

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).

Сл 1847 — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук. Т. I–IV. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1847.

Соболевский 1889/1980 — А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Изд. подготовил А. А. Алексеев. Л.: Наука, 1980.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М.: Гос. институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Источники

Беклер 1751/1765 — Подлинное известие о славнейшей крепости называемой Склонность… Изд. Георгием Андреасом Беклером… Перев. в 1751 г. СПб.: б. и., 1765.

Ведомости 1903–1906 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1–2. М.: Синодальная типография, 1903–1906.

В-К I — Вести-куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1972.

В-К II — Вести-куранты. 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1976.

В-К VI — Вести-куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1. Русские тексты / Изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. Под

ред. А. М. Молдована и И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Прево д'Экзиль 1756–1767 — А. Ф. Прево д'Экзиль. Приключения маркиза Г… или Жизнь благородного человека оставившего свет, перев. на рос. яз. Иваном Елагиным [ч. 1–4; ч. 5–6 — В. Лукиным]. Ч. 1. СПб.: при Императорской Академии наук, 1767; Ч. 2–6. СПб.: при Императорской Академии наук, 1756–1765.

Ламбер 1761 — К. Ф. Ламбер. Новый Телемак, или Путешествия и приключения графа *** и сына его. С фр. на рос. яз. в пользу и увеселение общества перев. [Е. С. Харламовым]. Ч. 1. СПб.: при Сухопут. шляхет. кадет. корпусе, 1761.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 24.10.2022).

ПБП — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип.; Л.; М.: Акад. наук СССР, Наука, Древлехранилище, 1887–1964, 1975–1977. Т. 1–12.

Пельский 1803 — П. А. Пельский. Мое кое-что. М.: в типографии Платона Бекетова, 1803.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649–1825. Т. 1–40. СПб.: тип. 2 Отделения Собственного Его Императорского величества канцелярии, 1830.

Сумароков 1787 — Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе … Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изд. Николаем Новиковым. 2-е изд. Ч. I–X. М.: в Унив. типографии у Н. Новикова, 1787.

Татищев 1744–1746 — Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Соч. господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Ч. I–III. СПб.: Тип. Горнаго училища, 1793.

Устав 1715 — Устав о воисках морских, и о их арсеналах. Людовика четвертого надесять короля французского и наварского. [Перев. с фр. К. Зотов]. СПб.: б. и., 1715.

Шафиров 1717 — П. П. Шафиров. Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи ⟨…⟩ к начатию воины против короля Карола 12, Шведского 1700 г. имел <..>. СПб.: б. и., 1717.

Эмин 1763 — Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. Соч. Феодора Эмина. Ч. I–III. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1763.

References

BAS — *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian standard language]. Vol. 1–17. Moscow; Leningrad: Nauka, 1948–1965.

Istratiy 2017 — V. V. Istratiy. O parallelnom upotreblenii iskonnykh i zaimstvovannykh slov v “Vedomostyakh” petrovskogo vremeni [On the parallel usage of loan and native words in the *Vedomosti* newspaper of 1703–1719]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Iss. 3. P. 867–885.

Kruglov 2015 — V. M. Kruglov. O kharaktere normy v russkom yazyke pervoy chetverti XVIII veka [On the language standards in the Russian language of the first quarter of the 18th century]. N. A. Guskov, E. M. Matveev, M. V. Ponomareva (eds.). *Petra Philologica: professoru Petru Evgenevichu Bukharkinu ko dnyu shestidesyatiletiya* (=Literaturnaya kultura Rossii XVIII veka. Vyp. 6) [Petra Philologica: To the 60th anniversary of Prof. P. E. Bukharkin (= Literary culture of 18th century Russia. Iss. 6)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. P. 167–180.

Kruglov 2017 — V. M. Kruglov. «Vedomosti» epohi Petra I kak istochnik po istorii russkogo literaturnogo yazyka [The Petrine era *Vedomosti* newspaper as a source for the history of the Russian standard language]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2017. No. 2. P. 118–128.

Kutina 1978 — L. L. Kutina. Posledniy period slavyano-russkogo dvuyazychiya v Rossii [The last period of the Slavonic-Russian bilingualism in Russia]. V. I. Borkovskij, O. N. Trubachev, S. B. Bernshtejn, N. I. Tolstoj (eds.). *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII mezhdunarodnyy s’ezd slavistov. Zagreb — Lyublyana, sentyabr 1978 g. Doklady sovetskoy delegatsii* [Slavic linguistics. VIII International congress of Slavists. Zagreb – Ljubljana, September 1978. Reports of the Soviet delegation]. Moscow: Nauka, 1978. P. 241–264.

Meshcherskij 1981 — N. A. Meshcherskij. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian standard language]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1981.

Pogorelov 1903 — V. Pogorelov. *Materialy i originaly Vedomostey* 1702–1717 [Materials and originals of the *Vedomosti* for 1702–1717]. Moscow: Sinodalnaya tipografiya, 1903.

SlRYa XI–XVII — *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries]. Vol. 1–31. Moscow: Nauka, 1975–2019.

SlRYa XVIII — *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 1–21. Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka, 1984–2015.

Sl 1847 — *Slovar tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imp. Akademii nauk* [Dictionary of Church-Slavonic and Russian languages edited by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. I–IV. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, 1847.

Sobolevskij 1889/1980 — A. I. Sobolevskij. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian standard language]. Leningrad: Nauka, 1980.

Ushakov (ed.) — Ushakov (ed.). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Moscow: State Institute "Sovetskaya Entsiklopedia"; OGIZ, 1935–1940.

Vinogradov 1934/1982 — V. V. Vinogradov. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the Russian standard language of the 17–19th centuries]. 3rd edition. Moscow: Vysshaya shkola, 1982.

Vinokur 1941/1959 — G. O. Vinokur. Russkiy literaturnyy yazyk v pervoy polovine XVIII veka [Russian standard language in the first half of the 18th century]. G. O. Vinokur. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1959. P. 111–137.

Zhivov 1986 — V. M. Zhivov. Novye materialy k istorii perevoda "Geografii generalnoy" Bernarda Vareniya [New materials on the history of B. Varenius *Geographia generalis* translation]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka.* 1986. No. 3. P. 246–260.

Zhivov 1988 — V. M. Zhivov. Change of norms in the history of the eighteenth-century Russian literary language]. *Russian Linguistics*. 1988. Vol. 12. Iss. 1. P. 3–47.

Zhivov 1996 — V. M. Zhivov. *Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka* [Language and culture in eighteenth-century Russia]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996.

Zhivov 2000 — V. M. Zhivov. O svyaznosti teksta, sintaksicheskikh strategiyakh i formirovanii russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa [On text coherence, syntactic strategies and formation of the Russian standard language of the new type]. L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo v tekste i v slovare: Sbornik statey k semidesyatiletiyu akademika Yu. D. Apresyana* [A word in text and in dictionary. A festschrift to the 70th birthday of academician Yu. D. Apresyan]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 573–581.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 39–60
DOI 10.30842/alp230657371823960

Заговорные тексты в немецких судебных актах XVI–XVII вв.: прагматический аспект языкового варьирования

В. И. Карпов
Институт языкознания РАН (Москва, Россия); wi.karpow@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности оформления судебных документов, составленных в рамках ведовских процессов в Германии в конце XVI — первой половине XVII вв. Для анализа привлекаются протоколы, включающие заговорные тексты как главную улику против обвиняемых в колдовстве. Появлению заговоров в протоколах предшествовал длительный этап нормирования судебной практики и письменного узуса в местных канцеляриях. В публикуемой статье делается акцент на выявлении специфики канцелярского языка судебных документов, а также на описании феномена кодового переключения — с немецкого языка делопроизводства на местный диалект и обратно — в заговорах как структурных элементах протоколов допросов. С этой целью выбор материала ограничен одним диалектным ареалом — нижненемецким, временной отрезок совпадает с последней фазой ранненововерхненемецкого периода в истории немецкого языка, связанного с формированием общенационального языкового стандарта. Источником служат как опубликованные протоколы допросов рассматриваемого периода, так и заговорные тексты из немецких архивов, которые ранее не публиковались.

Ключевые слова: текстология, история языка, диалектология, фольклор, заговорный текст, переключение кодов.

© В. И. Карпов, 2022

Charms in German judicial acts of the 16th–17th centuries: pragmatics of language variation

Vladimir I. Karpov
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
wi.karpow@gmail.com

Abstract. The paper proposes a linguistic analysis of interrogation files from witch processes of the late 16th — the first half of the 17th centuries in Germany. It focuses on documents that include charm texts as core evidence against those accused of witchcraft. Charms formulae were largely recorded in judicial acts as additional corroborative material evidence of socially dangerous practices by a given group of individuals. However, before charm texts found their way into interrogation files as official evidence, local offices had had a hard and long time to both standardize their judicial practices and normalize the paperwork. The transition to the national language standard initially caused massive confusion as court officers would spontaneously switch from Standard German to the local dialect in their paperwork. This competition between Standard German and local dialects gave rise to medial diglossia, with the choice of a given linguistic variant contingent on a variety of factors. In many cases, witchcraft trial materials would be sent to law faculties of universities or to higher jurisdiction courts of imperial cities for legal assessment of the offenders' testimony. This made it necessary for court recorders, instead of putting the evidence down directly in the local dialect, to translate it into the established official bureaucratese. The most intricate task was for the recorders to translate the defendants' replies and the charms' formulae, naturally given in the local dialect. The paper describes the phenomenon of code-switching as evidenced in court records featuring charms as their structural elements. In gathering the data, the focus was on the Low German dialect area and the last phase of the Early New High German period.

Keywords: textual criticism, history of language, dialectology, folklore, charms, code-switching.

1. Введение

Наше внимание привлекли заговорные тексты в составе судебных документов, скомпонованных в ходе судебных процессов против ведьм на территории Германии. Акты ведовских процессов являются ярким свидетельством стигматизации части населения по обвинению в колдовстве. С особым размахом вылавливают и судят ведьм в немецких землях, которые в силу феодальной раздробленности сохраняли известную автономию в вопросах административного управления и правосудия. Местные суды сами определяли ход судебного разбирательства, допустимость пыток при дознании, необходимость привлечения дополнительных свидетелей и весомость улик, подчас игнорируя неодобрение со стороны императорской власти и Ватикана [Quensel 2017: 157, 168]. Заговоры как ключевая улика появляются в актах не с самого начала «охоты на ведьм», а ближе к пику второй волны преследований, когда исходная доказательная база постепенно истощается и требуются новые вещественные доказательства социально опасной деятельности стигматизированной группы лиц.

По свидетельству Макса Зиллера, первые полнотекстовые версии заговоров фиксируются в судебных бумагах в 80–90-е годы XVI в. [Siller 1982: 139–140]. В предшествующие десятилетия дознаватели записывали те фрагменты, которые в явном виде указывали на связь подсудимых с демоническими силами и на умышленное причинение вреда окружающим и их имуществу. Появлению заговоров в протоколах предшествовал длительный этап формирования судебной практики ведовских процессов, который подкреплялся еще и профанным интересом к сфере магического врачевания. Печатные сборники по медицине включали заговорные тексты, тиражирование делало их доступными массовому читателю, а некоторые осужденные признавались, что сами изготавливали и распространяли книжицы с заклинаниями. Многочисленные пародии, которые мы находим в литературных памятниках XVI–XVII вв., свидетельствуют о популярности подобных текстов среди публики. Мы допускаем, что и при составлении судебных актов протоколисты зачастую обращались

к раннепечатным медицинским компиляциям как к источникам заговорных текстов, которые они впоследствии вписывали в протоколы допросов (ср. [Siller 1982: 140]). Какие факты языковой истории могли бы свидетельствовать об этом, с какими трудностями сталкивались протоколисты при фиксации устных высказываний, мы постараемся продемонстрировать ниже на примере протоколов, подготовленных в конце XVI и первой половине XVII в. на севере Германии и содержащих заговорные тексты.

2. Язык судебного делопроизводства и протоколов следствия

Рассматриваемый временной отрезок — с 1580 по 1650 гг. — совпадает с последней фазой ранненововерхненемецкого периода в истории немецкого языка, связанного с формированием общенационального языкового стандарта. Письменная норма в значительной степени сложилась благодаря новому переводу Библии, предпринятому Мартином Лютером в первой четверти XVI в., и книгопечатанию, которое способствовало его массовому распространению. Самые авторитетные типографии того времени, располагавшиеся в Страсбурге и Нюрнберге, начинают учитывать орфографические особенности Лютеровой Библии, а в опубликованной в 1531 г. «Орфографии» Фабиана Франка язык текстов Лютера уже признан образцовым. Однако в раздробленной и конфессионально неоднородной Германии этого было недостаточно для укрепления новой нормы правописания. Антипапские выступления Лютера и Реформация могли нивелировать или существенно снизить нормализаторское влияние его библейских переводов в католических областях, если бы он не следовал «образцу саксонской канцелярии, по крайней мере ее орфографическим (фонетическим) и грамматическим нормам» [Жирмунский 1956: 30], а та не ориентировалась бы на письменный узус императорской канцелярии.

Язык, возникший в результате такого синтеза, вытесняет региональные варианты письменных идиомов местных канцелярий. Так,

на севере Германии от использования диалектов в официальных документах частично или полностью отказываются городские канцелярии Любека (1560), Мюнстера (1561), Гамбурга (1565), Бремена (1565), Ростока (1567) и т. д. (данные приводятся по изданию [Besch, Wolf 2009: 65]). В судебном делопроизводстве ориентиром в процессуальных вопросах и в плане языкового оформления служили немецкоязычные печатные компендиумы юридического содержания, а в случае ведовских процессов к ним добавлялось изданное в 1532 г. Уголовно-судебное уложение императора Карла V (*Constitutio Criminalis Carolina*), также «продукт» императорской канцелярии. Наличие образцов для составления юридических бумаг объясняется еще и популярностью правовой литературы в XVI в.: в некоторых типографиях треть печатной продукции составляли книги по юриспруденции [Schumann 2007: 458]. К этому необходимо добавить, что зачастую дела направлялись на юридические факультеты университетов для правовой оценки показаний обвиняемых и в суды высших инстанций, располагавшиеся в городах имперского подчинения, поэтому протоколирующие, как правило, фиксировали допросы не на диалекте, а «переводили их на канцелярский язык своего времени» [Loetz 2002: 103].

В обширном исследовании [Deutsche Kanzleisprache 2005] представлены 172 протокола допросов по ведовским делам, произведенным в 139 городах Германии в последней трети XVI — первой половине XVII вв. Богатый иллюстративный материал, представленный в виде транскриптов и факсимильных фрагментов, сопровождается краткой исторической справкой по каждому фигуранту следствия, палеографической и лингвистической характеристикой документа. Анализ протоколов показал, что большинство из них составлено на надрегиональном стандарте канцелярского языка (для простоты изложения далее мы будем обозначать его *стандартом*), наблюдаемые отклонения сводятся к следующему перечню:

1. Фонетические показатели местных диалектов:

— непередвинутые согласные (*dhoeren*);
— переход *g*/*k* > *ch* перед дентальными (*gesacht*);

— спирантизация конечных согласных (*frei willich*);
— признаки смешения диалектов в контактных зонах: восточносредненемецкие формы вместо нижненемецких (*mensche, zuredunge, umbs hertze*), присутствие нижненемецких и западносредненемецких форм (*Minsch, hondt, geheischen, bedwonge, schommechers, nitt*);

2. Лексические диалектизмы: нижненемецкие (*puggen, scheper, schnuten, wit, leden, wrake*), средненемецкие (*halffman, gehayschen, döpfgen*);

3. Неустоявшийся орфографический узус или индивидуальные особенности правописания:

— заглавные буквы в середине слова или на месте слогораздела (*gewicKelt, abgePfendet, SchmerPott, alsPaldt*);
— удвоение согласных в исходе слова (*viell, nhemenn, berichtenn*);
— идентичное написание строчных *a, e*;
— показатели долгот (*Jairen, haitt, hoeff*);
— конкуренция диалектных форм (*bohte* / *botte* / *bueße*);

4. Латинизмы: отдельные юридические термины или синтаксические коннекторы (*quaestion, indicia, materia, salva reverentia, item*);

5. Особенности вопросно-ответного построения:

— в репликах подсудимых сохраняются диалектизмы;
— при передаче косвенной речи встречается двойное отрицание;
— кодовые переключения со стандарта на диалект при фиксации свидетельских показаний, высказываний нарративного характера (признание в применении заклинаний и их примеры, описание ритуала).

На последнее обстоятельство указывает Ирмтрауд Реслер в статье [Rösler 1997]. Она характеризует языковую ситуацию в Мекленбурге во время ведовских процессов как медиальную диглоссию: деловая коммуникация, включая судебное делопроизводство, строится на основе стандартизированного канцелярского языка, в то время как в сфере бытового общения преобладает исключительно местный диалект. Допросы

велись на диалекте, только если языковая компетенция фигурантов дела не позволяла перейти на стандарт. Канцелярский же стиль протоколов допускал применение только стандарта, лишь в исключительных случаях для достоверности протоколисты оставляли диалектно окрашенные реплики, снабжая их переводными вариантами [Ibid.: 13–14].

3. Заговорный текст в структуре протокола допроса

В адрес делопроизводителей неоднократно звучали настойчивые просьбы соблюдать требования и «наилучший стиль нашей императорской канцелярии» (цитата по [Stegmann 2006: 58]), но сделать это было сложно при высокой загруженности и низком уровне образования членов местных судов, их инертности и нежелании нарушать устоявшиеся традиции. Формальные расхождения касались принципов структурного построения судебных документов. Порядок протоколирования зависел от последовательности вопросов дознавателей, полноты ответов и необходимости уточнений, применения пыток (в этом случае протоколирование приостанавливалось и возобновлялось по их окончании, а полученные показания записывались по памяти), привлечения свидетелей и т. п. На каждый случай имелась инструкция с перечнем вопросов, подобранных с учетом характера предъявляемых обвинений; если подозреваемый упирался, пытки повторялись, а список вопросов дополнялся.

Заговорные тексты в протоколах следствия приводятся как доказательство способности подсудимых оказывать с помощью магии воздействие на людей, предметы, объекты и явления природы с целью получения личной выгоды или нанесения вреда какому-то человеку. Язык таких включений носит смешанный характер, заметное место занимают лексические диалектизмы, нередки случаи диалектного оформления отдельных структурных частей текста. Остановимся более подробно на примере из [Deutsche Kanzleisprache 2005: 165–172], представляющем собой один из образцов протокола допроса по ведовскому делу, содержащего полные тексты заговоров.

Документ составлен в апреле 1588 г. в ратуше города Перлеберг (Бранденбург), в качестве подозреваемой привлечена Катарина Петерс, вдова Бернда Бонена, в возрасте 88-ми лет. Допрос производился по 15 пунктам на основании сведений, полученных от двух ранее обвиненных в колдовстве женщин, одна из которых — ее собственная дочь. Показания записаны рукой городского секретаря Арнольда Круземарка, почерк четкий и понятный. Текст, аккуратно разделенный на абзацы, написан на стандарте с нижненемецкими вставками. В начале протокола перечисляются 15 пунктов состава преступления, по каждому из которых Катарина Петерс дает показания. Ее реплики зафиксированы в форме непрямой речи с регулярным использованием конъюнктива, например: *sagt, es were ihr hertzlich leidt*. После ответа на 14 пункт она добавляет, что использовала заговоры и молитвы и помогла многим людям и домашнему скоту (*mit böten vnd segen sich behelffen konnte, vnd hette damit mannich menschen vnd viehe geholffen*). Катарина Петерс сознается, что с помощью заклинаний также ‘может изгонять подземных существ’ (*das sie die vndererdischen, vnd erdtleute konte vortreiben*):

(1) ⟨…⟩ *höret her gi vndererdisch höret her gi auererscb, höret her gi grawen, gy grunen, schwarten, witten, bunten, wie gi sin, ob die weren geist, oder geistin, dwerg, oder dwergin, die sollen an den menschen oder viehe sein blutt nicht beginnen, oder sein fleisch nicht zu brechen, vorbeutt euch der herr Jesus, gott vater, son vnd die werde heilige geiste*.
‘⟨…⟩ *слушайте вы, подземные, слушайте вы, надземные, слушайте вы, серые, вы, зеленые, черные, белые, пестрые, какие ни есть, будь то дух мужской или дух женский, карлик или карлица, они не должны человеку или скотине пускать кровь их, или калечить плоть их, это запрещает вам Господь Иисус, Бог Отец, Сын и Пресвятые духи’* [Deutsche Kanzleisprache 2005: 170].

Заговор складывается из двух относительно самостоятельных структурных компонентов. Зачин выполняет апеллятивную функцию, он обращен к некоторому классу изгоняемых существ, вторая часть — собственно заклинательная. Обе составляющие с различными вариациями

встречаются в других текстах, например, в заклинаниях от червей или змей, в которых перечисляются разновидности существ одного класса, а прохибитивные элементы похожим образом оформляются в заговорах от болезней. Текст неоднороден и в языковом отношении, две его части разделяются четкой диалектной границей: зачин произносится на нижненемецком диалекте, а приказ — на стандарте. Нижненемецкие формы в заклинательной части единичны и отражают, вероятно, идиостиль секретаря Арнольда Круземарка. Остается открытым вопрос, почему во время непосредственной интеракции происходит немотивированное переключение от диалекта на стандарт при переходе от зачина к заклинательной части. Это могло произойти в том случае, если протоколист записал текст по памяти и отклонился от оригинала.

Второй заговор представлен только заклинательной частью. Подследственная утверждает, что помогла вернуть украденное имущество (видимо, инструменты по домашнему хозяйству), для чего использовала такой текст:

(2) ⟨…⟩ *dieb, du soltt brengen das gerette, so du gestolen hast zur stette, gleich wie Jesu Christus vom kreutz kam zum leben, Im namen des vaters, des sons, vnd des warden heiligen geists*.
‘⟨…⟩ *вор, ты должен вернуть предметы, что ты украл, на место, точно как Иисус Христос сошел с креста живой. Во имя Отца, и Сына, и истинного Святого Духа*’ [Ibid.].

Данный текст неслучайно появляется на страницах протокола. Заговоры от воров очень часто служили поводом обвинить человека в попытках умышленного нанесения вреда, если целью его было не возвращение украденного, а причинение физического увечья подозреваемому в краже или присвоение чужого имущества. К тому же считалось, что подобные заклинания являются знаком черной магии, они приобретают силу только при содействии нечистой силы. К счастью для Катарины Петерс, в ее примерах связи с дьяволом не усмотрели.

В продолжении допроса упоминаются еще несколько случаев исцеления с применением заговорных текстов, но сами они не воспроизведены. Скорее всего, Катарине Петерс удалось избежать смерти на костре: ее приговаривают к ‘однократному допросу

с пристрастием, но без чрезмерного усердия' (*der scharffen fragen ein mall vnderworffen, Jedoch die geburliche maße in derselbigen nicht vberschritten*) и, видимо, отпускают. Такого исхода не было бы, если бы хоть одно слово вызвало подозрение у следователей. Известен другой текст, похожий по содержанию на заговор от подземных существ, но прямо противоположного содержания. Его публикует Якоб Гримм в третьем томе «Немецкой мифологии»:

(3) *Wolauf elb und elbin, zwerg und zwergin, unterwärts und oberwärts, du sollst zu dem und dem, du sollst seine beine necken, du sollst sein fleisch schmecken, du sollst sein blut trinken und in die erde sinken! In aller teufel namen*.
'*Давай ж, дух мужской и дух женский, карлик и карлица, и под землей, и над землей, иди же к тому-то и тому-то, грызи его кости, кусай его плоть, испей его крови и в земле исчезни! Во имя всех чертей*' [Grimm 1878: 502].

По всем признакам данный текст составлен как образчик всей суммы грехов, за которые осужденного за колдовство непременно следовало бы предать огню: здесь и нанесение телесного вреда человеку, и отречение от Бога, и пакт с дьяволом, и как его прямое следствие — умение повелевать мифическими существами. Перед нами типичный случай «перевертыша», когда невинный текст превращается в основной аргумент обвинения. Имеем ли мы дело с реально существовавшим когда-то заговором, сказать трудно. Гримм ссылается на публикации Готфрида Фойгта 1784 и 1792 гг., расследовавшего ведовские процессы в городе Кведлинбург в XVI–XVII вв. Он перепечатывает из протоколов допросов Магдалены Герме (1570) и Эмеренцы Шмидс (1595) примеры заклинаний, попутно «онемечивая» их. Так, Гримм признается, что посчитал нижнесаксонские диалектизмы *alfinadi* и *alfinie* (в другом тексте — *alf* / *elf* и *elfin*) «бессмысленными», поэтому заменил их на *alp* / *elb* и *elbin* [Grimm 1878: 502].

Видимо, в основе данной тематической группы лежит текст, схожий по структуре и лексическому наполнению с датированным 1622 г. заговором из мекленбургского архива Рихарда Воссидло (шифр хранения C IX 11):

(4) *Hörst du Allefind und Allefin,*
Geist und Geistin,
Zwerg und Zwergin,
Teufel und Teufelin.
ich gebiete dir N. N. hof räumen.
Слышишь ты, дух лесной,
Дух мужской и дух женский,
Карлик и карлица,
Дьявол и дьяволица,
Я приказываю тебе убраться со двора N. N.’

В различных версиях появлялась вставка, описывающая мотив встречи святого покровителя со злыми духами. Так, в записях 1628 г. на вопрос святого, куда направляются лесные духи (*elben und alben*), те отвечают, что идут в дом N. N., чтобы испить его крови и пота и терзать его плоть (*ich will ihm saugen sein Blut und auch sein Schweiß dan wollen wir sein fleisch*). Впрочем, и сам Воссидло, а вслед за ним Адольф Шпамер, делают пометку, что публикуют не оригинальные версии, а заимствуют их из заметок В. Диля 1900 г., отсюда и вполне современный язык текстов. Остается только предполагать, насколько кардинально Гримм, Фойгт и их последователи редактировали записи допросов, переводя фрагменты на немецкий язык своего времени, но делали они это избирательно, поскольку публиковали тексты и с диалектными элементами. Так, в следующем заговоре нарративный зачин имеет явные черты нижненемецких говоров, а закрепительная часть дана на немецком языке:

(5) *Op unsers herrn gottes berge ist unsers herrn gottes born, in unsers herrn gottes born ist unsers herrn gottes nap, in unsers herrn gottes nappe ist unsers herrn gottes appel, liegt sente Johannis evangelium, das benimmt einem die bösen dinger. der liebe gott wolle helfen, dass es vergehe und nicht bestehe*.
‘*На горе Господа Бога нашего есть источник Господа Бога нашего, в источнике Господа нашего — чаша Господа нашего, в чаше Господа нашего — яблоко Господа нашего, лежит Иоанново Евангелие, оно избавит всякого от любой напасти.*

Всемилостивый Господь да поможет, чтобы [напасть] ушла и не осталась' [Grimm 1878: 502].

Процессы против Катарины Петерс, Магдалены Герме и Эмеренцы Шмидс объединяет несколько обстоятельств. Они проходили примерно в один и тот же период с разницей в несколько лет в близлежащих регионах Германии. Местные суды были осведомлены о делопроизводстве своих соседей, в отдельных местностях практиковалось привлечение к процессам наиболее опытных следователей, протоколистов и даже палачей из других городов (об этом более подробно [Quensel 2017]). Протоколист мог одновременно вести допрос и записывать показания, используя для ускорения рутинных процедур заготовки из предыдущих дел, отчего и возникает ощущение, что отдельные структурные элементы протоколов являются компиляциями. Не исключено, что документы дознания дополнялись или переписывались постфактум, копии некоторых актов «существенно отличаются по полноте и точности воспроизведения ответов обвиняемых» от их оригиналов [Deutsche Kanzleisprache 2005: 165]. В ряде случаев сам допрашиваемый «утверждал, что переписал заговоры для домашних нужд и наизусть сказать их не может» [Siller 1982: 127], поэтому протоколисты выписывали тексты из изъятых во время обыска магических книг и рукописных тетрадей. Такая практика допускала известную вольность при последующем изложении сведений в судебных актах и отчасти объясняет языковую специфику зафиксированных заговоров.

4. Протоколы допросов как поликодовый текст

В судебных документах ведовских процессов так или иначе представлены и местные диалекты, и надрегиональный языковой стандарт. Переход с одного кода на другой происходит не по прихоти или небрежности протоколиста, а зависит от специфики делопроизводства местных канцелярий, адресной направленности подготавливаемых актов и конкретных задач судебного процесса.

4.1. Пример № 1. Лицо: Анна Кокес. Место: г. Фленсбург (Шлезвиг). Год: 1608

Протокол допроса Анны Кокес, состоявшегося 29 апреля 1608 г., озаглавлен лаконично и емко: *Anna Kockes Ein Zeuberinne* (‘Анна Кокес Колдунья’). В 20 пунктах обвинения описываются все ее колдовские деяния, которые в явном виде указывают на связь подсудимой с дьяволом: черная магия с целью нанести вред людям, совершение абортов, прелюбодеяние с нечистой силой, участие в шабаше. Текст написан аккуратным, ровным и понятным почерком. Канцелярия г. Фленсбург окончательно перешла на канцелярский стандарт в судебном делопроизводстве не ранее 1640–1660 гг., поэтому протокол составлен на диалекте за исключением редких верхненемецких канцеляризмов.

Протоколист фиксирует признания Анны Кокес в неоднократном употреблении магических слов и заклинаний, которые закреплялись не именем Господа, а призывом к дьяволу. Так, в пункте 9 обвинительного списка указано, что она наколдовала болезнь некой Катарине Ясперс, проговорив заклинание:

(6) ⟨…⟩ *Ligge vnd Schwinde vnd Krich Nimmer Rast vnd Row ihn des Bosen Nhame.*
‘*Лежи и иссохни и никогда не имей ни покоя, ни сна во имя нечистого*’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 29].

Данный фрагмент представляет собой типичную заклинательную формулу, которая произносится для изгнания болезни. Как правило, больного обвязывают лентой (шнурком) или прикладывают к нему кусок материи, на которые символически переносится болезнь. Знахарь должен уничтожить (закопать, утопить) предмет, впитавший в себя недуг, и прошептать соответствующие слова. Об этом и сообщают свидетели в ходе следствия, посчитавшие, что слова Анны Кокес обращены не к болезни, а непосредственно к больному и звучат как наговаривание болезни, то есть как умышленное причинение вреда человеку. Как и в примерах выше, здесь мы снова сталкиваемся с текстом-«перевертышем» с той лишь разницей, что результат достигается

не сменой прохибитива на волюнтатив (например, путем устранения отрицания), а перемещением самого заклинания в криминальный контекст. Для усиления эффекта Анне Кокес также приписывают и обращение к нечистой силе как прямое доказательство ее пакта с дьяволом.

4.2. Пример № 2. Лицо: Трине Польхов, урожденная Фильхютен. Место: г. Гюстров (Мекленбург). Год: 1615

В качестве обвиняемой выступает Трине Фильхютен, по мужу прозванная «Польховиха», 84 лет, родом из округа Глазевиц, привлеченная к суду по многочисленным свидетельствам колдовства, в том числе якобы с причинением вреда. Протокол составлен нотариусом Николаусом Вихманом на стандарте, в тексте встречаются единичные диалектизмы, местами они сопровождаются «оверхненемеченными» дублетами. Орфографическая норма канцелярского языка, по-видимому, сформировалась не окончательно, о чем свидетельствует написание слов *eigenartigk, geleugknet, verplieben*.

Уже в первой части, где перечисляются 54 пункта обвинения в адрес Польховихи, одними из первых (пункты 3 и 4 протокола) приводятся два заговора. В документе, написанном на почти безупречном языке канцелярии, заговорные тексты даны на нижненемецком диалекте без перевода или комментария. После вводной формулы «Правда ли, что Трина Фильхютен ⟨…⟩ использовала такой заговор / заговаривала болезнь такими словами» помещены сами тексты. Оба заговора начинаются с упоминания имен просящих об излечении домашнего скота, затем сразу же идет заклинательная часть. Построение с повторами и перечислениями напоминает тип заклинания с мотивом изгнания болезни или паразитов (например, червей) из тела больного:

(7) ⟨…⟩ *bötte dieses Viehes wedage van leden tho leden, van steden to steden van huden tho huden alß Maria börede vp den Pleuß und botte dieses Vehes wedage*.
‘⟨…⟩ *исцеляю этой скотинки хворь, от сустава к суставу, от раны к ране, от кожи к коже, как Мария укрыла ризой и исцелила этой скотинки хворь*’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 157].

Первый заговор дан в усеченном виде. Вероятно, во время допроса Трине Фильхютен задают наводящие или уточняющие вопросы, знает ли она полную версию и чьим именем изгоняется болезнь, в надежде, что прозвучит нечто крамольное. Однако во втором тексте лишь добавляются элементы перечисления и усиливается заклинательная часть обращением к силе Триединства:

(8) ⟨…⟩ *bote ick dienes vehlens wedage van edern tho ederen van leden to lehden, van stenen to stehnen van heden tho har, van lungen to leuer van harte tho harte, van blode tho blode so wisse vnnd so wahr schal disse bote sein als die leue Jungkfraw Maria borede vp ere krefftige handt, darmit botte sie des Vehlens wedage, In dem nahmen des Vaders Vnnd des Sohns vnd des hilligen geistes Amen*.

‘⟨…⟩ *заклинаю этой скотинки хворь, от жилы к жилам, от сустава к суставам, от кости к костям, от кожи к волосам, от легкого к печени, от сердца к сердцу, от крови к крови, таким же правым и истинным пусть это заклинание будет, когда благая Дева Мария воздела вверх свою владычную руку, этим заговорила она скотинки хворь. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь*’ [Ibid.].

Не добившись обвинительных показаний, протоколист сохраняет для достоверности оба заговора на диалекте. Протокол мог впоследствии быть направлен на экспертизу богословам в университет г. Росток, от которых уже зависел окончательный вердикт в виновности подсудимой на основании зафиксированных признаний.

4.3. Пример № 3. Лицо: Доротея Дункерс. Место: г. Кривиц (Мекленбург). Год: 1642

В документе запротоколирован допрос от 7 марта 1642 г. трех женщин, обвиненных в колдовстве. Одна из них, Доротея Дункерс, признается, что умеет заговаривать болезни, и в качестве доказательства в протоколе фиксируются примеры. Текст написан

на общенемецком стандарте, почерк ровный и понятный. В отдельных местах все же имеются рефлексы нижненемецких и восточносредненемецких диалектов. Это проявляется, в частности, в написании диграфа *-gk* в ауслауте и наличии лексических дублетов.

Изначально Доротея Дункерс отрицает всякую причастность к ведовству. Однако после угроз со стороны королевского управляющего подвергнуть ее допросу с пристрастием в случае упорства она отвечает, что ни к какому колдовству не причастна, но «умеет исцелять хворь такими словами»:

(9) *Petrus vnd Paulus gingen aus das kraut zusuchen, damit wolten sie das heilige dingk stillen vnd böten, do begegnete ihnen der herr Christus, Stehe Petrus Paulus, das kraut ist gefunden, die glocken sein geklungen, die Meßen sein gesungen, alle Ewangelia sein gelesen darmit stille ich dies heilige dingk sowol gelesen, du solt nicht eken du solt nicht steken, alß die wehrten heiligen funff wunden*.
‘*Петр и Павел шли траву искать, чем хотели они болячку излечить и заговорить, и вот встретился им Господь Христос. Стой, Петр Павел, трава нашлась, колокола отзвенели, Мессы пропеты, все Евангелия прочитаны. Этим излечу я болячку так же, как [Евангелия] читаны, ты не должна ни болеть, ни воспаляться, как и драгоценные святые пять ран*’ [Deutsche Kanzleisprache 2005: 149].

В продолжении Доротея Дункерс произносит заговор от инсульта (апоплексического удара):

(10) *Diesen schlagh beneme der Man, der zu Nazareth genöhmet ist, vnd zu Betlehemb gebohren ist, vnd zu Jordan getauffet ist, im nahmen des Vaters, Sohns Vnd deß heiligen Geistes*.
‘*Сей удар пусть заберет человек, что в Назарете наречен был, и в Вифлееме рожден был, и в Иордане крещен был, во имя Отца, Сына и Святого Духа*’ [Ibid.].

Оба текста записаны на стандарте, они известны и по другим источникам, в архивных собраниях фольклора заговоры данного типа составляют наиболее обширную группу. Диалектное оформление

имеет прохибитивная часть первого примера (*du solt nicht eken, du solt nicht steken*), параллели мы находим и в более поздних списках (например, в архиве Рихарда Воссидло в Ростоке). Доротея Дункерс могла знать тексты наизусть либо указала на сборники своего времени, в которых подобные вещи уже публиковались, а протоколист затем включил их в документ. Следующий за ними заговор от боли (в сердце, в груди и т. п.) фиксируется уже на смешанном диалекте, нижненемецкие элементы чередуются с немецкими:

(11) *Hertzspann schame dy de fui dick an de Jage di, Schakestu di nicht sehr, so Jage ick di velemehr, im nahmen des Vaters Sohns vnd heiligen Geistes*.
‘*Болячка, стыд и позор тебе, я прогоняю тебя. Ежели не уйдешь ты тотчас, то силою прогоню тебя, именем Отца, Сына и Святого Духа*’ [Ibid.].

Текст начинается с обращения к болезни, дается ее народное обозначение с фонетическими признаками верхненемецкого передвижения *t* > *z*. Заклинательная фраза двухкомпонентная (устыжение и изгнание болезни), приведена на местном диалекте; закрепительная часть стандартная, оформлена на немецком языке. В сборнике нижненемецких заговоров [Staak 1931] встречаются похожие фрагменты, например, запись № 255 содержит нижненемецкую формулу устыжения: *Refkow schäm di, schämst di nich, schäm ick di*. Аналогичный зачин наблюдается в другом тексте из протокола следствия 1621 г., который хранится в картотеке архива Адольфа Шпамера (шифр хранения «Herzgespann (IA) № 00115»). Заговор записан преимущественно на нижненемецком диалекте за исключением отдельных верхненемецких форм:

(12) *Herzspann, schame di,*
Mine vive de driven und jagen di.
So du di nicht schakest oder schamest,
So will ick di mit Gades seinem hilligen vif wunden vorjagen.
‘*Болячка, стыдись,*
Своими пятью пальцами выдавливаю тебя и прогоняю тебя.

А если ты не уйдешь или не устыдишься,
То прогоню тебя именем Бога и его пятью святыми ранами'.

С точки зрения средневековой криминальной юстиции, в ответах Доротеи Дункерс не содержится ничего преступного либо богохульного. Но, видимо, страх перед пытками заставил подсудимую признаться в том, что она (хоть и не по своей воле, а по наущению двух других женщин) пыталась заключить пакт с нечистой силой, для чего в определенном месте на холме, взявшись за палку (вероятно, черенок метлы), должна была отречься от истинного Бога при помощи следующей клятвы:

(13) *Hie greiffe ich an diesen stock, vnd verlaße Marien vnd den lieben Gott.*
'*Здесь держу я эту палку и отрекаюсь от Марии и любимого Бога*' [Deutsche Kanzleisprache 2005: 150].

Формулы отречения фиксируются на немецком языке во многих протоколах вне зависимости от того, как их произносили сами обвиняемые. Как отмечается в работе [Hille 2009: 147–148], для протоколистов важен был факт наличия подобной клятвы и ее формальное соответствие расхожим образцам. Фактически наметился переход «от дословных цитат и клише — к стереотипным моделям, допускавшим значительную свободу языкового варьирования» [Бондарко 2011: 592]. Подобные модели-образцы, в свою очередь, группировались по региональному принципу: нижненемецкие формулы заметно отличались от средне- и южнонемецких отсутствием прямой отсылки на связь с дьяволом, а также ритмической организацией строфы и рифмой, что сближало их с заклинаниями.

5. Заключение

Вопрос о месте и роли заговорных текстов в протоколах допроса, типологической идентификации заговоров с историко-лингвистической точки зрения требует более детальной и глубокой проработки

с привлечением обширного текстового корпуса. На конкретных примерах мы продемонстрировали возможный вектор направления исследований и предложили учитывать такие факторы, как:

а) социально-политический контекст, влиявший на ход судебного процесса в целом;
б) компетентность и индивидуальные интенции вовлеченных лиц (обвиняемый, дознаватель, судья, адвокат, свидетели и пр.);
в) языковые особенности региона, характер взаимодействия официального языка делопроизводства и местных диалектов;
г) формальные типологические и содержательные характеристики заговоров, стабильность и трансформационный потенциал структуры текста.

Отдельные аспекты рассмотренной проблематики затрагиваются в ряде работ последних десятилетий (ср., в частности, [Macha 2008; Rösler 2006; Siller 1982; Карпов 2020]), однако установление подлинности языковых фактов, приведенных в доступных для анализа документах, по-прежнему остается одной из важных задач исторического языкознания и фольклористики.

Литература

Бондарко 2011 — Н. А. Бондарко. Взаимодействие устной и письменной традиций в немецких медитативных молитвах XIII–XIV веков // Acta Linguistica Petropolitana. 2011. Т. VII. Ч. 1. С. 573–613.

Жирмунский 1956 — В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Карпов 2020 — В. И. Карпов. Фольклор и книжная культура в Германии Нового времени (на примере сборников немецких заговоров XVI–XX вв.) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 2. С. 122–132.

Besch, Wolf 2009 — W. Besch, N. Wolf. Geschichte der deutschen Sprache. Längschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009.

Deutsche Kanzleisprache 2005 — J. Macha (ed.). Deutsche Kanzleisprache in Hexenverhörprotokollen der Frühen Neuzeit. Bd. 1: Auswahledition. Bd. 2:

Kommentierte Bibliographie zur regionalen Hexenforschung. Berlin; New York: De Gruyter, 2005.

Grimm 1878 — J. Grimm. Deutsche Mythologie. Vierte Ausgabe. Bd. III. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1878.

Hille 2009 — I. Hille. Der Teufelspakt in frühneuzeitlichen Verhörprotokollen: Standardisierung und Regionalisierung im Frühneuhochdeutschen. Berlin: De Gruyter, 2009.

Loetz 2002 — F. Loetz. Mit Gott handeln: von den Zürcher Gotteslästerern der Frühen Neuzeit zu einer Kulturgeschichte des Religiösen. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.

Macha 2008 — J. Macha. Regionalität und Syntax: Redewiedergabe in frühneuhochdeutschen Verhörprotokollen // R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove (eds.). Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht. (Studia Linguistica Germanica 65). Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 181–202.

Quensel 2017 — S. Quensel. Hexen, Satan, Inquisition. Die Erfindung des Hexen-Problems. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2017.

Rösler 1997 — I. Rösler. Ich soll als eine Zauberinne vorbrannt werden. Zur Widerspiegelung populären Zauberwissens in mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle // D. Harmening, A. Rudolph (eds.). Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte. Dettelbach: Verlag Dr. Röll, 1997. P. 167–190.

Rösler 2006 — I. Rösler. Sprachwechsel in Mecklenburg // Niederdeutsches Jahrbuch. 2006. № 129. P. 139–156.

Schumann 2007 — E. Schumann. Beiträge studierter Juristen und anderer Rechtsexperten zur Rezeption des gelehrten Rechts // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Goettingen. 2007. Vol. 28. P. 443–461.

Siller 1982 — M. Siller. Zauberspruch und Hexenprozeß. Die Rolle des Zauberspruchs in den Zauber- und Hexenprozessen Tirols // W. M. Bauer, A. Masser, G. Plangg (eds.). Tradition und Entwicklung. Festschrift Eugen Thurnher. Innsbruck: Universität Innsbruck Institut für Sprachen und Literaturen, 1982. P. 127–154.

Staak 1931 — G. Staak. Beiträge zur magischen Krankheitsbehandlung. Die magische Krankheitsbehandlung in der Gegenwart in Mecklenburg. Wismar: Hermann Rhein Verlag, 1931.

Stegmann 2006 — K. Stegmann. Die gefangene leugknet alles. Untersuchungen zu Entstehungsbedingungen und Ausprägungen frühneuzeitlicher Hexenverhörprotokolle. Magisterarbeit der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, 2006.

References

Bondarko 2011 — N. A. Bondarko. Vzaimodeystvie ustnoy i pismennoy traditsiy v nemetskikh meditativnykh molitvakh XIII–XIV vekov [Interaction of oral and written traditions in German meditative prayers of the 13th–14th centuries]. *Acta Linguistica Petropolitana.* 2011. Vol. VII. Iss. 1. P. 573–613.

Zhirmunskij 1956 — V. M. Zhirmunskij. *Nemetskaya dialektologiya* [German Dialectology]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1956.

Karpov 2020 — V. I. Karpov. Folklor i knizhnaya kultura v Germanii Novogo vremeni (na primere sbornikov nemetskikh zagovorov XVI–XX vv.) [Folklore and book culture in Germany of New Age (the Case of collection of medical charms, the 16th–20th centuries)]. *Research result. Theoretical and applied linguistics*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 122–132.

Besch, Wolf 2009 — W. Besch, N. Wolf. *Geschichte der deutschen Sprache. Längschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009.

Deutsche Kanzleisprache — J. Macha (ed.). *Deutsche Kanzleisprache in Hexenverhörprotokollen der Frühen Neuzeit*. Bd. 1: Auswahledition. Bd. 2: Kommentierte Bibliographie zur regionalen Hexenforschung. Berlin; New York: De Gruyter, 2005.

Grimm 1878 — J. Grimm. *Deutsche Mythologie*. Vierte Ausgabe. III. Bd. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1878.

Hille 2009 — I. Hille. *Der Teufelspakt in frühneuzeitlichen Verhörprotokollen: Standardisierung und Regionalisierung im Frühneuhochdeutschen*. Berlin: De Gruyter, 2009.

Loetz 2002 — F. Loetz. *Mit Gott handeln: von den Zürcher Gotteslästerern der Frühen Neuzeit zu einer Kulturgeschichte des Religiösen*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.

Macha 2008 — J. Macha. Regionalität und Syntax: Redewiedergabe in frühneuhochdeutschen Verhörprotokollen. R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove (eds.). *Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht*. (Studia Linguistica Germanica 65). Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 181–202.

Quensel 2017 — S. Quensel. Hexen, Satan, Inquisition. Die Erfindung des Hexen-Problems. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2017.

Rösler 1997 — I. Rösler. Ich soll als eine Zauberinne vorbrannt werden. Zur Widerspiegelung populären Zauberwissens in mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle. D. Harmening, A. Rudolph (eds.). *Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte*. Dettelbach: Verlag Dr. Röll, 1997. P. 167–190.

Rösler 2006 — I. Rösler. Sprachwechsel in Mecklenburg. *Niederdeutsches Jahrbuch*. 2006. № 129. P. 139–156.

Schumann 2007 — E. Schumann. Beiträge studierter Juristen und anderer Rechtsexperten zur Rezeption des gelehrten Rechts. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Goettingen*. 2007. Vol. 28. P. 443–461.

Siller 1982 — M. Siller. Zauberspruch und Hexenprozeß. Die Rolle des Zauberspruchs in den Zauber- und Hexenprozessen Tirols. W. M. Bauer, A. Masser, G. Plangg (eds.). *Tradition und Entwicklung. Festschrift Eugen Thurnher*. Innsbruck: Universität Innsbruck Institut für Sprachen und Literaturen, 1982. P. 127–154.

Staak 1931 — G. Staak. *Beiträge zur magischen Krankheitsbehandlung. Die magische Krankheitsbehandlung in der Gegenwart in Mecklenburg*. Wismar: Hermann Rhein Verlag, 1931.

Stegmann 2006 — K. Stegmann. *Die gefangene leugknet alles. Untersuchungen zu Entstehungsbedingungen und Ausprägungen frühneuzeitlicher Hexenverhörprotokolle*. Magisterarbeit der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, 2006.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 61–117
DOI 10.30842/alp2306573718261117

Conjunctions, clisis, and topicalization in Tagalog

Sergei B. Klimenko
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia); sergeybklimenko@gmail.com

Abstract. This paper attempts to provide a more accurate description of three understudied properties of Tagalog conjunctions (the ability to undergo *ay*-topicalization, to host enclitic particles, and to host enclitic pronouns) and to overview issues for future research brought up by this description. The study is based primarily on data from the Tagalog corpus at sketchengine.eu and supplemented by Google searches for a convenience subset of 30 Tagalog conjunctions, consisting mostly of causal conjunctions and several others. The conjunctions in study fall into five categories based on value combinations of the examined properties: group 1 has positive values for all three properties; group 2 conjunctions can host both types of enclitics but does not undergo topicalization; group 3 conjunctions can undergo topicalization and host only particles; group 4 conjunctions can only host particles but cannot undergo topicalization; and group 5 has negative values for all three properties. Most conjunctions examined in this paper belong to group 3. Contrary to the observations made in some published descriptions of Tagalog enclitics, the corpus data show that most of the examined conjunctions can host enclitic particles, and at least three can also host pronouns. The attested value combinations show that the ability to be topicalized and the ability to host pronouns both entail the ability to host particles, which stems from the general properties of topicalized and fronted constituents. The variation found in the behavior of the conjunctions raises a number of questions that need to be studied in further research, including the interaction between conjunction topicalization and information structure, the possibility of the varying conjunction properties pointing to different grammaticalization pathways, the ability to co-occur with the conjunction *at* ‘and’ in place of the topic marker *ay*, and, finally, obligatoriness of being enclitic hosts.

Keywords: Tagalog, conjunctions, enclitics, topicalization, causal constructions.

© Sergei B. Klimenko, 2022

Acknowledgements. This research was funded by the Russian Science Foundation (project no. 18-18-00472, "Causal Constructions in World Languages (Semantics and Typology)"). I am grateful to Ekaterina A. Baklanova for her valuable comments on a draft of this paper.

Союзы, клитики и топикализация в тагалоге

С. Б. Клименко

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); sergeybklimenko@gmail.com

Аннотация. Цель статьи — более точное описание трех малоизученных свойств союзов в тагалоге (способность подвергаться *ay*-топикализации, присоединять энклитические частицы и местоимения). Представленное здесь описание противоречит наблюдениям в публикациях о тагальских союзах в контексте клитизации. Обнаруживаемое варьирование делает возможными будущие исследования по ряду вопросов, включая взаимодействие топикализации союзов и информационной структуры, корреляцию между свойствами союзов и траекториями их грамматикализации и сочетаемость с союзом *at* 'и' в функции маркера топика.

Ключевые слова: тагалог, союзы, энклитики, топикализация, каузальные конструкции.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Благодарю Е. А. Бакланову за ее ценные комментарии к черновику данной статьи.

1. Introduction

This study offers a description of three understudied properties of Tagalog conjunctions[1]: the ability to formally undergo topicalization (see *Sections 3.1 and 3.3*), the ability to host enclitic particles, and the ability

[1] Conjunctions are defined here as connectors of two clauses.

to host enclitic pronouns. To my knowledge, there have been no studies on the use of Tagalog conjunctions in the topicalization construction. As for the ability to host enclitics, the existing studies present conflicting reports on whether Tagalog conjunctions can serve as enclitic hosts. The aim of this paper then is to fill this gap in the description of Tagalog using corpus data and to overview issues for future research brought up by this description.

The paper looks into corpus data for a convenience subset of Tagalog conjunctions consisting of causal conjunctions and several others, including the consequence conjunctions *kaya*, *samakatuwid*, and *anupa='t*, as well as a number of others: *para* 'so that', *nang* 'when', *bago* 'before', *kung* 'if', *nguni='t* 'but', *pero* 'but', and *at* 'and'. The causal conjunction list includes 20 items,[2] all of which mean 'because', but differ primarily in their level of formality (e.g. *dahil*, *dahil sa*, *dahilan sa*, *gawa ng*, *bilang* are stylistically neutral, while *palibhasa*, *(ya)yaman=g*, *(sa)pagka(='t)*, *mangyari*,[3] *sa dahilan=g*, *sa kadahilan(an)=g*[4] are formal, and *(=)kasi*, *(kung) dangan=kasi*, *dangkasi*, *(pa)paano=kasi*, *porke(=t)*, *tutal*, *komo*, *kesyo*, *manyapa't* are informal. Also, the conjunctions differ in their frequency (e.g., 41,935 occurrences of *sapagkat* vs 17 occurrences

[2] Although the causal conjunction list here was intended to be comprehensive, it is possible that more causal conjunctions can be found in the provincial Tagalog dialects. The lists of causal conjunctions presented in other descriptions of Tagalog are less complete: e.g. Schachter, Otanes seven causal conjunctions (*dahil*, *dahil sa*, *dahilan sa*, *gawa ng*, *porke*, *(sa)pagka't*, and *(ya)yaman* + *na*/*-ng*) are listed in [Schachter, Otanes 1972: 477], while [Malicsi 2013: 153, 157, 170] 13 conjunctions (*kesyo*, *mangyari*, *anupa't*, *kasi*, *dahil*, *sa dahilang*, *porke*, *(sa)pagkat*, *palibhasa (ay)*, *gawa ng*, *komo*, *tutal*, *(ya)yamang*) and two conjunctive adverbs (*pa(pa)ano kasi* and *dahil dito*) are listed in [Malicsi 2013: 153, 157, 170]. Two of these (*anupa't* and *dahil dito*) actually denote consequence, not reason.

[3] *Mangyari* also functions as the verb 'to happen'. There are also the following combinations, in which *mangyari* has a different meaning: *mangyari=pa* 'of course' and *mangyari=l(am)ang* 'please/if possible'.

[4] *Sa dahilan=g* and *sa kadahilan(an)=g* retain their substantive phrase structure, corresponding to *for a*/*the reason*, and can be modified by a demonstrative, possessor phrase, and other determiners, without introducing a subordinate clause, like

of *manyapa(')t* and 7 occurrences of *dangkasi* in the corpus). Combined with the fact that some conjunctions, like *dangkasi* and *manyapa't*, are not known to some Manila Tagalog speakers, this might indicate that some of the conjunctions come from Tagalog dialects outside Manila.[5] *Porke(='t)* [Schachter, Otanes 1972: 477] and *kesyo* are different from other causal conjunctions in that their use marks the speaker's skepticism towards the validity of the alleged causal relation between the situations in the two clauses,[6] as shown in (48) for *porke(='t)*, where this semantics is rendered in the translation with 'just because', and in (56) for *kesyo*.[7] Such semantics is also available to some other causal conjunctions (e.g. *komo*), but it seems to be obligatory only for *porke(='t)* and *kesyo*.

The data in this study come from the Tagalog (Filipino) Web 2019 (tlTenTen19) online corpus of over 230 million tokens [Jakubíček et al. 2013] at sketchengine.eu [Kilgarriff et al. 2004]. The corpus was gathered in June–July 2018 and February 2019 by crawling the web with

---

in (i). However, since these two phrases also function as connectors of two clauses within a complex sentence, they are considered as conjuntions here.

(i) ***Sa*** ***kadahilanan=g*** ***ito***, *marami=ng* *buhay* *ang* *na-sira* ⟨…⟩
OBL reason=LK PROX many=LK life NOM PFV.MOD-break[UV]
'For this reason, many lives were ruined ⟨…⟩' [6223849]

[5] For instance, a blog post claims that *manyapa't* is part of the dialect spoken in the municipality of Mendez-Nuñez, Cavite, south off Manila (https://yellowtrap.wordpress.com/2012/01/27/mga-salitang-mindis/). Also, reportedly this conjunction is used by speakers in the province of Batangas, south off Cavite (Divine Angeli Endriga, p. c.).

[6] Most uses of *manyapa(')t* found in the corpus and in Google searches also share the same semantics. However, as shown in example (64) below, it can be used without this meaning as well.

[7] *Kesyo* also functions as a complementizer with the same semantics of skepticism, like in (i):

(i) *G<um>awa=nga=ako* *ng* *palusot* *kesyo* *madami=ako=lagi=ng*
<AV>do[PFV]=REIT=1SG.NOM GEN excuse COMP much=1SG.NOM=always=LK
ga~gaw-in.
PROSP~do-UV
'I made up an excuse that I always have a lot of stuff to do.' [11659446]

Spiderling, a web spider designed for linguistic purposes that looks for text rich websites in a large variety of domains, while avoiding nontextual material, and then removes junk data (navigation links, advertisements, headers and footers), duplicates and near-duplicates [Suchomel, Pomikálek 2012]. The Tagalog corpus contains 449,628 documents from a list of websites that is too long to give here in full.

A number of limitations stem from the use of such a corpus. First, although it is claimed that the corpus has been cleaned of machine-translated content, a sample of 100 sentences containing the oblique nonpersonal case marker *sa* — the most frequent word in the corpus — includes seven sentences from webpages with machine-translated Tagalog texts.[8] Such sentences, easily identified due to the broken Tagalog syntax and unclear semantic content, were exluded from any counts in this study. Second, Tagalog being the most widely spoken Philippine language, a national Philippine language, and a lingua franca for a large number of nonnative speakers, it is highly likely that the corpus contains a certain amount of data produced by nonnative speakers. The sample, thus, is likely to contain constructions that commonly occur in native speech, as well as those that represent marginal aberrations stemming from a nonnative lack of competence, native idiosyncrasy or lapse of judgment. The quality of such data can be fully assessed only through elicitation of acceptability judgments from native speakers, which was not performed for this study. However, higher frequency of a construction type in the sample probably indicates a greater chance that it is commonly used and accepted within the speech community.

The paper is organized as follows. *Section 2* offers an overview of certain relevant aspects of Tagalog grammar, including the case markers, inversion constructions, and clitics. *Section 3* presents the data found in the corpus, which shows that Tagalog conjunctions fall into five types, regarding the three properties under study here. *Section 4* lists the discrepancies between the data found in the corpus and the descriptions in previous

[8] The sample was formed using the built-in sketchengine function for pseudorandom extraction of tokens from all parts of the corpus. Users extracting samples of the same size from the same corpus get the same result, which ensures replicability of the sample.

studies, as well as discusses a number of related issues that need to be studied in future research: the correlation of conjunction topicalization with information structure of the utterance, possible pathways of conjunction grammaticalization on the basis of similarities between the five conjunction types and other constituents regarding topicalization and clitic placement, and the ability to be used in combination with the conjunction *at* 'and', which seems to be able to replace *ay* 'TOP'.

2. Tagalog background

2.1. Case markers

Arguments in Tagalog can be realized as one of the four following types with either of the two case systems presented below: nonpersonal substantive[9] phrases, personal nouns, personal pronouns, or demonstratives. Nonpersonal and personal substantive phrases have syntactically free case markers, while all pronominal and demonstrative forms are inherently marked for case. Two systems of case can be distinguished in Tagalog: one for nonpersonal substantives and demonstratives with nominative, genitive, and oblique cases;[10] and that of personal nouns and personal

[9] The term *substantive* (cf. [Vanoverbergh 1931; Newell 1993]) is preferred here to *nominal phrase* because in Philippine languages the functions of nominal phrases can be performed by a member of any lexical class [Himmelmann 2005: 127]. Substantives are potentially referential phrases that consist of a clause with some lexical item (verb, adjective, noun, numeral, prepositional phrase, or existential predicate) as its predicate, which is introduced with substantivizers (case markers, demonstrative pronouns, existential predicates, some numerals, plural markers, some verbs) if it is originally inherently nonreferential. Apart from the presence of a predicate with its arguments in substantivized phrases, clitic placement [Kroeger 1993: 123] and wh-extraction [Richards 2009: 144] also indicate that such constituents are clauses.

[10] Nominative, genitive, and oblique here are used simply as convenient labels for the notions they refer to. The use of these terms bears no implications for the dominant

pronouns with nominative, actor form, and nonactor form. Nonpersonal case markers (*Table 1*) include only three forms (one for each case), while personal noun case markers (*Table 2*) comprise a paradigm of nine markers with two categories: case and number. The plural forms have two variants. The second one is used only colloquially.

Table 1. Tagalog nonpersonal case markers

NOM	GEN	OBL
ang	ng [11]	Sa

Table 2. Tagalog personal noun case markers

number	NOM	ACT	NACT
SG	si	ni	kay
PL	sina / sila	nina / nila	kina / kila

Nominative markers are used to introduce: (i) any type of participants that can be the subject of a verb in a corresponding voice; (ii) the subject in equational and non-verbal sentences (examples (32), (43), (44), (51)); (iii) appositive phrases (examples (19), (49)). Nominative personal case markers are also used when the personal noun is the predicate. [12] The nominative nonpersonal case marker introduces definite independent predicates. [13] The actor forms of personal markers are used only with actors in the undergoer voice (examples (74), (79)), possessors (examples (2),

syntactic alignment type in Tagalog. This paper is agnostic towards the issue of Tagalog being an ergative, accusative or symmetric language.

[11] This is an orthographic abbreviation of /naŋ/.

[12] (i) ⟨…⟩ ***si*** ***Maymay*** *ang* *<um>awit* ⟨…⟩
PERS.SG.NOM PN NOM <AV>sing[PFV]
'…The one who sang was Maymay…' [66920]

[13] (i) ***Ang*** ***ahas*** *ang* *pinaka-tuso* *sa* *lahat* *ng* *hayop* ⟨…⟩
NOM snake NOM SUPER-cunning OBL all GEN animal
'The most cunning among all animals was the snake…' [2002855]

(46), (58), (67), (79)),[14] and personal nouns in inclusory constructions [Reid 2009].[15] The nonactor forms are used to introduce any other roles in nonsubject positions (not requiring prepositions[16]) (examples (16), (43), (57), (75), (97)). In the nonpersonal system, genitive is used to introduce actors in undergoer voice constructions (examples (5), (52), (53), (59), (64), (79), (88)), possessors (examples (38), (40), (42), (53), (58), (62), (64), (96)), included substantives,[17] and some of the roles denoted by the nonactor forms in the personal case marking system (e.g. patient (examples (15), (19), (22), (24), (43), (48), (60), (65), (66), (92), (97)), ground

[14] Strictly speaking, *ng*, *ni*, and *nina*/*nila* mark not only possession, but any kind of pertinence relation (e.g. *ang doktor ng pamilya* [NOM doctor GEN family] 'the family doctor' or *hari ng gubat* [king GEN forest] 'king of the jungle' [Malicsi 2012: 78; Gallego, Zubiri 2013: 48].

[15] (i) *Hiwalay=na=**kami*** ***ni*** ***Leslie***.
separated=IAM=1PL.NOM PERS.SG.ACT PN
'Leslie and I have already broken up.' [183159]

[16] Tagalog prepositions are defined here as lexemes that mark the semantic roles of substantives, and which are normally used in front of a case-marked substantive (with a number of exceptions, including unmarked temporal adjuncts and some prepositions that combine with nominative substantives whose nominative marker is dropped if they are indefinite: e.g. *bilang ang taong ito* 'as this person' vs. *bilang tao* 'as a person'). Tagalog has at least four types of case marking frames for prepositions: nouns functioning as prepositions in the phrase *sa ... ng* (e.g. *sa kabila ng* 'despite'), prepositions with oblique/nonactor marking (*para sa* 'for'), with genitive/actor marking (e.g. *gawa ng*), and with nominative marking (e.g. *matapos ang* 'after'). Some prepositions can be used in different frames: for instance, *imbes* 'instead of', *matapos* 'after', *makalipas* 'after', *pagkatapos* 'after', *bago* 'before' can be used with both genitive/actor or nominative marking (with differing frequencies of each marking), while *puwera* 'except for' and *maliban* 'except for' (I thank Ekaterina A. Baklanova for directing my attention to the latter preposition) can be used with all three cases. Cf. [Malicsi 2012] for a different classification.

[17] (i) *Nag-ka-tingin-an=**kami*** ***ng*** ***pinsan=ko***.
PFV.STEM-MOD-look-RECP=1PL.NOM GEN cousin=1SG.ACT
'My cousin and I looked at each other.' [187453]

of directed motion,[18] etc.), while oblique introduces another set of roles, excluding actor and substantives in inclusory constructions, but partially overlapping with that of genitive (e.g. predicative possessor,[19] patient (example (78)), location (examples (8), (18), (23), (39), (45)), ground of directed motion (example (8), (23), (60), (76), (89), (96)), recipient (example (19), (41), (77)), etc.). In addition, all case markers co-occur with certain prepositions and conjunctions (example (37), (39), (41), (43), (47), (53), (66), (67), (69), (71), (72), (73), (74), (91)).

The traditional approach to describing the Tagalog case system distinguishes three cases for all types of arguments (nonpersonal substantives and demonstratives, personal nouns and pronouns): nominative, genitive, and oblique (cf. [Reid, Liao 2004; Gallego 2015: 66]), suggesting that there is a complete symmetry between the four systems. Traditionally, the markers *ni* and *nina* / *nila* are labeled as genitive, while *kay* and *kina* / *kila* are labeled as oblique (cf. [Schachter, Otanes 1972: 93]), ignoring the discrepancy between the functions of the genitive and oblique nonpersonal case markers, on the one hand, and 'genitive' and 'oblique' personal case markers, on the other, in many Philippine languages. Himmelmann draws a similar distinction between the systems of personal and nonpersonal case markers, though in different terms [Himmelmann 2005: 145].

2.2. Inversion constructions

Tagalog has three constructions where certain constituents are moved from a position to the right of the predicate into a position before it: topicalization, fronting, and nonemphatic inversion.

---

[18] (i) ⟨…⟩ *p<um>unta=ako* ***ng*** ***USA***.
<AV>go=1SG.NOM GEN PLN
'…I went to the USA.' [22640835]

[19] (i) *Sa* *kapatid=ko* *ang* *mga* *iyan,* ⟨…⟩
OBL sibling=1SG.ACT NOM PL MED.NOM
'Those belong to my brother,..' [189687786]

Topicalization (also referred to as *ay*-inversion and contrastive inversion [Schachter, Otanes 1972: 485–500], *ay*-inversion and topicalization [Kroeger 1993: 123–124], external and internal topicalization [Lee, Billings 2008: 246], sentence initial left-detached position [Nagaya 2007: 353]) moves a constituent into the leftmost position in the sentence detached from the rest of it either by the topic marker *ay*/*=y* (in formal style) or a pause [Schachter, Otanes 1972: 485]. It functions as the information structure topic [Rachkov 1966; Frolova 1983; Shkarban 1989: 93; Himmelmann 1991: 10], contrastive[20] or not [Nagaya 2007: 363], or presupposed element [Nagaya 2007: 361], and never contains focal information [Kroeger 1993: 63–64]. This construction, exemplified in (1), is widespread in Philippine languages [Reid, Liao 2004: 447].

(1) ***Siya*** ***ay*** *isa=ng* *tunay* *na* *kaibigan* ⟨…⟩[21]
3SG.NOM TOP one=LK genuine LK friend
'He is a real friend ⟨…⟩' [2083][22]

A number of constituents can undergo topicalization. Apart from nominative and oblique / non-actor substantives, prepositional phrases, possessors, temporal, spatial, manner, modal and sentential adverbials, conditional, concessive and temporal clauses, precedence *pag*-forms, phrases with *ni…* 'not even…' and *kahit* 'although' [Frolova 1983; Schachter, Otanes 1972: 485–495; Shkarban 1989: 100; Himmelmann 1991: 10; Nagaya 2007: 363–365;

[20] The examples cited in [Kroeger 1993: 67–68] for which the author claims the *ay*-inverted elements get pragmatic focus seem to be instances of contrastive topic.

[21] All examples in this paper come from the corpus, unless otherwise specified. Standard Tagalog orthography is followed here. Some corpus examples with nonstandard orthography are respelled (e.g. *lenguwahe* is respelled as *lengguwahe*), which means that in some forms the hyphen is part of the normal spelling of the word, rather than a morpheme boundary marker reflected in glosses. Glottal stops are not represented in standard Tagalog orthography, which means that all roots that are spelled with an initial vowel, in fact, start with a glottal stop.

[22] All corpus examples in this paper are provided with their token number, which can be used within the corpus query language notation [#] to search for a token with the given position. For instance, the token number for example (1) can be searched for using '[#2083]' in a CQL query in the concordance.

Frolova 2017], topicalization can also be applied to certain particles [Kaufman 2006: 158] (*(=)halos* ‘almost’, *(=)l(am)ang* ‘only’, the optative markers *(=)sana*, *kahimanawari*, etc.; see example (16)), conjunctions, and clauses in complex sentences without conjunctions. The latter case is illustrated in (2), while the data on topicalization of conjunctions are presented in Section 3.

(2) ***Malinis*** ***na*** ***malinis=na*** ***ang*** ***mga*** ***palad*** ***ni***
clean LK clean=IAM NOM PL palm PERS.SG.ACT
Ore ***ay*** *kuskos=pa=rin=siya* *nang* *kuskos.*
PN TOP rub=CONT=also=3SG.NOM LK rub
‘Ore’s palms were already very clean, but he still kept rubbing them.’ [80638988]

In some instances of topicalized nominative constituents (e.g. in phrases with quantifiers *bawat* ‘each’, *lahat* ‘all’, *isa* ‘one’), the nominative case marker is optionally omitted:

(3) *Isa=ng* *posible=ng* *explanation* *ay* *dahil*
one=LK possible=LK TOP because
maaari=ng *akusa-han*[23] *si* *Jesus* ⟨…⟩
possible=LK accuse-UV[INF] PERS.SG.NOM PN
‘One possible explanation is because Jesus could be accused of ⟨…⟩’ [26960814]

Omission of *ang* in non-topicalized position is also common in colloquial Tagalog, like in (7):

(4) ⟨…⟩ *medyo* *s<um>akit* *(ang)* *ulo=ko.*
bit <AV>ache[INF] NOM head=1SG.ACT
‘⟨…⟩ my head started aching a bit.’ [17253172 and 24018858]

[23] There is no one-to-one correspondence between the Tagalog voice affixes (*<um>*, *-in*, *-an*, and *i-*) and the semantic roles they require as their subjects, and voice paradigms display a lack of predictability. In addition, in many instances there seems to be very little objective basis for assigning purely semantic labels to Tagalog voice constructions (e.g., patient voice, theme voice, conveyance voice, and other widespread labels). Therefore, I simply label voice affixes as denoting actor voice or undergoer voice, without specifying what particular nonactor role the latter require.

In fronting (also referred to as emphatic inversion [Schachter, Otanes 1972: 496], adjunct fronting [Kroeger 1993: 64], clause-initial precore slot fronting [Nagaya 2007: 353]), a constituent is fronted to the position before the predicate not separated from the rest of the sentence by any marker or pause. Fronting can be applied to oblique / nonactor phrases, temporal adverbials without case markers, prepositional phrases [Schachter, Otanes 1972: 496–498]. Thus, it seems that any constituent that can be fronted can also undergo topicalization. Fronted elements constitute narrow focus [Kroeger 1993: 64; Nagaya 2007: 353]. A construction with a fronted oblique demonstrative denoting a location is given in (5), where the focal element is in italics in the translation:

(5) *Doon=siya* *na-aresto*[24] *ng* *mga* *pulis.*
DIST.OBL=3SG.NOM PFV.MOD-arrest[UV] GEN PL police
'He was arrested by police *there*.' [16222717]

Nonemphatic inversion attaches certain manner and temporal adverbials with the linker *na*/*=ng*[25] to the left side of the predicate without any change in information structure [Schachter, Otanes 1972: 498]. The adjective *mabilis* 'quick' in nonemphatic inversion modifies the predicate verb in (6).[26]

[24] For ease of presentation, the verbal prefixal forms *mag-*, *maN-*, *maki-*, *ma-*, and *nag-*, *naN-*, *naki-*, *na-* complexes are rendered here as portmanteau morphemes. However, I support the suggestion made in [Wolff 1973: 72] and [De Guzman 1978: 87] to treat each of these prefixal forms as a complex, consisting of the infix <*um*> or <*in*> and a corresponding stem-deriving prefix (*pag-*, *paN-*, etc.), as it allows for a more adequate generalization of the Tagalog morphology (cf. [Kroeger 1998: 8; Nagaya 2007: 347]).

[25] According to [Schachter, Otanes 1972: 498], frequency adverbials with *beses* and *ulit* 'times' can occur in nonemphatic inversion without a linker. However, such constructions seem to be instances of fronting.

[26] Different positions are preferred for different manner adverbs. *Tumakbo nang mabilis* 'run LK quick' has 40 tokens in the corpus vs. 141 tokens for *mabilis na tumakbo* 'quick LK run'. On the other hand, *naglakad nang mabilis* 'walk LK quick' has 7 tokens vs. 62 tokens for *mabilis na naglakad* 'quick LK walk', *nagsalita nang mabilis* 'speak LK quick' has 0 tokens vs. 3 tokens for *mabilis na nagsalita* 'quick LK speak',

(6) *Mabilis* *na* *nag-reply* *si* *Stephanie.*
quick LK AV.PFV.stem-reply PERS.SG.NOM PN
'Stephanie quickly replied.' [6969228]

2.3. Clitics

Apart from clitics that do not change their position (e.g. the sentence-final particles: *=a* (counter-expectation), *=e* (cause, contradiction, or regret), *=o* (polite request, attention attraction), *=ha* (importunity, sarcasm) [Schachter, Otanes 1972: 461–463], and clitic forms of some function words, like the topic marker *ay*/*='y*, the linker *na*/*=ng*, etc.), Tagalog has clitics whose position depends on the position of other constituents in the sentence. Hereafter, the discussion is focused only on the latter type.

Tagalog clisis system is described as having two positioning types: enclitic personal pronouns and enclitic particles [Schachter, Otanes 1972: 187].

The personal pronoun paradigm *(Table 3*) includes 33 forms with four categories: case, number, person, and predicativity. The person category involves four values: 1, 2, 1/2, and 3. 1/2-person pronouns refer to both first and second persons ('you and me / us'). Such pronouns are often described as dual or inclusive (cf. [Schachter, Otanes 1972: 88]). However, the representation of such forms in this way leads to introducing the category of inclusivity manifested only by the first person pronouns, while creating some gaps in the paradigm, which results in a less economical description of the system.[27] The number category involves the opposition of minimal and non-minimal membership, as the 1/2-person pronouns cannot be characterized as singular [Reid 1971; Foley 1997: 111], although the more traditional terms 'singular' and 'plural' are used throughout this paper for the sake of the readers' convenience. Predicativity is

while *sumigaw nang malakas* 'shout LK loud' has 26 tokens vs. 7 tokens for *malakas na sumigaw* 'loud LK shout', *nagsalita nang malakas* has 18 tokens vs. 4 tokens for *malakas na nagsalita* 'loud LK speak', and *sumagot nang malakas* 'answer LK loud' has 4 tokens vs. 0 tokens for *malakas na sumagot* 'loud LK answer'.

[27] This approach is adopted from [Cunningham, Goetz 1963].

relevant only for actor forms: the predicative forms, apart from being used as a predicate (this function is not available for non-predicative forms), also can occur preposed to a modified constituent with possessor or actor reference.

Table 3. Tagalog personal pronouns

Number	Person	NOM	ACT		NACT
			PRD	NPRD	
Minimal membership	**1**	(=)[28](a)ko	Akin	=ko	s(a)akin
	2	ikaw/=ka	Iyo	=mo	sa(i)yo
	1/2	{(=)kata}	{kanita}	{=nita}	{sakanita}
	3	(=)s(i)ya	kan(i)ya	=n(i)ya	sakan(i)ya
Non-minimal membership	**1**	(=)kami	Amin	=namin	s(a)amin
	2	(=)kayo	Inyo	=(ni)nyo	sainyo
	1/2	(=)tayo	Atin	=natin	s(a)atin
	3	(=)sila	kanila	=nila	sakanila

The second person minimal-membership pronoun has two forms: *=ka* is an enclitic, while *ikaw* is an independent form that is used in the topic and predicate positions, as well as the subject position when there are other constituents between it and the predicate.

There is another minimal-membership dual pronoun, *=kita*, which is difficult to accommodate in any tabular form, since it stands for the non-existing combination *=ko=ka* (i.e. =1SG.ACT=2SG.NOM) [Schachter, Otanes 1972: 184].

Traditionally, actor pronouns are treated as counterparts of the genitive nonpersonal marker, while nonactor pronouns are treated as counterparts

[28] Parentheses in *Table 1* indicate two cases: (i) optional sounds, (ii) the fact that some forms are used either as an enclitic, or not depending on their position. Curly brackets mean that the 1/2 minimal membership pronouns are obsolete in Tagalog (although, at present it is unclear if all Tagalog dialects have lost them), while their counterparts are still widely used in many other Philippine languages

of the oblique nonpersonal marker (cf. [Schachter, Otanes 1972: 88]). However, the same reinterpretation of this paradigm can be done as in the case of the personal case markers, since, for example, while nonpersonal Patient or Path can be marked with the genitive marker *ng*, personal Patient or Path has to be realized as a nonactor pronoun.

The nonactor pronouns and predicative forms of actor pronouns are nonenclitic, while the nominative forms are nonenclitics when topicalized or function as the predicate [Schachter, Otanes 1972: 184].

Some other lexical units can optionally behave like enclitic personal pronouns, including personal nouns and demonstratives [Schachter, Otanes 1972: 184; Billings 2005: 317].

Similar to other Philippine languages [Billings, Kaufman 2004: 18–20], in Tagalog enclitic pronouns are obligatorily hosted by a predicate that does not have any fronted constituent (7), a fronted constituent in emphatic inversion (8), the negation marker *(hin)di* (9) [Schachter, Otanes 1972: 183–193], and the prohibitive marker *(hu)wag* (10) [Malicsi 2013: 75].

(7) ***Masaya=siya*** *ngayon.*
happy=3SG.NOM today
'He is happy today.' [Schachter, Otanes 1972: 183]

(8) ***Sa*** ***maliit*** ***na*** ***bahay*** ***sa*** ***probinsya=siya*** *pu~punta.*
OBL small LK house OBL province=3SG.NOM PROSP~go[AV]
'It's the little house in the province that he's going to.' [Schachter, Otanes 1972: 188]

(9) ***Hindi=siya*** *masaya* *ngayon.*
NEG=3SG.NOM today
'He isn't happy today.' [Schachter, Otanes 1972: 183]

(10) ***Huwag=siya****=ng* *mayabang.*
PROH=3SG.NOM=LK boastful
'Let him not be boastful.' [9521392]

There is also a number of optional hosts [Schachter, Otanes 189–193]. For instance, in a construction with the interrogative *bakit* 'why' enclitic pronouns can be hosted by the predicate (11) or by the interrogative (12).

(11) ***Bakit*** *t<in>anong=**mo=siya**.*
why <PFV>ask[UV]=2SG.ACT=3SG.NOM
'Why did you ask him?' [Schachter, Otanes 1972: 191]

(12) ***Bakit=mo=siya*** *t<in>anong.*
why=2SG.ACT=3SG.NOM <PFV>ask[UV]
'Why did you ask him?' [Schachter, Otanes 1972: 191]

Unlike enclitic particles, enclitic pronouns that are arguments of the sentence predicate cannot be hosted by topicalized constituents [Schachter, Otanes 1972: 189; Billings, Kaufman 2004: 22] (example (13)).

(13) ***Bukas(*=siya)*** *ay* *a~alis*(=**siya**).*
tomorrow=3SG.NOM TOP PROSP~leave[AV]=3SG.NOM
'Tomorrow, he'll leave.' [Schachter, Otanes 1972: 189]

Enclitic particles — often referred to as adverbial in works on Philippine languages [Rubino 1997: 320–353; McFarland 2001; Billings, Kaufman 2004: 22; Kaufman 2006: 158; Robinson 2008: 195–210], as they are said to encode "aspectual, mood, evidential and functional" meanings [Kaufman 2006: 158][29] — include the following well-known items: the question markers *=ba* and *=baga*, *(=)kasi* 'because', the speculative or emphatic marker *=kaya*, the reportative marker *=daw* / *=raw*, *=din* / *=rin* 'also', the honorific markers *(=)ho* and *(=)po*, *(=)l(am)ang* 'only', the concessive marker *=man*, *=muna* 'at first', the iamitive and imperative marker *=na*, the continuative marker *=pa*, the marker of emphasis, information structure topic change, reluctance, and polite imperative *(=)naman*, the reiterative marker *=nga*,[30] the counter-expectation marker *=pala*, the optative marker *(=)sana*, *=tuloy* 'as a result', *(=)(y)ata* 'perhaps' [Schachter, Otanes 1972: 411], *(=)muli* / *(=)uli* / *(=)ulit* 'again', *(=)agad* 'right away', *(=)siguro* 'perhaps', *(=)talaga* 'indeed' [McFarland 2001],

[29] Other generalizations can also be found, e.g. "aspectual clitics and the question marker *ba*" [Spencer, Luís 2012: 58].

[30] *=nga* is usually translated as 'indeed', however in many instances this translation is not applicable, as illustrated by its use in a variety of constructions, like the speaker's agreement (i), insistence (ii), or doubt (iii). It seems that the more generalized

'the optative marker *(=)nawa*, and *(=)marahil* 'probably' [Malicsi 2013: 74]. There are also at least the following enclitic particles, not listed in the cited sources: *(=)halos* 'almost', *(=)dapat* 'must', *(=)lagi* 'always', *(=)lahat* 'all', *(=)malamang* 'likely', *(=)umano, (=)diumano, (=)mismo* 'self/very', *(=)kamo* 'as you said'. Examples (14)–(15) illustrate the enclitic use of *(=)halos* and *(=)dapat*.

(14) *Hindi=ko=**halos**=siya* *ma-kilala…*
NEG=1SG.ACT=almost=3SG.NOM MOD-recognize[UV]
'I almost couldn't recognize him…' [138920884]

(15) ⟨…⟩ *mag-hanap=ka=na=**dapat*** *ng* *trabaho.*
AV.STEM-search[INF]=2SG.NOM=IAM=must GEN work
'⟨…⟩ you should look for a job now.' [9534004]

As noted in [Kaufman 2006: 158], and as indicated with the use of parentheses in the list above, some enclitic particles can also function as non-enclitics when used in the topic position. Kaufman presents an example with the optative marker *(=)sana* in the topicalized position. Example (16) illustrates the same type of construction with *(=)l(am)ang* 'only'.[31]

(16) ***Lamang*** ***ay*** *k<in>a~kailangan=ninyo=ng* *iwan*
only TOP <IPFV>IPFV~need[UV]=2PL.ACT=LK leave[UV.INF]

meaning of *=nga* is that of reiteration of previously mentioned or presupposed information.

(i) *Siguro=nga.*
perhaps=REIT
'Yes, it seems so.' [6124258]

(ii) *Bakit=nga=ba* *ga-nito?!*
why=REIT=Q like-PROX.GEN
'But why is it like this?!' [7564994]

(iii) *Talaga…* *di=nga?*
indeed NEG=REIT
'Really… is it so?' [705980]

[31] The enclitic use of *(=)l(am)ang* 'only' is shown in examples (19), (33), (37), (53), (58), (61), (70), (72), (79), (87), (95).

sa akin *ang* *inyo=ng* *pangalan* *at* ⟨…⟩
1SG.NACT NOM 2PL.ACT=LK name and

‘The only thing is you need to give me your name and ⟨…⟩’ [7646251]

Some enclitics, though, occur as nonenclitics only when used as a standalone utterance, for instance, the honorific marker *ho* in (17), which is used as a polite request to repeat or further elaborate on what was said by the other party in the conversation. [32]

(17) *“Inum-in=mo* *yun=g* *una.”*
drink-UV[NEUT]=2SG.ACT DIST.NOM=LK first
*“**Ho**?* *Bakit=ako* *i~inom* *nito!”*
HON why=1SG.NOM PROSP~drink[AV] PROX.GEN
‘“Drink the first one.”
“What? Why would I drink this!”’ [3900241]

This also pertains to some combinations of enclitic particles whose meaning differs from the combined meaning of its constituent parts, like the combination *(=)na=naman*, which stands for the emphatic ‘again’, as shown in (18) [Malicsi 2013: 73]. [33]

(18) *Nag-ka-problema=po=kasi* *kanina* *sa*
PFV.STEM-ACQ-problem[AV]=HON=because earlier OBL
trak *kaya=po* *na-tagal-an=**na**=**naman**.* ***Na=naman**?!*
truck therefore=HON PFV.MOD-take_long-UV=IAM=EMPH IAM=EMPH
‘Because I’ve got a problem with the truck, so it took me long again. Again?!’ [51530534]

In addition to the hosts available to enclitic pronouns, enclitic particles can be hosted by a topicalized constituent, like in (19) and (20).

[32] Some enclitics have nonenclitic homonyms, like *tuloy* ‘stay/continue’ vs. the enclitic *=tuloy* ‘as a result’.

[33] There are also some other enclitic combinations of this kind, e.g. *(=)nga=pala* (‘(=)REIT=CE’) ‘by the way’. There are also combinations whose meaning does not equal the combined meaning of its constituents that do not occur as nonenclitics, like *=na=l(am)ang* (‘=IAM=only’) ‘instead’.

(19) ***Nito=ng*** ***Pebrero=lang*** ***ay*** *nag-propose=na*
PROX.GEN=LK February=only TOP PFV.STEM-propose[AV]=IAM
si *Arthur* *Solinap* *ng* *kasal* *sa* *kanya=ng*
PERS.SG.NOM PN PN GEN wedding OBL 3SG.ACT=LK
long-time *girlfriend* *na* *si* *Rochelle Pangilinan.*
LK PERS.SG.NOM PN

'Just this February, Arthur Solinap proposed to his long-time girlfriend Rochelle Pangilinan.' [172952]

(20) *Anak=ko,* *ako='y* *maligaya*
offspring=1SG.ACT 1SG.NOM=TOP happy
sapagkat ***ikaw=na*** ***ay*** *d<um>ating.*
because 2SG.NOM=IAM TOP <AV>arrive

'My child, I am happy because you have arrived' [49083218]

According to [Schachter, Otanes 1972: 429–435], Tagalog enclitic particles are split into four groups with varying positional properties: (i) *=ba*, *(=)kasi*, *=kaya*, *=man* are hosted by a sentence-initial predicate, and a topicalized argument or adverbial; (ii) *=daw* / *=raw*, *=din* / *=rin*, *(=)ho*, *(=)po*, *(=)naman*, *=nga*, *=pala*, *(=)sana*, *=tuloy*, *(=)(y)ata* are hosted by an initial or non-initial predicate, and a topicalized argument or adverbial; (iii) *(=)l(am)ang* and *=muna* are hosted by an initial or non-initial predicate, and a topicalized argument; (iv) *=na* and *=pa* are hosted by an initial or non-initial predicate only.[34] However, counter-evidence to these observations can be found in corpus data. For instance, in (19) *=lang* is hosted by the topicalized adverbial *nito=ng Pebrero*, while in (20) *=na* is hosted by the topicalized argument *ikaw*. Other discrepancies with corpus data can be

[34] As follows from Schachter, Otanes' observations regarding the positional properties of Tagalog enclitic particles, some enclitic particles can occupy different positions in the sentence without any apparent semantic change (examples (i)--(ii)). Other enclitic particles are hosted within the clause that they semantically modify, like *=l(am)ang* 'only' in example (iii) where it modifies *chismis* 'gossip' (see Footnote 9 for arguments in support of the clausehood status of substantive phrases).

(i) *Sila=**muna*** *ay* *sa~sayaw* *ng* *pandanggo*
3PL.NOM=at_first TOP PROSP~dance[AV] GEN fandango

found in Schachter, Otanes' description of some of the properties of Tagalog enclitic particles. For example, contrary to their claim [Schachter, Otanes 1972: 433], *=na* and *=pa* can be hosted by the interrogative *bakit* 'why', like in (21):

(21) ***Bakit=pa=kami*** *ma-ta~takot?*
why=CONT=1PL.NOM AV.STEM-PROSP~get_scared
'Why would we get scared?' [1950056]

Unlike enclitic pronouns, enclitic particles can also be hosted by the initial constituent of a topic [Schachter, Otanes 1972: 429], like in (22), and a fronted constituent [Schachter, Otanes 1972: 434; Kaufman 2008: 33; Kaufman 2010b: 192], like in (23).

(22) *Bukas=**ba*** *ng gabi ay*
tomorrow=Q GEN evening TOP
*sa~sayaw=**sila*** *ng pandanggo?*
PROSP~dance[AV]=3PL.NOM GEN fandango
'Tomorrow night, will they dance a fandango?' [Schachter, Otanes 1972: 429]

(23) *Sa bahay=**ba** sa probinsya=**siya***
OBL house=Q OBL province=3SG.NOM

---

bukas ng gabi.
tomorrow GEN evening
'They will first dance a fandango tomorrow night.' [Schachter, Otanes 1972: 431]

(ii) *Sila='y sa~sayaw=**muna** ng pandanggo*
3PL.NOM=TOP PROSP~dance[AV]=at_first GEN fandango
bukas ng gabi.
tomorrow GEN evening
'They will first dance a fandango tomorrow night.' [Schachter, Otanes 1972: 431]

(iii) *Wag=kayo=ng man-i~niwala sa chismis=**lang**.*
PROH=2PL.NOM=LK AV.STEM-PROSP~believe OBL gossip=only
'Don't believe in something that is just a gossip.' [152755600]

This paper is not concerned with the questions of what individual enclitics can be hosted by different conjunctions and why. Instead, it aims to find out what conjunctions can generally host any of the enclitics.

pu~punta?
PROSP~go[AV]

'Is it the house in the province that he's going to?' [Schachter, Otanes 1972: 434]

Lee, Billings label the enclitic pronoun ordering type as verb-adjacent ordering, while that of the enclitic particles as Wackernagel ordering, and suggest to use constructions that contain both an inverted adjunct and a negation marker at the same time as a test for the ordering type of a clitic [Lee, Billings 2005: 241–242].

In addition, some Philippine languages allow enclitic pronouns to be hosted by some conjunctions.[35] According to [Billings, Kaufman 2004: 19–20] and [Lee, Billings 2005: 243, 248] claim that Tagalog conjunctions cannot host enclitic pronouns (see example (24)),[36] while some conjunctions in Mapun (example (25)) [Billings, Kaufman 2004: 19–20], Tausug (example (26)) [Lee, Billings 2005: 243; Lee, Billings 2008: 193–194], Masbatenyo (example (27)) [Lee 2008], Binukid (example (28)) [Peng, Billings 2008: 187–190, 200], and Maranao (example (29)) [Kaufman 2010a: 184] can.

TAGALOG:

(24) ***Kung*** *hindi=**ka*** *nag-luto* *ng* *itlog,* ⟨…⟩
if NEG=2SG.NOM AV.PRF-cook GEN egg

'If you didn't cook eggs, ⟨…⟩' [Billings, Kaufman 2004: 20; Lee, Billings 2005: 251]

MAPUN:

(25) ***Bong=ko*** *ya'* *pa-tagong* *nangis,* ⟨…⟩
if=2SG.NOM NEG AV-stop AV.cry

'If you don't stop crying, ⟨…⟩' [Billings, Kaufman 2004: 20; Lee, Billings 2005: 251]

[35] Complementizers in the terminology used in [Billings, Kaufman 2004] and [Lee, Billings 2005].

[36] This is also said to be true for most other Central Philippine languages, including Tagakaulo, Kaagan, Mansaka, Davawenyo, and Mamanwa [Lee, Billings 2005: 248, 251].

Tausug:

(26) ***Bang=siya*** *di'* *m-agad* ⟨…⟩
if=3SG.NOM NEG AV-go_with
'If he won't go with us, ⟨…⟩' [Lee, Billings 2005: 251]

Masbatenyo:

(27) *Didi=ka=lang* *tindog* ***agod=ka*** *dili* *ma-init-an.*
here=2SG.NOM=just stand[AV] so.that=2SG.NOM NEG ABIL-hot-RV
'Stand here so that you don't get sunstroke.' [Lee 2008: 128]

Binukid:

(28) ***ta daw=ka=kandin*** *mabutawanan.*
so.that=NOM.2PL=[OBL]/GEN/.3SG release
'[Poke the crocodile in the eye] so that it will let go of you.' [Peng, Billings 2008: 188]

Maranao:

(29) ***Kaan=ta*** *di'* *pe-ketey.*
so.that=1,2S.NOM NEG FUT-delay
'So that we shall not be delayed.' [Kaufman 2010a: 184]

Conjunctions can function as enclitic hosts in some other Austronesian languages as well, cf. Seediq [Holmer, Billings 2014] in example (30) and South Sulawesi languages [Kaufman 2008] in example (31).

Seediq:

(30) ⟨…⟩ ***ado=ku*** *m-beyax* *t<m>alang* *yaku.*
because=1SG.NOM AV-strong <AV>run 1SG
'⟨…⟩ because I am good at running.' [Holmer, Billings 2014: 113]

Seko Padang:

(31) ***I=koi:=ka'*** *mang-keki'* *tu-lino* ⟨…⟩
COND=1S.F=1S.A AV-bite person-world
'If I bite a person ⟨…⟩' [Kaufman 2008: 39]

On the other hand, some sources claim that some Tagalog conjunctions can host enclitics as well. According to [Kaufman 2010a: 184] only one Tagalog conjunction, *kaya* 'therefore', can host enclitics. According

to [McFarland 2001: 11–13], the situation is somewhat more complicated, as *kaya* ‘therefore’ can host both enclitic particles and pronouns when it is not topicalized, like in (32), and only enclitic particles when it is topicalized, like in (33).[37] In addition, *kasi* ‘because’ can host enclitic particles, like in (34), *kundi* ‘if not’ (see example (35)) and *para* ‘in order to’ (see example (36)) can host both enclitic particles and pronouns.

(32) *Mahal=ko=po* *si* *Darwin* ***kaya=ako***
beloved=1SG.ACT=HON PERS.SG.NOM PN therefore=1SG.NOM
na-ri~rito.
PRED-PRED~PROX.OBL
‘I love Darwin, that’s why I’m here.’ [McFarland 2001: 11]

(33) ***Kaya=lang*** ***ay*** *masyado=ng* *personal.*
therefore=only TOP excessive=LK personal
‘It’s just that it’s too personal.’ [McFarland 2001: 11]

(34) ***Kasi=naman*** *ikaw.*
because=EMPH 2SG.NOM
‘Because you (are like that).’ [McFarland 2001: 11]

(35) ***Kundi=ka*** *d<um>ating,* *wala=sana=ng* *problema.*
if_not=2SG.NOM <AV>arrive[PFV] NEG.EXIST=OPT=LK problem
‘If you hadn’t come, there wouldn’t have been a problem.’ [McFarland 2001: 13]

(36) *Wala=ng* *t<um>awag* ***para=siya*** *k<um>ain.*
NEG.EXIST=LK <AV>call[PFV] so_that=3SG.NOM <AV>eat[INF]
‘No one called for him to eat.’ [McFarland 2001: 13]

According to [Schachter, Otanes 1972: 188, 191, 433–434, 463–483], Tagalog conjunctions differ along three parameters: the ability to host enclitic particles, the ability to host enclitic pronouns, and obligatoriness of being a host. Four groups of conjunctions are thus formed: (i) nonhosts, (ii) optional hosts for particles, (iii) optional hosts for both

[37] McFarland’s example in (33) actually contains the combination *kaya=lang* ‘but the thing is’, rather than the conjunction *kaya* ‘therefore’.

particles and pronouns, and (iv) obligatory hosts for both particles and pronouns (*Table 4*).

Table 4. Tagalog conjunction properties (from [Schachter, Otanes 1972])

Conjunctions	Particles	Pronouns
at 'and', *kung* 'if', *hanggang* 'until', *hangga't* 'while', *bagama't* 'although', *nang* 'when', *o (kaya)* 'or (else)', *pero* 'but', *dahil sa* 'because', *dahilan sa* 'because', *gawa ng* 'because', *(sa)pagka't* 'because', *upang* 'so that'	–	–
(kung) sakali 'in case if', *noon* 'when', *sa sandali* 'the moment that', *(mag)buhat* 'since', *(mag)mula* 'since', *bagaman* 'although', *maliban* 'unless', *bukod* 'besides', *dangan* 'were it not that', *dahil* 'because', *(ya)yaman* + *na*/*-ng* 'because'	(+)	–
(ka)pag(ka) 'if / when', *tuwi* 'whenever', *matapos* 'after', *pagkatapos* 'after', *porke* 'because', *maski* 'even if', *imbis* 'instead', *(sa) lugar* 'instead', *(sa) halip* 'instead', *miyentras* 'while', *para* 'so that', *(at) saka* 'and then', *haba* 'while', *samantala* 'while'	(+)	(+)
bago 'before', *kundi* 'if not'	+	+

These observations are, however, contradicted by the corpus data, as shown in *Section 3*.

Importantly for any discussion concerning how the data presented below compare to what has been reported in the earlier works mentioned above, in most cases the latter do not provide any explicit indications of where their data comes from. It is unclear what data the authors of [Billings, Kaufman 2004: 19–20], [Lee, Billings 2005: 243, 248], and [Kaufman 2010a: 184] used to make their generalizations regarding the alleged (in) ability of Tagalog conjunctions to host enclitics, as they do not provide any information on the source of their Tagalog data. Schachter, Otanes do not provide such information either, although they state elsewhere that their description of Tagalog pronunciation is based on the Manila dialect spoken by "recent college graduates" [Schachter, Otanes 1972: 1]. Also, there are multiple references to "speakers" without any further elaboration

throughout their work, from which one can assume that each of their data points comes from an undefined number of native speakers. McFarland [McFarland 2001: 11–13] is the only one who explicitly states the source of his data on Tagalog conjunctions, which is a 1 million-word corpus of 50 Filipino novelettes published in the 1990s [McFarland 2001: 1].

3. Data presentation

The data presented below show that there is significant variation in the distribution of the three properties discussed above — ability to undergo topicalization, to host enclitic particles, and to host enclitic pronouns — in Tagalog conjunctions. The conjunctions under study here are split into five groups based on the combinations of these properties. As shown in *Table 5*, the ability to be topicalized and the ability to host pronouns both entail the ability to host particles.

Table 5. Conjunction properties

	group 1	**group 2**	**group 3**	**group 4**	**group 5**
topicalization	+	−	+	−	−
particles	+	+	+	+	−
pronouns	+	+	−	−	−
conjunctions	*kaya* ‘therefore’ *para* ‘so that’	*bago* ‘before’	*palibhasa* ‘because’ *(=)kasi* ‘because’ *tutal* ‘because’ *(kung) dangan=kasi* ‘because’ *(pa)paano=kasi* ‘because’ *porke(=ʼt)* ‘because’ *komo* ‘because’ *kesyo* ‘because’ *dahil* ‘because’ *(sa)pagka(=ʼt)* ‘because’ *dangkasi* ‘because’	*(ya)yaman=g* ‘because’ *dahil sa* ‘because’ *dahilan sa* ‘because’ *gawa ng* ‘because’ *bilang* ‘because’	*anupa=ʼt* ‘therefore’ *at* ‘and’ *nang* ‘when’

	group 1	group 2	group 3	group 4	group 5
			mangyari ‘because’ *sa dahilan=g* ‘because’ *sa kadahilan(an)=g* ‘because’ *manyapa(’)t* ‘because’ *samakatuwid* ‘therefore’ *nguni(=’t)* ‘but’ *pero* ‘but’ *kung* ‘if’		

The following procedure was used to establish the properties of each conjunction under study. The ability to undergo topicalization was established through searches for combinations of a conjunction with the topic marker *ay/=’y* with and without an intervening unspecified word.[38] The ability to host enclitic particles was checked through searches for combinations of a conjunction with the following particles: *=ba* ‘Q’, *=baga* ‘Q’, *=daw / =raw* ‘REP’, *=din / =rin* ‘also’, *(=)ho* ‘HON’, *(=)po* ‘HON’, *(=)l(am)ang* ‘only’, *=man* ‘CONC’, *=muna* ‘at first’, *=na* ‘IAM’, *=pa* ‘CONT’, *(=)naman* ‘EMPH’, *=nga* ‘REIT’, *=pala* ‘CE’. Other particles have high-frequency non-enclitic counterparts (e.g., *(=)kasi* ‘because’, *(=)sana* ‘OPT’). The ability to host enclitic pronouns was checked through searches for combinations of a conjunction with the pronouns that function only as enclitics, including the following: *=ka* ‘2SG.NOM’, *=ko* ‘1SG.ACT’, *=mo* ‘2SG.ACT’, *=(ni)nyo* ‘2PL.ACT’, *=namin* ‘1PL.ACT’, *=natin* ‘1/2PL.ACT’, *=n(i)ya* ‘3SG.ACT’, *=nila* ‘3PL.ACT’. The pronoun *=kita* ‘1SG.ACT+2SG.NOM’ was not included in this list, since it is a homograph of the adjective *kita* ‘seen’, while the pronouns *(=)ako* ‘1SG.NOM’, *(=)kayo* ‘2PL.NOM’, *(=)kami* ‘1PL.NOM’, *(=)tayo* ‘1/2PL.NOM’, *(=)s(i)ya* ‘3SG.NOM’, *(=)sila* ‘3PL.NOM’ frequently occur in nonenclitic positions, and searches for combinations with these forms yield too many results that have to be checked manually, as the corpus is untagged, which would make the procedure too time-consuming.

As mentioned in the Introduction, it is impossible to ascertain just on the basis of corpus data if a certain construction is grammatical

[38] This is a wild card indicated with a standalone asterisk (*) in sketchengine.

or represents a deviation from the norms existing in the language community. Due to this, in an attempt to exclude at least some such constructions, the following principle was used as a criterion of whether a combination of a conjunction with the topic marker *ay* or an enclitic is considered as existing in the language. If more than five examples of a combination of a conjunction with the topic marker, particles, or pronouns were found in the corpus, the conjunction was considered to be able to combine with the said elements. If less than five examples of such combinations were found, the possible combinations were further searched for in Google. If such searches found additional instances of such combinations on webpages of Philippine online newspapers, magazines, blogs, or other social media, and the combined number of instances in Google searches and the corpus was at least five, the conjunction was considered as having the property in question. Otherwise, the conjunction was given negative value for the property in question. For instance, the conjunction *dahil* occurs in combination with an enclitic pronoun twice in the corpus and at least one time in Google searches, hence the negative value for this property in *Table 5*.[39]

When a conjunction was found to pass the requirements for both the topicalization property and the enclitic hosting property, I attempted

[39] Apart from legitimate instances of combinations of *dahil* with an enclitic pronoun, like in (i), which comes from a publication by the Philippine tabloid Abante Tonite, the corpus also contains a number of sentences with such combinations, which turn out to be missing a certain element, like the negative marker *(hin)di* in (ii), have a misspelled element, like in (iii), where *dahil* should be the verb *dalhin*, or represent a nonstandard use of the actor form of the pronoun instead of the nonactor form with the preposition *dahil (sa)*, like in (iv), where *dahil nya* is supposed to be *dahil sa kanya*:

(i) *Na-enjoy=nila* *ang* *Kenya* ***dahil=nila*** *na-kita*
PFV.MOD-enjoy[UV]=3PL.ACT NOM Kenya because=3PL.ACT PFV.MOD-see[UV]
roon *ang* *marami=ng* *hayop.*
DIST.OBL NOM many=LK animal
'They enjoyed Kenya because they saw a lot of animals there.' [180301944]

(ii) ⟨…⟩ *at* *huwag=ka=ng* *ma-ta~takot* *sa akin.*
and PROH=2SG.NOM=LK AV.STEM-PROSP~fear 1SG.NACT

to find examples where the conjunction hosted an enclitic while used in the topicalization construction, in order to illustrate both properties at once for the sake of saving space.

This criterion does not eliminate the possibility that the combinations found in the corpus and Google searches might be unacceptable in native speakers' grammar. In particular, all five attested examples might come from the same author or even the same text (cf. Footnote 47). However, they provide evidence that such combinations exist in the language at least marginally as part of dialectal or idiolectal variation, or as a result of other language interference. For example, the corpus contains 23 instances of the combination *pero ay* 'but TOP' (with 13 instances coming from the same blog). However, four Tagalog native speakers (all having higher education, aged 20, 29, and 31; one has been exposed to Cebuano, another one to Ilokano) whom I asked to evaluate acceptability of the construction in (37), which comes from a blog, found it unacceptable.

(37) *May batas=nga=tayo* ***pero ay*** *para=lang sa*
EXIST law=REIT=1/2PL.NOM but TOP for=only OBL
mayroon=g pera.
EXIST=LK money
'We have the law, but only for those who have money.' [http:/arvin95.blogspot.com/2010/03/tama-ba.html]

Dahil=mo*=dapat=ako* *ka-takut-an.*
because=2SG.ACT=must=1SG.NOM STEM-fear-UV[INF]
'⟨…⟩ and don't be afraid of me. Because you don't need to be afraid of me.' [170082797]

(iii) *I-uwi=mo* *o=kaya* ***dahil=mo*** *sa simbahan,*
UV-take_home[INF]=2SG.ACT or=SPEC because=2SG.ACT OBL church
i-lagay=mo *sa altar.*
UV-put[INF]=2SG.ACT OBL altar
'Take it home, or else bring it to the church and put it on the altar.' [186528837]

(iv) *Masaya=ako* *sa ngayon* ***dahil=nya****.*
happy=1SG.NOM OBL now because_of=3SG.ACT
'I am happy now because of her.' [5046125]

3.1. Group 1

The first group of conjunctions consists of those that have all three features, including only two conjunctions: *kaya* ‘therefore’ and *para* ‘so that’. Examples (38) and (40) show constructions with the conjunctions in the topicalized position followed by enclitic particles, while examples (39) and (41) illustrate their ability to host pronominal enclitics.

(38) ***Kaya=naman=po*** ***ay*** *nais=ko=po=ng* *bahagi* *ng*
therefore=EMPH=HON TOP desired=1SG.ACT=HON=LK part GEN
akin=g *pagsusulat* *ang* *akin=g* *mga* *mahal*
1SG.ACT=LK writing NOM 1SG.ACT=LK PL dear
na *mambabasa.*
LK reader
‘So, I want my dear readers to be part of my writing.’ [7224305]

(39) *Just remember* *na* ***kaya=ka*** *an-dito* *sa*
LK therefore=2SG.NOM PRED-PROX.OBL OBL
Saudi *ay* *para* *mag-work* *para* *sa* *family* ⟨…⟩
PLN TOP so_that AV.STEM-work[INF] for OBL family
‘Just remember that this is why you are here in Saudi — in order to work for the family ⟨…⟩’ [145527]

(40) ⟨…⟩ ***para=po*** ***ay*** *ma-iwas-an* *ang* *casualties,*
so_that=HON TOP MOD-avoid-UV[NEUT] NOM casualties
para *ma-iwas-an=po* *ang* *maging* *biktima*
so_that MOD-avoid-UV[INF]=HON NOM AV.INF.become victim
ng *disgrasya.*
GEN accident
‘⟨…⟩ in order to avoid the casualties, in order to avoid becoming an accident victim.’ [83249578]

(41) *Sige* *hintay-in=ko* *ang* *code* *para* *sa* *blog=mo*
alright wait-UV[INF]=1SG.ACT NOM code for OBL blog=2SG.ACT
para=ko *ma-i-lagay* *sa* *side bar*⟨…⟩
so_that=1SG.ACT MOD-UV-put[INF] OBL side_bar

‘Alright, I will wait for the code for your blog so that I can put it to the side bar ⟨…⟩’ [34655628]

3.2. Group 2

The second group includes only one conjunction, *bago* ‘before’, which can host both particles and pronouns, as shown in (42), but cannot undergo topicalization.

(42) ***Bago=mo=ba*** *ma-kilala* *si*
before=2SG.ACT=Q MOD-get_acquianted[UV.INF] PERS.SG.NOM
James *Younghusband* *fan=ka=na=talaga* *ng* *football?*
PN PN fan=2SG.NOM=IAM=indeed GEN football
‘Were you already a football fan before you got to know James Younghusband?’ [144611007]

3.3. Group 3

Group 3 is the biggest one and consists of conjunctions that can be topicalized and host particles, but not pronouns. The following are examples illustrating the use of the conjunctions with an enclitic particle in the topicalized position: *palibhasa* ‘because’ (see example (43)), *(=)kasi* ‘because’ (see example (44)), *tutal* ‘because’ (see example (45)), *(kung) dangan=kasi* ‘because’ (see example (46)), *(pa)paano=kasi* ‘because’ (see example (47)), *porke(=t)* ‘because’ (see example (48)), *dahil* ‘because’ (see example (49)), *(sa)pagka(=t)* ‘because’ (see example (50)), *dangkasi* ‘because’ (see example (51)), *mangyari* ‘because’ (see example (52)), *samakatuwid* ‘therefore’ (see example (53)).

(43) *May* *bf* *si* *Janice* *at* *may*
EXIST boyfriend PERS.SG.NOM PN and EXIST
nang-ya~yari=na *sa kanila,*
IPFV.STEM-IPFV~happen[AV]=IAM 3PL.NACT

palibhasa=nga ***ay*** *close=kami* *kaya*
because=REIT TOP close=1PL.NOM therefore

na-ka~ka-pag-kwentu-han=kami *ng* *tungkol* *sa* *sex.*
MOD.IPFV-IPFV~AV-STEM-tell-RECP=1PL.NOM GEN about OBL sex

'Janice has a boyfriend and something is already happening between them, because we are close, that's why we can tell each other about sex.' [177278423]

(44) *Tu~tulung-an=daw=nya=ako* *dito* *sa* *gawain=g*
PROSP~help-UV=REP=3SG.ACT=1SG.NOM PROX.OBL OBL chore=LK

bahay ***kasi=daw*** ***ay*** *may* *sakit=nga* *ito=ng*
house because=REP TOP EXIST sickness=REIT PROX.NOM=LK

si *Jhino.*
PERS.SG.NOM PN

'He said that he would help me here with housework because Jhino is sick.' [201937955]

(45) *Na-isip-an=nya=ng* *ma-ligo* *sa* *ilog*
MOD.PFV-think-UV=3SG.ACT=LK AV.STEM-bathe[AV] OBL river

tutal=naman ***ay*** *wala=na=ng* *tao* *sa* *paligid.*
because=EMPH TOP EXIST.NEG=IAM=LK person OBL surroundings

'She decided to bathe in the river, because there were no people around anyway.' [112541291]

(46) *At* ***dangan=din=kasi='y*** *hindi* *lengguwahe* *ni*
and because=also=because=TOP NEG language PERS.SG.ACT

Tina *ang* *Tagalog*
PN NOM Tagalog.

'And also because Tagalog is not Tina's language.' [228574191]

(47) *Bukod* *sa* *hindi=na=niya* *kaya* *ang* *gastos,*
apart OBL NEG=IAM=3SG.ACT able NOM expenses

napaka-hirap *mag-aral* *sa* *kanya=ng*
INTENS~difficult AV.STEM-study[INF] OBL 3SG.ACT=LK

<in>upa-han=g *silid.*
<PFV>rent-UV=LK room

Paano=naman=kasi ay *napaka-ingay.*
how=EMPH=because TOP INTENS-loud

'Apart from that he can't afford the expenses, it is very difficult to study in the room he rented. Because it is very loud.' [27312099]

(48) ***Porket=ba ay*** *s<in>uwerte=ka=na at*
because=Q TOP <PFV>get_lucky[UV]=2SG.NOM=IAM and
nag-ka-visa=ka=na kahit pulubi ay halos
PFV.STEM-ACQ-visa[AV]=2SG.NOM=IAM although beggar TOP almost
hindi=muna ma-bigy-an ng barya,⟨…⟩[40]
NEG=at_first MOD-give-UV[INF] GEN change

'Just because you got lucky and you've already got a visa, you won't even give any change to a beggar, ⟨…⟩' [https://issuu.com/ofwakomagazine/docs/ofw_ako_magazine_online_edition_issue_012]

(49) *May matindi=ng dahilan=pala kung bakit*
EXIST intense=LK reason=CE if why
nam-ahinga=ulit ang singer-actress na si
PFV.STEM-rest=again NOM singer-actress LK PERS.SG.NOM
Selena Gomez sa social media, ***dahil=pala='y*** *may*
PN PN OBL social media because=CE=TOP EXIST
p<in>ag-da~daan-an ito=ng sakit.
<IPFV>STEM-IPFV-go_through-UV PROX.NOM=LK sickness

'It turns out that there is a serious reason why the singer-actress Selena Gomez took a break from social media, because, it turns out, she is going through a sickness.' [133786840]

(50) ***Sapagkat=po ay*** *kung ano=po ang mga*
because=HON TOP if what=HON NOM PL
mag-ka~ka-lapit na streets ay yun=na=po ang
RECP-PL~SHR-near LK streets TOP DIST.NOM=IAM=HON NOM
d<in>i~diretso=nila
<IPFV>IPFV~go_straight_to[UV]=3PL.ACT

[40] No instances of the combinations of *porke ay*, *porke'y*, *porket ay*, *porke't ay* are found in the corpus, but some are found in Google searches.

‘Because whatever streets are near each other, they go straight to those.’ [166629291]

(51) ***Dangkasi=raw*** ***ay*** *iba=na* *si* *Jinkee* ⟨…⟩
because=REP TOP different=IAM PERS.SG.NOM PN
‘They say, because Jinkee is different now ⟨…⟩’ [41] [http://globalbalita.com/?s=jinkee+pacquiao]

(52) ***Mangyari=po=’y*** *ni-linlang=ako* *ng* *ahas,*
because=HON=TOP PFV-deceive-UV=1SG.ACT GEN snake
kaya=ako *na-tukso=ng* *k<um>ain* ⟨…⟩
therefore=1SG.NOM PFV.MOD-tempt[UV]=LK <AV>eat[INF]
‘Because the snake deceived me, that’s why I got tempted to eat it ⟨…⟩’ [2003222]

(53) ***Samakatuwid=pala*** ***ay*** *maaari=ka=ng* *ma-bautismu-han*
therefore=CE TOP possible=2SG.NOM=LK MOD-baptise-UV[INF]
sa *pamamatigan=lamang* *ng* *pag-tanggap* *ng* *salita*
OBL help=only GEN NMLZ-receive GEN word
ng *Diyos!*
GEN god
‘Therefore, as it turns out, you can get baptized just through accepting the word of God!’ [221398457]

The following pairs of examples illustrate the use of the rest of the conjunctions in this group in the topicalized position and with enclitic particles: *komo* ‘because’ ((54)–(55)), *kesyo* ‘because’ ((56)–(57)), *kung* ‘if’ ((58)–(59)), *pero* ‘but’ ((60)–(61)), *nguni(=’t)* ‘but’ ((62)–(63)), *manyapa(’)t* ‘because’ in ((64)–(65)), *sa dahilan=g* ‘because’ ((66)–(67)), and *sa kadahilan(an)=g* ‘because’ ((68)–(69)).

(54) *Komo* *kami* *ay* *extranjero* *at* *sila=naman*
because 1PL.NOM TOP foreigner and 3PL.NOM=EMPH
komo ***ay*** *taga-rito,* *bakit=naman* *kami*
because TOP from-PROX.OBL why=EMPH 1PL.NOM

[41] Only three instances of *dangkasi* in the topicalized position are found in the corpus, while several instances are found in Google searches.

p<in>a-baya-an? [42]
<PFV>abandon-UV

'Just because we are foreigners and because they are from here, why are we abandoned?' [http://testnews.abs-cbn.com/global-filipino/08/13/15/pinoys-seek-justice-filipina-imprisoned-spain]

(55) ***Komo=ba*** *may langib ang tupa,*
because=Q EXIST scab NOM sheep
la~layo=na ang pastol?
PROSP~draw_away[AV]=IAM NOM shepherd
'Just because a sheep has a scab, will the shepherd draw away?' [151349857]

(56) ***Kesyo ay*** *wala=raw=ako=ng lovelife kaya*
because TOP EXIST.NEG=REP=1SG.NOM=LK love_life therefore
nag-pa~pa-pansin=daw=ako. [43]
IPFV.STEM-IPFV~CAUS-pay_attention=REP=1SG.NOM
'They say, because I don't have any love life, I seek attention.' [https://www.wattpad.com/299456157-the-nerd%27s-future-husband-wattys2017-5/page/2]

(57) *Mayroon=din=naman=g na-pi~pikon sa kanya,*
EXIST=also=EMPH=LK IPFV.STEM-IPFV~get_offended[AV] 3SG.NACT
kesyo=raw *siya ay hipokrito at inconsistent ang*
because=REP 3SG.NOM TOP hypocrite and inconsistent NOM
views=niya bilang tao.
views=3SG.ACT as person
'There are those who get offended by him, because, they say, he is a hypocrite and his views as a person are inconsistent.' [8986966]

(58) *Sa tatlo=ng sala ng Muntinlupa RTC,*
OBL three=LK hall GEN PLN regional_trial_court
ang i-s<in>ampa=ng motion to quash ng kampo
NOM UV-<PFV>file=LK motion_to_quash GEN camp

[42] Only one example in the corpus and several in Google searches.

[43] No examples in the corpus but several in Google searches.

ni *De Lima* *ay* *bukas=pa=lamang=ito*
PERS.SG.ACT PN TOP tomorrow=CONT=only=PROX.NOM

di~dingg-in ***kung*** ***ay*** *i-ba~basura* *ang*
PROSP~hear-UV if TOP UV-PROSP-junk NOM

k<in>a~ka-harap=nito=ngkaso ⟨…⟩
<IPFV>IPFV~SHR-face[UV]=PROX.GEN=LK case

'In the three halls of Muntinlupa regional trial court, the motion to quash filed by De Lima's camp, it will be heard only tomorrow if the case she is facing will be junked ⟨…⟩' [216297206]

(59) *May* *balak=pa=pala=siya=ng* *t<um>akbo* *bilang* *Presidente*
EXIST plan=CONT=CE=3SG.NOM=LK <AV>run[INF] as president

kung=daw *siya* *ang* *'i-s<in>ugo* *ng* *Diyos'?*
if=REP 3SG.NOM NOM UV-<IPFV> send GEN god

'Does he also have a plant, as it turns out, to run for president if, as he said, he was sent by God'? [213061009]

(60) *Noon=g* *dati* *ang* *PAL* *ay*
DIST.GEN=LK before NOM Philippine_airlines TOP

nag-o~opera *ng* *mga* *lipad* *na* *hindi*
IPFV.STEM-IPFV-operate[AV] GEN PL flight LK NEG

nag-mu~mula *sa* *hub,* *pati=na=rin* *mga* *non-stop*
IPFV.STEM-IPFV~originate OBL hub even=IAM=also PL non_stop

na *mga* *lipad* *sa* *Europa* *at* *mga* *Domestiko=ng*
LK PL flight OBL Europe and PL domestic=LK

mga *operasyon* ***pero='y*** *hindi=na* *i-p<in>a-tuloy*
PL operation but=TOP NEG=IAM UV-<PFV>CAUS-continue

pag-dating *ng* *Krisis* *Pinansiyal* *sa* *Asya*
PREC-arrive GEN crisis financial OBL Asia

noon=g *1999.*
DIST.GEN=LK

'Before the Philippine Airlines used to operate flights not originating from the hub, including also non-stop flights to Europe and domestic operations, but these were discontinued with the start of the Financial Crisis in Asia in 1999.' [159756688]

(61) *Doon, s<in>abi=ko na mahalaga ang*
DIST.OBL <PFV>say[UV]=1SG.ACT LK important NOM
compatibility hindi=lamang sa sex, ***pero=rin*** *sa*
compatibility NEG=only OBL sex but=also OBL
katalinuhan, sa personalidad sa pag-tingin paano
intelligence OBL personality OBL NMLZ-look how
ga~gasta-hin ang pera, atbp.
PROSP~spend-UV NOM money etc.
'There, I said that compatibility is important not only in sex, but also in intelligence, in personality, in the views on how to spend money, etc.' [201067532]

(62) *T<um>ayo=pa=rin=siya sa harap ng pintuan,*
<AV>stand_up[PFV]=CONT=also=3SG.NOM OBL front GEN door
t<um>ango, na-gustu-han ang mga malulungkot
<AV>nod[PFV] PFV.MOD-like-UV NOM PL sad
ngunit ay *matatamis na mga kataga=ng <in>ukit*
but TOP sweet LK PL word=LK <PFV>carve[UV]
sa tula.
OBL poem
'She still stood up in front of the door, nodded, enjoying the sad but sweet words carved in the poem.' [5937254]

(63) *Na-i~intindi-han=ko=po na bulag ang*
IPFV.MOD-IPFV-understand-UV=1SG.ACT=HON LK blind NOM
hustisya, ***ngunit=po*** *tila nag-iba=na ang*
justice but=HON as_if PFV.STEM-change[AV]=IAM NOM
ibig sabihin.
meaning
'I understand that justice is blind, but it's like its meaning has changed.' [52308424]

(64) ⟨…⟩ *may kakaiba=ng ngiti=ng nam-u~mutawi*
EXIST unusual=LK smile=LK IPFV.STEM-IPFV~be_uttered
sa mga labi ng bawat tao=ng
OBL PL lip GEN each person=LK

ma-ka~ka-salubong=mo *sa* *kalye,* *sa* *eskuwela* *o*
MOD-PROSP~SHR-meet[UV]=2SG.ACT OBL street OBL school or

di=kaya=’y *sa* *opisina.* ***Manyapa=’y*** *sadya=ng*
NEG=SPEC=TOP OBL office because=TOP special=LK

kakaiba=ng *sigla* *ang* *na-i-du~dulot* *ng*
unusual=LK liveliness NOM IPFV.MOD-UV-IPFV~bring GEN

simoy *ng* *Pasko* *sa* *atin=g* *mga*
breeze GEN Christmas OBL 1/2PL.ACT=LK PL

Pilipino ⟨…⟩[44]
Filipino

‘⟨…⟩ there are unusual smiles on the lips of every person that you meet in the street, at school or at the office. Because the breeze of Christmas brings us Filipinos some especially unusual liveliness ⟨…⟩’ [https://issuu.com/angdiaryonatin/docs/adn_507/4]

(65) *So* ***manyapa’t=ba*** *wala=ako,*
so because=Q EXIST=1SG.NOM

ha~hanap=ka *ng* *iba?*[45]
PROSP~search[AV]=2SG.NOM GEN different

‘So, just because I’m not there, you will look for someone else?’ [94441082]

(66) *At* *h<um>i~hingi=ito* *ng* *kapatawaran* *sa* *hindi*
and <AV>IPFV~request=PROX.NOM GEN forgiveness OBL NEG

pag-sabi *ng* *tunay=nito=ng* *karamdaan* ***sa*** ***dahilan***
NMLZ-say GEN real=PROX.GEN=LK sickness OBL reason

ay *ayaw=nito* *na* *mag-alala=sila=ng*
TOP disliked=PROX.GEN LK AV.STEM-worry[INF]=3PL.NOM=LK

[44] No occurrences of *manyapa’y*, *manyapa’t ay*, *manyapat ay*, *manyapa ay*, or *manyapa at ay* are found in the corpus, while *manyapa’t* occurs in Google searches five times. These numbers indicate that there is a possibility that, in fact, in all these instances *manyapa’y* is actually the misspelled *manyapa’t*.

[45] One occurrence of *manyapa’t ba* and one occurrence of *manyapat ba* in the corpus, and another five occurrences of *manyapat ba* in Google searches.

mag-ina. [46]
NMLZ.DU-mother

'And he was asking forgiveness for not telling telling about his real sickness because he did not want his wife and child to worry.' [96202070]

(67) ⟨…⟩ ***sa*** ***dahilan=po=ng*** *masama* *ang* *lagay*
OBL reason=HON=LK bad NOM condition
ni *Kapitan* *Tiago* *at* *ako='y*
PERS.SG.ACT captain PN and 1SG.NOM=TOP
kailangan=g ⟨…⟩
needed=LK

'⟨…⟩ because Captain Tiago's condition was bad and I was needed ⟨…⟩' [12303008]

(68) ⟨…⟩ *at* *ako* *ay* *hindi=na* *b<um>aba* ***sa***
and 1SG.NOM TOP NEG=IAM <AV>descend[PFV] OBL
kadahilanan ***ay*** *malakas* *ang* *ulan* ⟨…⟩
reason TOP strong NOM rain

'⟨…⟩ and I didn't get out because it was raining heavily ⟨…⟩' [47] [https://lawphil.net/judjuris/juri1999/apr1999/gr_126303_1999.html]

(69) ⟨…⟩ *at* *na-rule out=po* *ang* *RA 7610*
and PFV.MOD-rule_out[UV]=HON NOM Republic_Act_7610
sa ***kadahilanan=daw=po=ng*** *di=naman=daw=po*
OBL reason=REP=HON=LK NEG=EMPH=REP=HON
nag-karoon *ng* *psychological* *effect* *sa* *bata.*
PFV.STEM-acquire[AV] GEN psychological effect OBL child

'⟨…⟩ and Republic Act 7610 was ruled out because, as they said, there were no psychological effect on the child.' [2476341]

[46] There are only five occurrences of *sa dahilan ay* in the corpus, four of which come from the same blog.

[47] No occurrencces of this combination in the corpus, but a number of them is found in Google searches.

Note that in (66) and (68) *ay* replaces the linker *=g* in *sa dahilan=g* and *sa kadahilan(an)=g* ‘because’.

3.4. Group 4

Conjunctions in this group cannot be topicalized or host pronouns, but can host particles. The following are examples for the causal conjunctions comprising this group: *(ya)yaman=g* (70), *dahil sa* (71), *dahilan sa* (72), *gawa ng* (73), and *bilang* (74).

(70) ***Yaman=din=lamang*** *na etiko ang paksa,*
because=also=only LK ethics NOM topic
na-isip=ko *bigla* *ang* *mga*
PFV.MOD-think[UV]=1SG.ACT suddenly NOM PL
na-ga~ganap *na mga krimen* ⟨…⟩
IPFV.STEM-IPFV~happen[AV] LK PL crime
‘Just because the topic was ethics, I suddenly thought of the happening crimes ⟨…⟩’ [49514019]

(71) *Na-move* *ang pasukan=namin* *sa June 15*
PFV.STEM-move[AV] NOM start_of_classes=1PL.ACT OBL June
imbis na June 8 siguro ***dahil=din*** ***sa*** *konti ang*
instead LK June perhaps because=also OBL few NOM
nag-e~enrol=nga ⟨…⟩
IPFV.STEM-IPFV~enrol=REIT
‘The start of our classes was moved to June 15 instead of June 8, probably also because few people were enrolling ⟨…⟩’ [33295849]

(72) *Mayroon=po=ng masama=ng nang-ya~yari*
EXIST=HON=LK bad=LK IPFV.STEM-IPFV~happen[AV]
sa kanya dyan subalit wala=sya=ng ma-gawa
3SG.ACT MED.OBL however EXIST.NEG=3SG.NOM=LK MOD-do[UV.INF]
dahilan=po sa bago=pa=lang=po=sya *dyan* ⟨…⟩
because=HON OBL new=CONT=only=HON=3SG.NOM MED.OBL
‘Something bad is happening to him there, however he can’t do anything because he is just new there ⟨…⟩’ [26651700]

(73) *Ah oo=nga masarap ang siopao dito,*
ah yes=REIT delicious NOM siopao PROX.OBL
***gawa=daw ng** pusa ang palaman* ⟨…⟩
because=REP GEN cat NOM filling
'Ah yes indeed, the siopao here is delicious, because, they say, it is made with cats ⟨…⟩' [20972282]

(74) *Hindi=na malayo=ng gaw-in=naman ni Thea*
NEG=IAM far=LK do-UV[INF]=EMPH PERS.SG.ACT PN
iyon para sa kahit kanino=niya=ng mga
DIST.NOM for OBL although who.OBL=3SG.ACT=LK PL
*kapatid, **bilang=din=naman** panganay=siya* ⟨…⟩
sibling because=also=EMPH first_child=3SG.NOM
'It was not unlikely then that Thea would do it for any of her siblings, because, of course, she was the eldest one ⟨…⟩' [118476413]

3.5. Group 5

The last group of conjunctions includes *anupa't* 'therefore', *at* 'and', and *nang* 'when', which cannot be topicalized and cannot host any enclitics. Examples (75) with *anupat* and (76) with *at* and *nang* show that enclitics have to be hosted elsewhere.

(75) *Napaka-liit na bagay=ba para sa inyo na pagur-in*
INTENS~small LK thing=Q so_that 2PL.NACT LK tire-UV[INF]
*ang mga tao, **anupat** pa~pagur-in=**din=ninyo***
NOM PL person therefore PROSP~tire-UV[INF]=also=2PL.ACT
ang akin=g Diyos?
NOM 1SG.ACT=LK god
'Is it a small thing for you to weary men, so you will weary my God also?' [96981072]

(76) ***At nang** na-buwag=**na=siya** sa grupo*
and when PFV.MOD-unbind[UV]=IAM=3SG.NOM OBL group

ay *d<um>iretso=nga=ito* *sa*
TOP <AV>go_straight_to[PFV]=REIT=PROX.NOM OBL
k<in>a-ro~roon-an=ko.
<IPFV>STEM-IPFV~DIST.OBL-UV=1SG.ACT
'And when he left the group, he went straight to where I was.' [3523223]

4. Discussion

4.1. Discrepancies with the previous studies

The data presented above contradict some of the previous descriptions of the behavior of Tagalog conjunctions. The generalization that Tagalog conjunctions cannot host enclitic pronouns, made in [Billings, Kaufman 2004: 19–20; Lee, Billings 2005: 243, 248], does not hold up against the corpus data, as well as the observation in [Kaufman 2010a: 184] that only *kaya* 'therefore' can host enclitics. At least three conjunctions among those covered in this paper (*kaya* 'therefore', *para* 'so that', and *bago* 'before') can host both enclitic particles and pronouns, confirming the observations made in [McFarland 2001: 11–13; Schachter, Otanes 1972: 191]. On the other hand, the observations in [Schachter, Otanes 1972] regarding the conjunctions present in this paper and in their description (see *Table 4*) contradict the corpus data in the following: (i) *kung* 'if', *pero* 'but', and the causal conjunctions *dahil sa*, *dahilan sa*, *gawa ng*, *(sa)pagka=ʼt* can host enclitic particles, inspite of Schachter, Otanes' claim that they cannot; (ii) *porke(=t)* 'because' can host only enclitic particles, in spite of their claim that it can host both types of enclitics.

4.2. Topicalization correlation with information structure

The possibility to place conjunctions into the topicalized position raises the question if such a structure actually reflects any changes in the information structure of the utterance. It is difficult to study this matter

using only written sources, since topicalization is not always marked with the topic boundary marker *ay*, but also with a pause in speech, which might or might not be reflected with a comma in writing, as mentioned in *Section 2.2*.[48] Hence, this question requires a further experimental study involving a number of native speakers.

As a first approximation to the issue, it is safe to claim that at least in some instances conjunction topicalization does reflect information structure changes. In such instances, topicalization of a conjunction indicates that the information focus is contained in the rest of the clause, following *ay*. Nontopicalization of a conjunction, on the other hand, indicates that the rest of the clause constitutes the information topic, while the conjunction itself is part of the focus.

The immediate left context of example (38) above (with the topicalized conjunction *kaya* 'therefore') given in (77) shows that the construction in (38) answers the question 'What is the consequence of this situation regarding my attitude to my writing and my readers?'.

(77) *Hindi=naman=po=ako* *nag-kulang* *sa* *pagsasabi*
NEG=EMPH=HON=1SG.NOM PFV.STEM-lack[AV] OBL saying
na *ang* *mga* *akda=ko* *ay* *h<in>a~handog=ko*
LK NOM PL work=1SG.ACT TOP <IPFV>IPFV~offer[UV]=1SG.ACT
sa *akin=g* *mga* *mabubuti=ng* *mambabasa.*
OBL 1SG.ACT=LK PL good=LK reader
'I haven't got tired of saying that my works are my gift to my good readers.' [7224284]

In example (39) with the nontopicalized kaya 'therefore', on the other hand, the context ('Just remember that…') indicates that the clause

[48] The topic marker *ay* is generally considered to be characteristic of formal style (cf. [Schachter, Otanes 1972: 485]). Hence, it could be argued that nonoccurrence of the informal style conjunctions among those examined here with *ay* in the corpus stems from their stylistic incompatibility, while in fact they might be able to undergo topicalization marked with intonation. Although this is certainly a possibility, the corpus data dos not support this objection, as, for instance, it contains 50 occurrences of the informal conjunction *kasi* 'because' and *ay* at the beginning of the sentence (*Kasi ay* and *Kasi'y*).

following kaya constitutes presupposition, while the clause following ay is the information focus, answering the question ‘Why are you here in Saudi?’.

In case of the topicalized conjunction palibhasa ‘because’ in (43), the information in the clause following the conjunction kaya ‘therefore’ (‘… that’s why we can tell each other about sex’) is presupposed from the information given in the first clause in the sentence (‘Janice has a boyfriend and something is already happening between them, ⟨…⟩’). The clause after the topicalized palibhasa ‘because’ introduces new information in the situation, answering the question “Why can we tell each other about sex?”.

Example (78) shows a construction with a clause introduced with a non-topicalized *palibhasa* ‘because’, containing presupposed information, while the consequence clause answers the question ‘What happens because they are a child?’.

(78) *Nag-la~laro* *ang* *nakababata=mo=ng* *kapatid.*
IPFV.STEM-IPFV~play NOM younger=2SG.ACT=LK sibling
Naki-usap=ka=ng *tulung-an=niya* *ngunit,*
PFV.STEM-ask=2SG.NOM=LK help-UV[INF]=3SG.ACT but
palibhasa *bata=pa* *ay* *hindi* *na-ka-u~unawa*
because child=CONT TOP NEG IPFV.MOD-AV-IPFV~understand
sa *iyo=ng* *pangangailangan.*
OBL 2SG.ACT=LK need
‘Your younger sibling is playing. You asked them to help you but, since they are a child, they do not comprehend what you need.’ [91323945]

On the other hand, there are examples in the corpus where topicalization of *palibhasa* ‘because’ does not indicate that the following clause is the information focus. This is the case in (79), where the clause with *palibhasa* ‘because’ contains the information presupposed from the left context, while the consequence clause answers the question ‘What happened because she was looking at the young man?’.

(79) *Ng<in>iti-an=lamang=sya* *ng* *dalaga.* ***Palibhasa=’y***
<PFV>smile-UV=only=3SG.NOM GEN girl because=TOP

naka-tingin *sa* *binata* *ay* *hindi* *na-malay-an*
STAT-look OBL youth TOP NEG PFV.MOD-realize-UV

ni *Shiela* *na* *papalapit=pala* *ang* *ama*
PERS.SG.ACT PN LK approaching=CE NOM father

ni *Jeffrey* *sa* *k<in>a-ta~tayu-an=nya.*
PERS.SG.ACT PN OBL <IPFV>STEM-IPFV-stand-UV=3SG.ACT

'The girl just smiled at him. Because she was looking at the young man, Shiela did not realize that Jeffrey's father was coming closer to where she was standing.' [92775013]

Another possibility that needs to be studied in further research is that some of the conjunctions might not occur with clauses containing the information topic at all. In that case, topicalization of the conjunction might be optional, without marking any semantic distinction.

4.3. Similarities with other constituents with differing properties regarding topicalization and clitic placement

Some parallels in the topicalization and clitic hosting behavior of the five groups of conjunctions can be found in constituents of other types.

For instance, similarly to the first group of conjunctions, any phrase that can be fronted can be topicalized, like in (80), and host enclitic particles, like in ((80)–(81)), as well as host enclitic pronouns when fronted (81).

(80) ***Dito*** ***sa*** ***community=naman*** *ay* *wala=ng* *aso.*
PROX.OBL OBL community=EMPH TOP EXIST.NEG=LK dog

'Here in the community, there are no dogs.' [162555425]

(81) ***Dito*** ***sa*** ***Canada=naman=daw=niya=talaga***
PROX.OBL OBL Canada=EMPH=REP=3SG.ACT=indeed

gusto=ng *gaw-in* *ang* *kanya=ng*
wanted=LK do-UV[INF] NOM 3SG.ACT=LK

medical residency.

'He says, he really wants to do his medical residency here in Canada. (not anywhere else)' [134380779]

Bago ‘before’ of group 2 behaves similarly to some wh-words that do not occur as the predicate of an equational construction,[49] like *saan* ‘where’, *paano* ‘how’, and *bakit* ‘why’, in it does not occur topicalized, but can host enclitics of both types, like in (82).

(82) ***Saan=daw=siya*** *pu~punta?*
where=REP=3SG.NOM PROSP~go[AV]
‘Where did he say he was going?’ [12248400]

In constructions with a topicalized substantivized verb or pseudo-verb and a clausal predicate the topicalized constituent cannot occur in any other position [Schachter, Otanes 1972: 487]. Such topicalized constituents behave like any other topicalized units in that they can host enclitic particles, like in ((83)–(84)), and, thus, are similar to group 3 conjunctions:

(83) ***Ang*** ***na-rinig=ko=nga,***
NOM PFV.MOD-hear[UV]=1SG.ACT=REIT
di *gaano=ng* *happy* *ang* *mga* *taga-Star cinema…*
NEG how_much=LK happy NOM PL from-Star_cinema
‘What I did hear is that the people from the Star cinema are not so happy…’[109938607]

(84) ***Ang*** ***dapat=po*** *ay* *mag-tulung-an.*
NOM must=HON TOP AV.STEM-help-RECP[INF]
‘What should be done is helping each other.’ [128137664]

Some constituents of this type, like *dapat* ‘must’, can drop the nominative marker *ang*.

(85) ***Dapat=po*** *ay* *nag-ka~ka-isa=tayo.*
must=HON TOP IPFV.STEM-IPFV~SHR-one=1/2PL.NOM
‘We should be uniting.’ [44267111]

At least one group 3 conjunction, *(=)kasi* ‘because’, can also be used as an enclitic, which makes it similar to some other lexical units that can

[49] Equational constructions (i.e., with a substantive predicate) with a substantivized verb as the subject are also referred to as *cleft* (cf. [Kroeger 1993: 62; Nagaya 2007: 348]) or *pseudocleft constructions* [Nagaya, Hwang 2018].

behave both as enclitic and nonenclitic, like the optative markers *(=)sana* and *(=)nawa*, *(=)siguro* ‘perhaps’, *(=)talaga* ‘indeed’, and others, like in ((86)–(87)).

(86) ***Sana=po*** *ay* *na-gustu-han=ninyo=ito.*
OPT=HON TOP PFV.MOD-like-UV=2PL.ACT=PROX.NOM
‘I hope you liked it.’ [290116]

(87) ***P<in>alit-an=na=lang=sana=sila*** *ng* *iba=ng*
<PFV>replace-UV=IAM=only=OPT=3PL.NOM GEN different=LK
players ⟨…⟩
‘I wish they were replaced with other players instead ⟨…⟩’ [53339]

Group 4 conjunctions are similar to heads of fronted constituents. The head of any fronted constituent can host only enclitic particles, but not pronouns. Also, the head of any constituent that can be fronted cannot undergo topicalization separately from the rest of the phrase. An example of this is given in (88), where the enclitic particle *=na* ‘IAM’ is hosted by the head of the fronted phrase *bukas ng umaga* ‘tomorrow morning’, while the enclitic pronoun *=kayo* ‘2SG.NOM’ can be hosted only by the whole phrase.

(88) ***Bukas=na*** ***ng*** ***umaga=kayo*** *mag-pa-tuloy*
tomorrow=IAM GEN morning=2SG.NOM AV.STEM-CAUS-continue[INF]
ng *paglalakbay.*
GEN travel
‘Continue your travel tomorrow morning (rather than now).’ [2012752]

Another example is (89), where the head of the fronted phrase *sa flat=nya* ‘to his flat’, introducing the goal of directed motion, hosts the particle *=daw* ‘REP’, while the pronoun *=kami* ‘1PL.NOM’ has to be hosted at the right edge of the phrase.

(89) ⟨…⟩ *dahil* ***sa*** ***flat=daw=nya=kami*** *pu~punta.*
because OBL flat=REP=3SG.ACT=1PL.NOM PROSP~go[AV]
‘⟨…⟩ because he said we were going to his flat.’ [217143199]

Example (90) includes a fronted prepositional phrase (*para sa experiment…* ‘for the experiment…’), with the particle *=daw* ‘REP’ hosted by the head of the phrase.[50]

(90) ⟨…⟩ ***para=daw*** ***sa*** *experiment* *ni*
for=REP OBL experiment PERS.SG.ACT
Carla *sa* *school=nila.*
PN OBL school=3PL.ACT
‘⟨…⟩ as she said, for Carla’s experiment at their school.’ [2492340]

Example (91) illustrates the only available position for the pronoun *=ka* — following the whole prepositional phrase *para sa iba* ‘for others’.[51]

(91) ⟨…⟩ *kahit* ***para*** ***sa*** ***iba=ka=na*** *k<um>i~kintab.*
although for OBL different=2SG.NOM=IAM <AV>IPFV~shine
‘⟨…⟩ although you shine for others now.‘ [197835777]

Example (92) illustrates the ability of prepositions to host particles (*=daw* ‘REP’) when topicalized, while the pronoun *(=)siya* ‘3SG.NOM’, as expected, has to be hosted by the sentence predicate.

(92) ***Dahil=daw*** ***dito*** ***ay*** ***na-ka-kuha=siya*** *ng*
because=REP PROX.OBL TOP IPFV.MOD-AV-take=3SG.NOM GEN
mababa=ng *grades* *sa* *school.*
low=LK grades OBL school
‘They said, because of this she got low grades at school.’ [175460215]

In Schachter, Otanes’ description there seems to be only two lexical units that resemble group 5 conjunctions in their inability to be topicalized or host enclitics, despite their position at the beginning of the clause:

[50] The rest of the utterance is ellipted.

[51] I have not been able to find any examples in the corpus where both a particle and a pronoun would be present but hosted by different constituents: the particle by the preposition itself, and the pronoun by the prepositional phrase. Although it does not mean that such constructions do not exist, it seems that the preferred way is to place both types of enclitics together after the fronted constituent, like in (91).

the sentence-initial "rhetorical linker" *e*, marking "a sequential or logical connection", like in (93), [Schachter, Otanes 1972: 459] and the "adverb" *di* 'in that case', which frequently occurs in combination with *e*, like in (94), [Schachter, Otanes 1972: 461].

(93) ***E,*** *isip=ko='y* *na-sa iyo* *ang* *mga* *ticket.*
LOG thought=1SG.ACT=TOP PRED-2SG.NACT NOM PL
'Why, I thought you had the tickets.' [Schachter, Otanes 1972: 459]

(94) ***E,*** ***di*** *ga~gaw-in=ko=agad.*
LOG in_that_case PROSP~do-UV=1SG.ACT=right_away
'Well then, I'll do it right away.' [Schachter, Otanes 1972: 461]

These parallels pave the way to speculation that Tagalog conjunctions have been grammaticalized from lexical units of different classes. This seems to be true at least for group 4 conjunctions, as the causal conjunctions *dahil sa*, *dahilan sa*, *gawa ng*, and *bilang* primarily function as prepositions, like in (92), while *(ya)yaman=g* 'because' retains the linker, similar to some "initial adverbs", like *baka sakali* 'just in case' [Schachter, Otanes 1972: 460]. Also, cf. the early-20th century use of *dahil* 'because' as the noun 'reason' in example (i) in Footnote 56.

4.4. *At* 'and' with conjunctions

A number of the Tagalog conjunctions discussed above end with the enclitic form *='t* of the conjunction *at* 'and'[52]: *nguni(='t)* 'but', *(sa)pagka(='t)* 'because', *porke(='t)* 'because', *anupa='t* 'therefore', *manyapa='t* 'because'. Some of these conjunctions can also be used with the full form

[52] Although *at* 'and' somewhat resembles additive markers in that it can be part of conjunctional phrases, it cannot be classified as such, as it lacks the core function of additive markers, i.e. pointing to the existence of an alternative to the associate of the additive [Forker 2016]. In other words, constructions like *Johnathan also came* cannot be used with *at* 'and' in Tagalog.

of *at* in the modern language, like *sapagka at* in (95), *porke at* in (96), and *anupa at* in (97).

(95) *Ga-nyan=talaga ang buhay sa daigdig*
like-MED.GEN=indeed NOM life OBL world
sapagka at *tayo ay tao=lamang.*
because and 1/2PL.NOM TOP person=only
'Life in this world is indeed like that, because we are only human.' [https://www.youtube.com/watch?v=WbnLWuNX408]

(96) *Kaya huwag=mo=ng isip-in na*
therefore PROH=2SG.ACT=LK think-UV[INF] LK
porke at *ako ay isa=ng huwes ay*
because and 1SG.NOM TOP one=LK judge TOP
sa kurakot nang-galing ang lahat
OBL corrupt PFV.STEM-come_from[AV] NOM all
ng na-ki~kita=mo dito.
GEN IPFV.MOD-IPFV~see[UV]=2SG.ACT PROX.OBL
'That's why you shouldn't think that just because I'm a judge, everything you see here came from corrupt officials.' [165187968]

(97) *Isa sa mga naging crush=ko ang*
one OBL PL PFV.become[AV] crush=1SG.ACT NOM
nag-pa-rinig=pa sa akin na bago=sana=ako
PFV.STEM-CAUS-hear[AV]=CONT 1SG.NACT LK before=OPT=1SG.NOM
man-ligaw sa kanya, h<um>anap=muna=ako
AV.STEM-court[NEUT] 3SG.NACT <AV>search=at_first=1SG.NOM
ng elevator shoes. ***Anupa at*** *mula noon,*
GEN elevator_shoes therefore and since DIST.GEN
<um>i~iwas=na=ako=ng maki-sabay
<AV>IPFV~avoid=IAM=1SG.NOM=LK AV.COM-do_simultaneously[INF]
sa mga kaklase=ng matatangkad.
OBL PL classmate=LK tall
'One of those who I had a crush on also mentioned to me that I should look for some elevator shoes first. So, since then I avoid being with those of my classmates who are tall.' [https://www.

philstar.com/test-microsite-clone/2013/08/15/1090611/kulang-sa-sukat]

Example (95) is one of very few instances of *sapagka at* not in an archaic text. *Nguni at*, on the other hand, seems to occur only in archaic texts, like in example (98), which comes from José Rizal's[53] late 19th century translation of Hans Christian's Andersen's "The Ugly Duckling".

(98) ***Nguni*** ***at*** *totoo=ng* *mainam* *ang*
but and true=LK good NOM
l<um>angoi *sa* *tubig* ⟨…⟩[54]
<AV>swim[INF] OBL water
'But swimming in water is really good ⟨…⟩' [219403853]

These conjunctions seem to have undergone the same reinterpretation process as in the case of the interrogative *bakit* 'why', which is historically derived from the combination *bakin at* 'why and', where *at* is used as a complementizer, as shown in (99) [Kaufman 2010b: 189].[55]

(99) ⟨…⟩ ***baquin*** ***at*** *i-pa~patay* *reina=ng*
why CONJ CV-INCM~kill queen=LNK
uala=ng *casalanan.*
N.EXT=LNK sin
'⟨…⟩ why kill the guiltless queen?' [Kaufman 2010b: 189]

The use of *at* 'and' as a complementizer also happens in the modern language in so-called "explanatory causes", with the main predicate

[53] A Filipino writer and national hero.

[54] In examples (98), (99), (101), and (i) in Footnote 56, the original spelling following the orthography used during the late Spanish colonial period is preserved.

[55] The same also applies to a number of other conjunctions, including *bagama(')t* 'although' (also *bagaman*), *kahi(')t* 'although', *datapwa(')t* 'but', *subali(')t* 'however', *danga(')t* 'were it not that' (also *dangan*), and *hangga(')t* 'until' (also *hanggang*), and other lexemes, like *diyata((')t)* 'is it true that', *bawa(')t* 'each', *kailanma(')t* 'whenever' (also *kailanman*), *basta((')t)* 'no matter what', *hindi ba((')t)* 'isn't it that', *lalo pa(')t* 'especially'.

(e.g. *mabuti* ‘good’, *salamat* ‘thank you’, *nagagalak* ‘to be glad’) expressing the speaker’s attitude towards the situation in the complement clause, like in (100) [Schachter, Otanes 1972: 545].

(100) ***Mabuti*** ***at*** *pu~punta=ka.*
good and PROSP~go[AV]=2SG.NOM
‘It’s good (that) you’re going.’ [Schachter, Otanes 1972: 545]

In addition to the conjunctions listed above, a number of other conjunctions under study here are also found in combination with *at* / *=’t*, including *kaya* ‘therefore’, and the causal conjunctions *dahil*, *kesyo*, *kasi*, *palibhasa*, *(kung) dangan=kasi*, *(pa)paano=kasi*, *komo*, *tutal*, *(ya)yaman=g*. It is, however, impossible to speak of any properties of such constructions in any detail here, without conducting a study involving native speakers, since there is a strong possibility of typos in written sources in this case, as ‘t’ is next to ‘y’ on the QWERTY layout of computer keyboards. Yet, at least in some instances, the mentioned conjunctions do occur with the conjunction *at*. For instance, example (101) comes from José Rizal’s translation of “The Ugly Duckling”, which contains another four instances of the combination *dahil at* in the same use. [56]

(101) *Ya=’i* *nang-ya~yari* ***dahil*** ***at***
MED.NOM=TOP IPFV.STEM-IPFV~happen because and
ako=’i *totoo=ng* *pangit!*
1SG.NOM=TOP true=LK ugly
‘That is happening because I am truly ugly!’ [219402875]

It seems that *at* ‘and’ in such constructions performs the same function as *ay* ‘TOP’, i.e. marks the topicalized position of the conjunction. There

[56] Pascual H. Poblete’s 1906 translation of José Rizal’s novel “Noli Me Tangere”, written in Spanish, into Tagalog contains a number of constructions where *dahil* functions as a noun, meaning ‘reason’, followed by *at* used as a complementizer, similar to the use of *baquin at* in (99).

(i) *¿Anó=ng* ***dahil*** ***at*** *h<um>into=ca?*
what=LK reason and <AV>stop[PFV]=2SG.NOM
‘What is the reason that you stopped?’ [224996901]

are no instances of *at* and *ay* following each other in one construction. It remains to be seen in future research if the presence of *at*, like in (101), influences the information status of the following clause.

5. Conclusion

This research focused on three understudied properties — the ability to undergo topicalization, to host enclitic particles and enclitic pronouns — in a subset of Tagalog conjunctions (20 causal conjunctions and 10 others). The data, taken from the Tagalog corpus at sketchengine.eu and supplemented by Google searches, reveal that the above-mentioned conjunctions fall into five groups based on the value combinations for the three properties in question: group 1 has positive values for all three properties; group 2 conjunctions can host both types of enclitics, but does not undergo topicalization; group 3 conjunctions can undergo topicalization and host only particles; group 4 conjunctions can only host particles, but cannot undergo topicalization; and group 5 has negative values for all three properties. Most conjunctions examined in this paper belong to group 3.

Contrary to the observations made in some published descriptions of Tagalog enclitics, the corpus data show that most of the examined conjunctions can host enclitic particles, and at least three can also host pronouns. Schachter, Otanes' (1972) relatively detailed discussion of compatibility of conjunctions with the two types of enclitics contradicts the corpus data regarding at least seven conjunctions.

The attested value combinations show that the ability to be topicalized and the ability to host pronouns both entail the ability to host particles, which stems from the general properties of topicalized and fronted constituents.

A number of limitations related to the use of corpus data in this study are mentioned above. These include the impossibility to filter out ungrammatical uses of language constructions characteristic of nonnative speech and idiolectal idiosyncrasies that might not have wider acceptance in the

language community. An attempt to somewhat circumvent this limitation was made by setting a threshold of five occurrences for each construction type that was searched for in the corpus, augmented with Google searches in webpages of Philippine online newspapers, magazines, blogs, or other social media. Also, as mentioned above, according to Schachter, Otanes, Tagalog conjunctions also vary in obligatoriness of being enclitic hosts. This matter was not addressed in this study.

The variation in the three properties raises a number of questions that also need to be explored in future research. First, it remains to be seen to what extent placement of a conjunction into the topicalized position triggers changes in information structure. Second, the conjunctions manifest behavior characteristic of some other types of lexical units, which might point to differences in the type of units from which the conjunctions were grammaticalized. Third, some conjunctions can occur with the conjunction *at* 'and', which seems to substitute the topic marker *ay* in such combinations. The extent of compatibility of *at* with different conjunctions and the function of such structures remain unclear.

Abbreviations

1 — first person; 2 — second person; 1/2 — first and second persons; 3 — third person; A — case A; ABIL — abilitative; ACQ — acquisitional; ACT — actor form; AV — actor voice; CAUS — causative; CE — counter-expectation; COMP — complementizer; COND — conditional; CONJ — conjunction; CONT — continuative; CV — causal voice; DIST — distal; DU — dual; EMPH — emphatic; EXIST — existential; EXT — existential; F — free pronominal; FUT — future; GEN — genitive; HON — honorific; IAM — iamitive; INCM — incremental; INF — infinitive; INTENS — intensive; IPFV — imperfective; LK — linker; LNK — linker; LOG — logical connection; MED — medial; MOD — modal; N — negative; NACT — nonactor form; NEG — negative; NMLZ — nominalization; NOM — nominative; OBL — oblique; OPT — optative; PERS — personal; PFV — perfective; PL — plural; PLN — place name; PN — personal name; PREC — precedence form; PRED — predicative; PRF — perfective; PROH — prohibitive; PROSP — prospective; PROX — proximal; Q — interrogative marker; RECP — reciprocal; REIT — reiterative; REP — reportative; RV — referent voice; S — singular; SG — singular; SHR — shared notion; SPEC — speculative; STAT — stative; STEM — stem-deriving prefix; TOP — topic marker; UV — undergoer voice.

References

Billings 2005 — L. Billings. Ordering clitics and and postverbal R-expressions in Tagalog: A unified analysis. A. Carnie, H. Harley, S. A. Dooley (eds.). *Verb first: On the syntax of verb-initial languages.* (Linguistik Aktuell 73). Amsterdam: Benjamins, 2005. P. 303–339.

Billings, Kaufman 2004 — L. Billings, D. Kaufman. Towards a typology of Austronesian pronominal clisis. P. Law (ed.). *Proceedings of the Eleventh meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association.* (ZAS Papers in Linguistics 34). Berlin: Zentrum für Allgemeine Sprachwissenschaft, 2004. P. 15–29.

Cunningham, Goetz 1963 — M. C. Cunningham, J. E. Goetz. *Pronoun formatives in Amganad Ifugao*. Manila: SIL, Linguistic Society of the Philippines, 1963.

De Guzman 1978 — V. P. De Guzman. *Syntactic derivation of Tagalog verbs.* (Oceanic Linguistics Special Publications 16). Honolulu: University Press of Hawai'i, 1978.

Foley 1997 — W. A. Foley. *Anthropological linguistics: An introduction*. Oxford: Basil Blackwell, 1997.

Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology of additive markers. *Lingua.* 2016. Vol. 180. P. 69–100.

Frolova 1983 — E. G. Frolova. K voprosu o sluzhebnych slovach ang i ay v tagalskom yazyke [On function words ang and ay in Tagalog]. V. M. Alpatov (ed.). *Voprosy vostochnogo yazykoznaniya* [Topics in the study of oriental languages]. Moscow: Nauka, 1983. P. 240–246.

Frolova 2017 — E. G. Frolova. Ob upotreblenii sintaksicheskikh pokazateley v tagalskom yazyke [On syntactic indicators in the Tagalog language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. 2017. Vol. 4. Pt. 2. P. 170–173.

Gallego 2015 — M. K. S. Gallego. Ang mga nominal marker ng Filipino at Ivatan [Nominal markers of Filipino and Ivatan]. *Daluyan: Journal ng Wikang Filipino*. 2015. Vol. 21. P. 65–95.

Gallego, Zubiri 2013 — M. K. S. Gallego, L. A. M. Zubiri. Metonymy of NANG. *Social Science Diliman*. 2013. Vol. 9. Pt. 1. P. 39–63.

Grant 2012 — A. P. Grant. Contact, convergence, and conjunctions: a cross-linguistic study of borrowing correlations among certain kinds of discourse, phasal adverbial, and dependent clause markers. C. Chamoreau, I. Léglise (eds.). *Dynamics of Contact-Induced Language Change*. Berlin: Walter de Gruyter, 2012. P. 311–358.

Himmelmann 1991 — N. P. Himmelmann. *The Philippine challenge to universal grammar.* (Arbeitspapier Nr. 15 Neue Folge). Köln: Institute für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1991.

Himmelmann 2005 — N. P. Himmelmann. The Austronesian languages of Asia and Madagascar: Typological characteristics. A. Adelaar, N. P. Himmelmann (eds.). *The Austronesian languages of Asia and Madagascar*. London; New York: Routledge, 2005. P. 110–181.

Holmer, Billings 2014 — A. Holmer, L. Billings. Clitic pronouns in Seediq. I. W. Arka, N. L. K. M. Indrawati (eds.). *Argument realisations and related constructions in Austronesian languages. Papers from 12-ICAL. Vol. 2*. Canberra: Asia-Pacific Linguistics, 2014. P. 111–139.

Jakubíček et al. 2013 — M. Jakubíček, A. Kilgarriff, V. Kovář, P. Rychlý, V. Suchomel. The TenTen corpus family. A. Hardie, R. Love (eds.). *Proceedings of the 7th International Corpus Linguistics Conference (CL2013)*. Lancaster: UCREL, 2013. P. 125–127.

Kaufman 2006 — D. Kaufman. Rigidity versus relativity in adverbial syntax: Evidence from Tagalog. H. Gärtner, P. Law, J. Sabel (eds.). *Clause structure and adjuncts in Austronesian languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 151–194.

Kaufman 2008 — D. Kaufman. South Sulawesi pronominal clitics: Form, function and position. *Studies in Philippine Languages and Cultures*. 2008. Vol. 17. P. 13–65.

Kaufman 2010a — D. Kaufman. The grammar of clitics in Maranao. L. Billings, N. Goudswaard (eds.). *Piakandatu ami Dr. Howard P. McKaughan*. Manila: Linguistic Society of the Philippines and SIL, 2010. P. 179–204.

Kaufman 2010b — D. Kaufman. *The Morphosyntax of Tagalog clitics: A typologically driven approach*. PhD thesis. Ithaca: Cornell University, 2010.

Kilgarriff et al. 2004 — A. Kilgarriff, P. Richlý, P. Smrz, D. Tugwell. The Sketch Engine. G. Williams, S. Vessier (eds.). *Proceedings of the 11th EURALEX International Congress*. Lorient: Université de Bretagne Sud, 2004. P. 105–116.

Kroeger 1993 — P. R. Kroeger. *Phrase structure and grammatical relations in Tagalog*. Stanford: CSLI Publications, 1993.

Kroeger 1998 — P. R. Kroeger. *Nouns and verbs in Tagalog: A reply to Foley.* Paper presented at the 3rd Lexical-Functional Grammar Conference, Asia SIL School, Brisbane, 30 June — 3 July 1998.

Lee 2008 — C. Lee. Clitic Pronouns in Masbatenyo. *Studies in Philippine Languages and Cultures*. 2008. Vol. 17. P. 121–136.

Lee, Billings 2005 — C. Lee, L. Billings. Wackernagel and verb-adjacent clisis in Central Philippines. J. Heinz, D. Ntelitheos (eds.). *Proceedings of the 12th meeting of the Austronesian Formal Linguistics Association.* (UCLA Working Papers in Linguistics 12). Los Angeles: University of California, 2005. P. 241–254.

Lee, Billings 2008 — C. Lee, L. Billings. Clitic-pronoun clusters in Central Philippine. W. Khanittanan, P. Sidwell (eds.). *Papers from the 14th Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society 2004. SEALS XIV. Vol. 1. Pacific*

Linguistics E-5. Canberra: Pacific Linguistics; The Australian National University, 2008. P. 193–203.

Malicsi 2012 — J. C. Malicsi. Pang-ukol sa Filipino. *Daluyan*. 2012. Vol. 18. Pt. 1–2. P. 39–82.

Malicsi 2013 — J. C. Malicsi. *Gramar ng Filipino* [Filipino Grammar]. Quezon City: Sentro ng Wikang Filipino, 2013.

McFarland 2001 — C. D. McFarland. Filipino enclitics. *Philippine Journal of Linguistics*. 2001. Vol. 32. Pt. 1. P. 1–16.

Nagaya 2007 — N. Nagaya. Information structure and constituent order in Tagalog. *Language and Linguistics*. 2007. Vol. 8. Pt. 1. P. 343–372.

Nagaya, Hwang 2018 — N. Nagaya, H. K. Hwang. Focus and prosody in Tagalog. S. Riesberg, A. Shiohara, A. Utsumi (eds.). *Perspectives on information structure in Austronesian languages*. Berlin: Language Science Press, 2018. P. 375–388.

Peng, Billings 2008 — A. Peng, L. Billings. Binukid pronominal clisis. *Studies in Philippine Languages and Cultures*. 2008. Vol. 17. P. 179–212.

Rachkov 1966 — G. E. Rachkov. Sluzhebnoe slovo ay v tagalskom yazyke [Function word ay in Tagalog]. S. N. Ivanov (ed.). *Issledovaniya po filologii stran Azii i Afriki* [Studies in philology of Asian and African countries]. Leningrad: Leningrad State University Press, 1966. P. 89–94.

Reid 1971 — L. A. Reid. *Philippine minor languages: Word lists and phonologies.* (Oceanic Linguistics Special Publications 8). Honolulu: University of Hawai'i, 1971.

Reid 2009 — L. A. Reid. Inclusory constructions and their development in Philippine languages. A. Adelaar, A. Pawley (eds.). *Austronesian historical linguistics and culture history: A Festschrift for Robert Blust.* (Pacific Linguistics 601). Canberra: Pacific Linguistics; The Australian National University, 2009. P. 267–294.

Reid, Liao 2004 — L. A. Reid, H. Liao. A brief syntactic typology of Philippine languages. *Language and Linguistics*. 2004. Vol. 5. Pt. 2. P. 433–490.

Richards 2009 — N. Richards. Nouns, verbs, and hidden structure in Tagalog. *Theoretical Linguistics*. 2009. Vol. 35. Pt. 1. P. 139–152.

Robinson 2008 — L. C. Robinson. *Dupaningan Agta: Grammar, vocabulary, and texts*. PhD thesis. Manoa: University of Hawai'i, 2008.

Rubino 1997 — C. R. G. Rubino. *A reference grammar of Ilocano*. PhD thesis. Santa Barbara: University of California, 1997.

Schachter, Otanes 1972 — P. Schachter, F. T. Otanes. *Tagalog reference grammar*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1972.

Shkarban 1989 — L. I. Shkarban. Poryadok slov v tagal'skom yazyke [Word order in Tagalog]. I. F. Vardul' (ed.). *Ocherki tipologii poryadka slov* [Sketches on word order typology]. Moscow: Nauka, 1989. P. 75–108.

Spencer, Luís 2012 — A. Spencer, A. R. Luís. *Clitics: An Introduction*. New York: Cambridge University Press, 2012.

Suchomel, Pomikálek 2012 — V. Suchomel, J. Pomikálek. Efficient web crawling for large text corpora. A. Kilgarriff, S. Sharoff (eds.). *Proceedings of the 7th Web as Corpus Workshop*. Lyon: ACL, 2012. P. 39–43.

Vanoverbergh 1931 — M. Vanoverbergh. Iloko Substantives and Adjectives. *Anthropos*. 1931. Vol. 26. Pt. 3/4. P. 469–488.

Wolff 1973 — J. U. Wolff. Verbal inflection in Proto-Austronesian. A. B. Gonzalez (ed.). *Parangal kay Cecilio Lopez: Essays in honor of Cecilio Lopez on his seventy-fifth birthday.* (LSP Special Monograph Iss. No. 4). Quezon City: Linguistic Society of the Philippines, 1973. P. 71–91.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 118–162
DOI 10.30842/alp23065737182118162

Чурания (формулы-восклицания) в марийских прятках

М. А. Ключева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия), Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия); keymachine@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется игровая лексика в марийском языке: представлены и рассмотрены все зафиксированные в источниках словесные формулы чурания в марийских играх в прятки. Выявляется их высокая вариативность, связь с аналогичной лексикой в русских диалектах и игровом фольклоре соседних тюркских и финно-угорских народов, зачастую асемантический характер. Исследование показало, что формулы чурания в прятках, как правило, содержат наименование палки или звукоподражание стуку.

Ключевые слова: детская речь, диалектизм, игровой фольклор, марийский язык, народные игры, региональная лексика, десемантизация, языковые контакты.

Exclamation formulas in children's games of hide-and-seek in Mari

Maria A. Klyucheva
Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola, Russia), Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); keymachine@yandex.ru

Abstract. The article deals with game terminology in Mari. The research is based on a wide range of sources including academic and popular publications on the Mari language, folklore and ethnography texts, archival materials and recent field data, fiction published in Mari, etc. The article discusses about 20 exclamation hide-and-seek formulas from different dialects of Mari. As most of these are not captured by the existing published dictionaries, this research therefore is also a contribution into Mari

© М. А. Ключева, 2022

vocabulary studies. The paper reveals a wide variety of exclamation formulas used in different Mari settlements. Their connection with similar vocabulary in Russian dialects and with the game folklore of the neighboring Turkic and Finno-Ugric peoples (Tatars, Chuvash, Udmurts) is indicative of a high level of linguistic and cultural interaction in the Ural-Volga region. The processes of lexical item borrowing / penetration from other languages are often accompanied by semantic bleaching, typical of child language and game folklore. The paper also shows that exclamation formulas in hide-and-seek in Mari usually contain a component representing a name for a stick or an onomatopoeic expression for knocking. Previously, similar observations were made for Russian material. This typological feature of exclamations is a reflection of the evolution of the game procedure: while no stick is used in hide-and-seek today (for example, in city or in-house environments), the reference to a stick is still found in the formulae. Less often, Mari exclamations contain a derogatory name for the loser. Exclamation formulas are actively used in word-derivation and can serve as a base for game names, for the name of 'the odd man out' or his/her actions during the game, for game loci or for objects used in games, or for specific local names for "hide-and-seek" games. It is necessary to continue research into game terminology in the native languages of Russia. At present, of particular relevance are large-scale field studies involving recording and documentation of folk game vocabulary.

Keywords: child language, dialectism, folk games, game folklore, languages in contact, Mari language, regional vocabulary, desemantisation.

1. Введение

В статье рассматриваются словесные формулы чурания в марийских прятках. Чурание — это определенное действие в прятках: когда водящий кого-нибудь находит, он бежит к условному месту (кону), ударяет по нему и произносит определенные слова, например, в русском игровом фольклоре: «Чур за Машу!», «Туки-туки Саша!» и т. п. В свою очередь найденный сам тоже бежит к кону и старается зачураться раньше, чем это сделает водящий: «Чур сам за себя!» Последний ненайденный игрок может прибежать к кону и «освободить» всех со словами «Чур за всех!»

Как правило, такого рода формулы чурания представляют собой сочетание имени (местоимения) и особого слова, чаще асемантического

или асемантизированного, например: *Палы-выры за (Петю)!* (*палы-выры* < *палочка-выручалочка* или *палочки-выручалочки*). Рассмотрение формул чураний в прятках в русском языке [Ключева 2012: 50–54; Романий 2013: 16–17; Ключева 2014: 79–83] обнаруживает их высокую вариативность по регионам, а также показывает, что чаще всего в них содержится либо название палки (обычно в искаженном асемантизированном виде), либо звукоподражание удару палкой. Нередки в асемантических формулах чурания и иноязычные слова, например, в Крыму в прятках русскоязычные дети говорят *тупас* (< кр.-тат. *тупас* ‘неуклюжий’), в Челябинске — *баш*, в Кургане — *баши-баши* (< тат., тюрк. *баш* ‘голова, глава’). В этих примерах асемантическое слово восходит к наименованию водящего в субстратном языке.

Слова чурания имеют региональное или локальное распространение, легко преодолевают языковые барьеры, но словосочетания чурания оформляются в соответствии с грамматикой определенного языка, например, если на русском говорят: «Чур за Машу», то по-марийски — *Машалан чур* ‘Маше чур’. Именно по грамматическому оформлению словоформулы определяется ее язык в конкретной ситуации в билингвальной среде, когда сама лексика является «кочующей». Имеет место и своеобразное марийское фонетическое преломление общероссийской лексики чураний, например: *чыр* (редуцирование гласного: *и* > *ə̑*), *чури́к* вместо *чур* (уменьшительный суффикс с характерным для марийского языка ударением); *тука́-тука́* (ед. ч., ударение на конечный *а* вместо более характерного для русского языка *ту́ки-ту́ки*, мн. ч.)[1]. Как правило такого рода фонетические изменения заимствований ведут к асемантизации заимствованных слов, выражений, например: мар. *за́пырт* < рус. *заперт*; мар. *пакукрай*, *пакупрай*, *папукрай*, *укрательный палке* < рус. *украденная палка*, *палка украдена* и др. Существуют и специфические лексемы

[1] В русских диалектах также встречаются подобные варианты чурания: *тука́-тука́ (длинная рука)* (Алма-Ата, Семипалатинск), *тук-тука́ за себя* или имя (Томск, Узбекистан) [Романий 2013: 16], *тука-тука* (Снежинск Челябинской обл., Санкт-Петербург), *тук-тука* (Ташкент) [Ключева 2014: 80].

чураний, которые имеют ограниченное региональное распространение (например, *кулай*) либо зафиксированы только в марийских прятках, причем узко-локально: *чок*, *чонд(р)и*, *шашатурá*, *куук*, *иук-кук — ау*, *накас* ‘неповоротливый’, *öркы* ‘лентяй’.

Не всегда в источниках с описаниями игр в прятки зафиксированы формулы чурания. Игра может происходить и без чураний, т. е. факт находки игрока не отмечается вербальным сигналом. Но наличие чураний можно реконструировать по названию игры, например, название пряток *кулай*, *кулайка*, *кулайки* в северо-восточных районах Республики Марий Эл указывает на использование там чурания *кулай*, даже если об этом не сообщается в описании игры. А названия игр в прятки типа *кӱргӱлен* (в Моркинском районе РМЭ) указывает, что в этих играх было чурание типа **кӱр-гӱр* (асемантическое, по-видимому, звукоподражательное слово). Ср. звукоподражательное *гөр-гөр* как название жмурок и пряток в татарском языке [Ганиев (ред.) 2002: 85].

В данной статье покажем все зафиксированные на данный момент в марийских прятках чурания с указанием их ареала и, опираясь на контекст российской игровой традиции XIX–XX вв., попытаемся выявить их происхождение и значение.

Материал исследования — корпус источников, двухтомный сборник «Марийские народные игры», подготовленный сотрудниками МарНИИЯЛИ к публикации в серии «Свод марийского фольклора» [МНИ 2016–2021]. В данном корпусе содержатся описания марийских игр из самых разных источников, отечественных и зарубежных, на разных языках, начиная с XVIII века до настоящего времени: из этнографических заметок, очерков, лингвистических работ и словарей, научных, научно-популярных публикаций и даже художественной литературы на марийском языке, которая в плане описания народных игр документально точна. Значительную долю в использованном сборнике составляют архивные материалы фольклорных экспедиций второй половины XX в. (МарНИИЯЛИ) и полевые записи современных исследователей. Цели, методы и уровень профессионализма собирателей были очень разными, паспортизация данных не всегда достаточна, а в некоторых случаях

и вовсе отсутствует. Описания игр также очень отличаются по степени подробности, по мере отражения собственно марийской игровой лексики и пр. Надо отметить, что целенаправленные полевые исследования со специальными опросами по теме чураний в прятках у мари к настоящему времени не проводились. Как правило, собиратели-лингвисты, этнографы и др. среди прочего спрашивают: «В какие игры вы играли в детстве?», и информанты в свободной форме в удобном для себя объеме дают ответ на этот вопрос. В результате получается запись рассказа-мемората о детстве, об играх, из которого извлекается нужная информация[2]. В перспективе представляется желательным фронтальное обследование деревень, картографирование игровой лексики по каждому населенному пункту. Но пока, насколько нам известно, ввиду большого объема и трудоемкости, такого рода исследования не проводятся ни на русском материале, ни на материале игрового фольклора народов России, и источниковедческая база нашего исследования, к сожалению, в какой-то степени фрагментарна.

Ссылаясь на источники, мы указываем год рождения информанта и место бытования игры (насколько это возможно). Помимо ссылки на сборник «Марийские народные игры», в статье даются и ссылки на первоисточник (публикации, архивные рукописи), кроме случаев, когда первоисточником служит художественная литература (см. указания «инф.-писатель», там же год и место его рождения) или современные, ранее не публиковавшиеся полевые записи автора статьи (по умолчанию), других собирателей (их имена указываются). Эта информация оставляет возможность для верификации использованных данных. В примерах сохраняется орфография источников.

[2] В настоящее время многие взрослые и пожилые мари, чье детство прошло в деревне, проживают в городах (в частности, в Йошкар-Оле), и наш сбор материала по играм часто происходит при опросе в городе (без выезда в экспедицию), при этом полученные материалы маркируются в данной статье по месту бытования игры — населенному пункту, в котором родился и/или провел детство информант. (В сборнике [МНИ] указывается и место фиксации, и место бытования игры (если они не совпадают), а также данные о переездах информанта, если таковые имеются.)

В ходе анализа марийских словесных формул чурания приводятся сравнительные материалы по игровой лексике соседних народов, почерпнутые из этнографической, фольклористической литературы и словарей, например [Баязитова и др. (сост.) 2009; ЧРС; СРНГ; Покровский 1895; Всеволодский-Гернгросс и др. (сост.) 1933] и др. В корпусе источников по играм в прятки у русских детей важное место занимают современные специализированные обзоры чураний, сделанные по результатам поиска в интернете, в частности, см. лингвофорум [ГД] и обобщенные публикации материалов по чураниям в прятках в [Романий 2013; Ключева 2014]. Исходя из методологической эффективности сбора фольклорного материала в интернете, мы апробировали этот метод и по отношению к марийскому фольклору — осуществляли поиск по «Корпусу лугового марийского языка» Тимофея Архангельского (Подкорпус социальных сетей) [КЛМЯ]. Однако пока результат оказался отрицательным, материалы по чураниям в марийских прятках в этом подкорпусе не обнаружены. Вместе с тем в крупных корпусах литературного марийского языка материалов по детским играм, в том числе по пряткам, достаточно много, и они учитывались в данном исследовании (помимо Корпуса Архангельского мы работаем с Национальным корпусом марийского языка МарНИИЯЛИ [КМЯ] и Марийским корпусом Арктического университета (Норвегия) [МКАУ]).

Дальнейшее изложение в статье выстраивается как последовательное рассмотрение конкретных формул чурания в марийском языке (*Раздел 2*). Сначала представлены очевидные русские заимствования (*туки-туки* (*тука-тука*, *тук-тук*), *пакукрай* (*пакупрай*, *папукрай*), *укрательный палке*, *запырт*, *ура*, *ари шаваш*); далее — региональная лексика, наиболее проблемная с точки зрения этимологии (*кулай*, *чур* (*чурик, чур, чыр*)) и специфические чурания в единичных фиксациях (*ать*, *луаткок панды*, *накас*, *ӧркӹ*, *чок*, *чондри* (*чонди*), *шашатура*, *иук-кук — ау*, *куук*). В *Разделе 3* представлены материалы к реконструкции слов-чураний на основе смежной лексики игры (*кӱргӱлен модаш* ‘играть в прятки’, *вырчык-вырчык* ‘игра в прятки’, *оприса модыш* ‘игра оприса’, *штукла* ‘в штук(у)’). В завершении статьи (*Раздел 4*) сформулированы выводы.

2. Чурания в марийских прятках

2.1. *Туки-туки*

Чурание *туки-туки* зафиксировано только в поздних записях (2010 г.) от информантов 1987–1992 г. р. (луговые мари, носители моркинско-сернурского говора). Ареал: с. Кукнур Сернурского р-на, д. Чодраял Моркинского р-на, п. Мари-Турек РМЭ [Ключева 2014: 70, 80, 84, 386, 910; МНИ: № 852, 853, 872]. Но ср. также название игры *тук-тук* (без описания игры и без указания места) [Васильев 1926: 211; МНИ: № 269]. Вариант произношения: *тука́-тука́* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ), *тук-тук Машалан* ‘Тук-тук Маше’ (там же в игре типа двенадцать палочек[3]) [Ключева 2014: 88; МНИ: № 910]. Производные: в п. Мари-Турек используется глагол *туки-ту́кнуться* ‘зачураться’, там же лексема *туки-туки* выступает и как название самой игры в прятки, тогда как в д. Чодраял игра называется *шылын модаш* ‘играть в прятки’, а в с. Кукнур — *шыл-кум* ‘прятаться-жмуриться (только основы двух глаголов без показателя инфинитива)’. Полная формула чурания: *Туки-туки я / (Люда)* (с. Кукнур), как и глагол *туки-тукнуться* явно указывает на проникновение этой лексемы и самой формулы чурания из русского языка. Фактически в данном случае марийские дети-игроки выступают носителями русского игрового фольклора. Звукоподражательные слова *тук*, *тук-тук* в марийском языке тоже отмечены [СМЯ VII: 238; Иванов (отв. ред.) 2011: 285], но не являются исконными словами, отсутствуют в диалектологических словарях горного наречия [Саваткова 1981], северо-западного [Иванов, Тужаров 1971], марийских говоров Татарстана и Удмуртии (восточного наречия) [Вершинин 2011] и в фундаментальных диалектологических словарях Э. Беке [Beke IV_8], А. Моисио и С. Сааринен [Moisio, Saarinen 2008].

[3] Двенадцать палочек — вариант игры в прятки, в котором используются палочки и «качелька» из кирпича и доски. В начале игры один из игроков наступает на доску, и сложенные на нее палочки разлетаются. Пока водящий собирает палочки обратно, остальные игроки разбегаются и прячутся.

В русском игровом фольклоре ареал чурания *туки-туки* чрезвычайно широк: Калининград, Санкт-Петербург, Новгород, Орел, Ставрополь, Москва и Московская обл., Рязань, Нижний Новгород, Вологда, Киров, Чайковский (Удмуртия), Пермь, Уфа, Набережные Челны (Татарстан), Ульяновская обл., Самара, Саратов, Астрахань, Орск (Оренбургская обл.), Нижневартовск, Кемеровская обл., Абакан, Магадан; Белоруссия (Минск, Витебск, Слуцк), Украина (Киев, Львов, Кривой Рог), Литва (Клайпеда, Паланга, Вильнюс), Эстония (Таллин). Варианты этого чурания: *тюки-тюки* — в Архангельске и Самаре, *туки-луки* — в Иваново и Перми, *туки-баки* — в Вологде и Вологодской обл., *тук-тук* — в Москве и Московской обл. (Реутов), в Саратове, Астрахани, Уфе, Томске, в Слуцке, Минске, Киеве, Риге, *стук-стук* — в Ульяновской обл., Саратове, Краснодаре, Кишиневе, *стуки-стуки* — в Вологде [Ключева 2014: 79–80], *тукелá* (Чувашия) [Городские диалекты], *туки-та* — в Красноярске, на Сахалине (по нашим данным), а также *тýки-та, тýки-тýки-тá* — в Екатеринбурге, Тюмени, Омске, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, *тýки-тáк* и *тýки-тáки* в Екатеринбурге [Романий 2013: 16], см. также материал в сноске 1. Но в русском игровом фольклоре РМЭ, в Казани, вместо *туки-туки* чаще используется чурание *чур* [Ключева 2014: 82], то же в Зеленодольске — городе на границе РМЭ и Татарстана [Романий 2013: 16]. В русском языке *тук*, *стук* — звукоподражательные по происхождению слова [Фасмер III: 787; 4: 116], при чурании в прятках обычно используются в форме множественного числа (*тук<u>и</u>*) и подвергаются редупликации.

2.2. *Пакукрай*, *пакупрай*, *папукрай*, *украдельный палке*

Чурания *пакукрай, пакупрай, папупрай* зафиксированы в прятках с палочкой[4] только у горных мари. <u>Варианты:</u> *пакукрáй*

[4] В прятках с палкой при чурании ударяют по условному месту не рукой, а палкой, которая лежит рядом. Водящий эту палку охраняет, а игроки стараются незаметно выбежать, схватить ее и зачураться.

(выселок Революция Пайгусовского с/п Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1955 г. р.) [МНИ: № 878], *папукра́й* (в окрестностях с. Микряково, инф. 1946 г. р.) [МНИ: № 1842], *пакупра́й* (с. Микряково Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1989 г. р.) [МНИ: № 877]. Записанные в источниках формулы чурания не содержат имени, местоимения: *Паку, пакукра́й, пакукра́й* [МНИ: № 878], *Пакукрай раз, пакукрай два и т. д.* [Ключева 2014: 79, 379; МНИ: № 877]. Они асемантичны, но происхождение *пакукрай* прозрачно для информанта 1955 г. р., которая в своем рассказе об игре сообщает:

(1) *Ти «па́лку укра́й» ру́шла эче́. А ма́же пакукра́й манына́.*
‘Это по-русски еще «палку украл». А мы говорим *пакукра́й*’.

Т. е. русская формула чурания, проникшая в марийский игровой фольклор, имела вид типа «палку украл (палка украдена, украденная)». К тому же в одном из приведенных выше вариантов используются числительные на русском языке. Ср. в д. Весьшурга Моркинского р-на МАССР (луговые мари, инф. 1948 г. р.) в 1960 г. зафиксирована формула чурания: *Тудо (мутлан Саню)* ***укрательный палке*** ‘Он (например, Саня) украденная палка’ [МФЭ-60: № 9, л. 28, № 75; МНИ: № 804] такого же происхождения.

В русском игровом фольклоре очень много формул чурания и названий игр в прятки со словом «палка», «палочка», например: *палочка-воровочка*, *палочка-(по)стукалочка*, *палочка-ручалочка*, *палочка-каталочка*, *палочка-выручалочка*, *черная палочка*, *палочка-татарочка*, (играть) *палочкой ворованной* и т. д. [СРНГ XXV: 175], *палочка-воровка*, *палочка-стуколка*, *стукалка*, *застукалка*, *скралка*, *гай палочка* и др. [Покровский 1895: 113], в Московской области — формулы чурания: *подскрал за себя (за Женька́)*, *скрал-пал за…*, *скралы-палы*; на Украине — *пале-стукале, пали-стукали, стукали-пали* и т. п. [Ключева 2014: 81–82]. А наиболее близки к варианту, из которого произошло заимствование в марийский, вятское *краденая палочка* [Покровский 1895: 113–114], архангельское *палочка украдена* ‘детская игра в прятки’ [СРНГ XXV: 175], а также вятское *Кулай-кулай, палочка, кулай-кулай крадена* (слова прячущихся игроков-«оленей») [Покровский 1895: 113–114].

Ниже (в *Разделах 2.3–2.5*) рассматриваются чурания, которые являются единичными фиксациями в марийском игровом фольклоре. При явном заимствовании из русского языка, их прототипы в русском игровом фольклоре привести затруднительно ввиду недостаточности материала.

2.3. *Запырт*

За́пырт — название игры «в прятки с палочкой, в которую играли ночью у костра, когда летом пасли коней (в ночном). Бросали прочь от костра палку и прятались, а водящий искал и приносил палку обратно, после чего начинал искать спрятавшихся. Если кого-то найдет, бежал к палке и, взявшись за нее, говорил: *(Нина) за́пырт*» (д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ, инф. 1927 г. р.) [Ключева 2014: 84; МНИ: № 885]. Для информанта чурание *запырт* — асемантическое слово. Очевидно, что это марийское искажение от русского *заперт* (< *запертый* < *запереть*): игрок (как бы пленник или животное) пойман и заперт водящим-пастухом. Отметим также, что при женском имени в примере (*Нина*) отсутствует согласование краткого причастия по роду: *за́перт* вместо *запертá*. (В марийском языке нет категории рода.)

2.4. *Ура*

Урá — чурание в игре в прятки (типа двенадцать палочек) и название этой игры: *Урá (силин модмаш)* ‘Ура (игра в прятки)’ (д. Азиково Кильмезского р-на Кировской обл., инф. 1951 г. р.) [МНИ: № 817]. «Ура» кричит последний ненайденный игрок, если ему удается подобраться к кону (условному месту, где чураются):

(2) *Си́льме местá гычын ку́ржын лектéш — раз! и чóт пералтá (тошкалéш онá мучáшым), и кичкирлá «ура!», и чиля́м спасáет. И по новой значит чиля́кын си́лит*.

‘Выбегает из укрытия — раз! — и сильно ударяет (наступает на конец доски) и кричит «ура́!», и всех спасает. И по новой, значит, все прячутся’.

Междометие *ура*, выражающее радостный крик, включено в нормативные словари марийского языка [СМЯ VIII: 84; Иванов (отв. ред.) 2011: 301; Саваткова 2008: 299], но отсутствует в диалектологических словарях [Васильев 1926; Иванов, Тужаров 1971; Beke IV$_9$; Moisio, Saarinen 2008; Вершинин 2011]. В русском игровом фольклоре встречается в вышибалах (игре с мячом): вышибающий бросает мяч (вверх) и говорит «салют!», и игроки должны кричать «ура!» (Казань, Коми) [Ключева 2014: 135]. Аналогично в п. Оршанка РМЭ [Ключева 2014: 132]. А в п. Куженер РМЭ игроки кричат в такой игре «ура!», когда водящий бросает мяч вверх со словом «Москва!» [Ключева 2014: 134]. Ситуативно это восклицание может иметь место и в играх в войну, например, когда дети изображают, как солдаты бегут в атаку. В русском языке междометие *ура* является заимствованием из немецкого, хотя есть версии его тюркского происхождения [Фасмер IV: 166]. Ср. аналогичный возглас в европейских языках: нем. *hurra*, англ. *hurrah* (или *huzzah*, *hooah*), фр. *hurrah* и др.

2.5. *Ари шаваш*

Ари́ шава́ш — название игры в прятки типа двенадцать палочек у горных мари (д. Юлъялы Горномарийского р-на РМЭ, зап. Е. В. Кашкин в 2017 г., инф. 1963 г. р.) [МНИ: № 896]. В рассказе об игре ее название не объясняется, и сама формула чурания не произносится, но, по мнению информанта, это русская игра:

(3) *Ари шаваш играли, ну, это русская игра, наверно, тоже?* [Соб.: А я не знаю. Что это за игра?] *Ари шаваш — это ну, постарнат, команды постарна. Иктӹт орол лиэш.*
‘⟨…⟩ *Ари шаваш* — это, ну, соберутся, команда соберется. Один будет сторожем’.

Вероятно, *ари* — от русского глагола *ори* (< *орать* ‘кричать’ в повелительном наклонении), а *шавваш* ‘всё, конец’ [Саваткова 2008: 329] соответствует русскому *шабаш* ‘довольно, кончено, баста’ [5].

2.6. *Чурик, чур, чыр*

Ареал и фиксации: первая запись чурания *чури́к* (*ćšurì·k*) в марийских прятках относится к д. Петрушин Уржумского уезда Вятской губернии:

(4) *erβèźlak mò·δât pò·nδâm kuδalte·n; ì·ktâ pònδâla·n kajà·, βèśâlak śilà·ltât; βara· tù·δâ pò·nδâm miʲè·n nalè·š; iktà·žâm užè·š, mʲè·š, βara· kalaśà·; "ćšurì·k, mane·š, miń mùm," — mane·š; βara· ćšila·n lè·ktât; kù·δâm ćšuraltè·n kuˌćše·n, tù·δâ pònδâla·n kajà· βara·*
‘Ребята играют в бросание палки. Один идет за палкой, остальные прячутся. Потом он приходит с палкой. Кого-нибудь увидит, найдет и говорит: «Чурик, — говорит, — я нашел». Потом все выходят. Потом тот, кого поймал, идет за палкой’ (зап. в 1916–1918, инф. ~1882 г. р.) [Beke IV$_9$: 3199; МНИ: № 798].

От информанта из д. Средний Ядыкбеляк Уржумского у. Вятской губ. (ныне Новоторъяльского р-на РМЭ) Беке записал еще одну игру с названием *чурик*, больше напоминающую догонялки с палкой:

(5) *ʰrβè-šà·mâćš mò·δât, βè·sâže miʲè·n šuralte·n goltà· tojà· δèn, "ćšurì·k," mane·š, βara· köm šuraltà·, tuδo liʲe·š toja-βòndo oza·; mòlâ-šà:mâˌćšâm poktà·, mò·lâšt ò·γât pū šuraltà·š.*
‘Ребята играют, а другой (водящий) приходит и тыкает палкой, говорит «чурик»; потом тот, кого ткнет, становится хозяином палки; он догоняет остальных, остальные не дают себя ткнуть’ (инф. ~1885 г. р.) [Beke IV$_9$: 3199; МНИ: № 1083].

[5] В русском языке слово *шабаш* через посредство немецкого и польского языков восходит к древнееврейскому названию субботы [Фасмер IV: 391]; о рус. глаголе *орать* см. [Фасмер III: 149].

Наши фиксации 2010–2018 гг. указывают на разрозненное распространение чурания *чур* в прятках по территории РМЭ: в игре *шилмыла* ‘в прятки’ (д. Куршембал, д. Полевая Обшиярского с/п Волжского р-на РМЭ), в игре *шӹл мадмы*, *шӹлӹн мадмы*, *шӹлмӹлӓ* ‘в прятки’ (д. Сарлатово Горномарийского р-на РМЭ) [МНИ: № 826], в игре *чур* (д. Алеево Советского р-на РМЭ, зап. М. В. Репина в 2013 г., инф. 1969 г. р.) [МНИ: № 851], в игре *прятки* (д. Большой Шургумбал Советского р-на РМЭ, самозапись в 2013 г. М. В. Репиной, 1991 г. р.) [МНИ: № 876], в игре *оӈа ден* ‘с доской’ типа двенадцать палочек (д. Мари-Кошпай Параньгинского р-на РМЭ) [МНИ: № 905]. Вариант: *чыр* — в игре *оӈам тошкал модмаш* ‘игра в наступание на доску’ (д. Сардаял Мари-Турекского р-на МАССР) [Ямде лий. 1991, 25 мая, № 21 (1965): 8; МНИ: № 903]. Наличие глагола *уцураш* ‘зачурать’ в северо-западном наречии указывает на чурание *цур* в этом диалекте, см. в игре *В супрятки* (с. Большие Селки Тоншаевского р-на Горьковской обл., инф. ≈1948 г. р.) [МФЭ-61 № 16, л. 19, № 34; МНИ: № 840]:

(6) *Если цылаштым уцура, то кӧм первыйым нашел, тудо водит.*
‘Если всех зачурает, то кого первым нашел, тот водит’.

Ср. глагол *чурла* ‘зачуривает’ (о действии водящего) в игре типа «двенадцать палочек»: *Оӈа тошкалмыла* ‘В наступание на доску’ (Кужмаринский с/с Советского р-на МАССР) [МФЭ-76: № 101, л. 31, № 14.5; МНИ: № 902]. В самом описании игры формулы чурания не содержится, но этот глагол *чурлаш* (с суффиксом *-л-*, который является регулярным вербализатором в марийском) указывает на чурание «чур» в этой игре.

Ср. также не в прятках: 1. мар. В (елабужское) *чурчурла* ‘в чур-чур’ — игра типа городков (д. Иж-Бобья (Починга) Граховского р-на Удмуртии), в которой сбиваемый предмет называется *чурчур-паӈга*, а палка, которой бьют — *чурчур-тоя* [Вершинин 2011: 680; МНИ: № 1465]; 2. мар. В (мензелинское) *чурчур* — игра в ловлю зайца’ [Вершинин 2011: 680; МНИ: № 1082]; 3. *чурик* — название игры в догонялки с палочкой (д. Средний Ядыкбеляк Уржумского у. Вятской губ.) [Beke IV_9: 3199; МНИ: № 1083]; 4. *чурни паӈгала* ‘в палочку

чурни’ — игра с метанием палок типа мухи (д. Якайсола Советского р-на МАССР) [МФЭ-82: № 131, л. 38, № 13; МНИ: № 1396][6].

Формулы чурания в прятках: *ťšurì·k, tiń tùm* ‘Чурик, я нашел’ (д. Петрушин Уржумского у.), *чур-чур!*, *Чур-р-р! Вот мый толын шунам, чур-р-р!*[7] ‘Чур-р-р! Вот я прибежал, чур-р-р!’ (д. Мари-Кошпай Параньгинского р-на РМЭ), *Алёша, чыр, Таня, чыр* ‘Алеша, чур, Таня, чур’ (д. Сардаял Мари-Турекского р-на МАССР); *чур за Сашу! (Машу, Катю* и т. п.*)* (д. Алеево Советского р-на РМЭ), *чур у дерева!* (д. Большой Шургумбал Советского р-на РМЭ), «чураются по-русски ⟨…⟩ в Горномарийском, Моркинском, Волжском и др. р-нах — *чур за (Люду)*» [Ключева 2014: 84; МНИ: № 850], *Чур меня* (Волжский, Звениговский, Моркинский р-ны РМЭ) [Ключева 2014: 82].

Как сказано выше, у русскоязычных в РМЭ, в частности, в г. Йошкар-Ола, основным чуранием в прятках является именно *чур*. Его ареал в русском детском игровом фольклоре, помимо Марий Эл: Казань, Зеленодольск [Романий 2013: 16], Тула (*чур-палочки (Саша)*), г. Дмитров Московской обл. (*Чур-чура-чурики*), Оренбург (*Кул-кула — чур сам за себя*), Украина [Ключева 2014: 82], Мурманская обл. (*обчу́ркаться* — сказать «чур» в игре в ухоронки) [СРНГ XXII: 267];

---

[6] Слово *чурни* связано с восклицанием на русском языке «чур не я!», которое присутствует в ряде считалок на русском языке, бытовавших в среде марийских детей, например:

На дворе стояли дети,
Все сказали: «Чур, не я»
(д. Немда-Обалыш Новоторъяльского р-на МАССР, инф. ~1973 г. р.) [МФЭ-84 № 141, л. 52, № 241; МНИ: № 425].

Вар.:

На горе стояли дети
И кричали: «Н’амла чурня!»
‘На горе стояли дети
И кричали: «В догонялки чур не я!»’
(с. Шиньша (Кӱшыл Шеҥшы) Моркинского р-на МАССР, инф. ≈1962 г. р.) [МФЭ-74: № 76, тетр. 5, л. [12]; МНИ: № 422].

[7] Чурание *чур-р-р!* выкрикивается на высокой ноте.

не в прятках: Астраханская губ. (*чур-коны* — вид игры в камушки) [Покровский 1895: 341], Херсонская губ. (*чур-жыд* — игра типа пыжа с шаром) [П. П. 1902: 405], Вологда (*чур за пекаря* в игре типа пыжа) [Ключева 2014: 166], г. Черноголовка Московской обл. (*чура́чить* — говорить приговорку со словом «чур», например: «Чур не матка!», «Кто чурачил, тот и начал») [Ключева 2014: 78]. О функционировании слова *чур* в русском детском фольклоре XX века см. также [Борисов 2008: 640–641].

В русском языке *чур* — междометие (разговорное), выражает требование соблюсти какое-либо условие, какой-либо договор (обычно в играх). Этимология русского восклицания *чур* отражена в словарях [Фасмер IV: 385–386; Трубачев (ред.) 1977: 134; Шапошников (сост.) 2010: 532] и специальных исследованиях, например, в статье «Чур и чушь» [Толстой 1995: 364–370], не говоря уже о более ранней огромной литературе, посвященной этому вопросу, в которой преобладала идея (отвергнутая современными славистами), что слово *чур* является неким именем мифологического персонажа. Но в перечисленных источниках нет солидарного решения, и за основную версию этимологии слова *чур* принимаются разные объяснения, высказанные осторожно: 1) «может рассматриваться как нерегулярное (экспрессивное, эвфемистическое) преобразование слова **čьrta*» ‘черта, линия’ [Трубачев (ред.) 1977: 134]; 2) «от праслав. **чуръ* или **шчуръ*, первоисточником которых считают и.-е. **[s]keu-* «резать, отрезать, отделять» [Шапошников (сост.) 2010: 532], это версия С. Младенова (и.-е. **skeur-* «резать»), приведенная также в [Фасмер IV: 385]; 3) Н. И. Толстой оценивает эти версии как «нецелесообразные» и предлагает «в качестве исходного **kour-* (с переогласовкой дифтонга **keur-*) ‘penis’; ср. сербск. *кȕрац*, болг. *кȕрчо*, словенск. *kûrec*» [Толстой 1995: 366]. М. Фасмер лишь дает обзор различных версий, воздерживаясь от утверждений. Важно отметить, что слависты О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой не рассматривают в контексте *чур* слова: *чурка*, *чурбан* и т. п., т. е. считают подобные наименования деревянного предмета гетерогенными к междометию *чур*, тогда как «другие предполагают родство с *чу́рка* ⟨…⟩, принимая при этом для *чуръ* значение “межевой, пограничный столб”» [Фасмер IV: 385],

также как производное от *чур* рассматривается *чурка* в [Шапошников (сост.) 2010: 532].

Вместе с тем Трубачев и Толстой солидарно отвергают идею Готью о чувашском происхождении восклицания *чур* (от чув. *чар* ‘останавливать’), изложенную среди прочего в [Фасмер IV: 385]. Однако позволим себе сопоставление с другой булгарской лексемой, существенной для этимологии русского слова *чурка* ‘деревянный обрубок’. Если *чурка* в русском языке не является исконным словом славянского лексического фонда (отсутствует в «Этимологическом словаре славянских языков» [Трубачев (ред.) 1977]), имеет смысл сопоставление с чув. *çурка* (*çуркам*, *çоркам*) ‘осколок, часть (разбитого топором)’, *çурккам* ‘часть баклуша, разбитого топором’, ‘осколок, полено’ [ЧРС] < чув. *çур* ‘разорвать надвое, разорвать; распороть, разбивать (голову); колоть, раскалывать; рубить; пилить; рвать вдоль и др.’; *çур* (*çураš*) ‘половина’ < ОТю *йа:ры* ‘половина’ (*йа:рты*, *йа:рпы*, *йа:рым*), *йа:р-* ‘рассекать’ < ДТю *jarïm* ‘половина’, *йар* ‘расщепить, раздвинуть, разбить’, *йарык* ‘щель’, *йарыл* ‘треснуть, расколоться, расщепиться’ [Федотов 1996b: 139–140; Левитская (отв. ред.) 1989: 146]. Тогда изначальное значение слова *чурка* — половинка расколотого полешка (ср. объявления и интернет-мем «Продаются дрова, колотые чурками»), а далее значение слова расширяется на короткие округлые полешки и др. В языках Поволжья можно выделить связанный с этим корнем пласт игровой лексики, обозначающей деревянные предметы разной формы: мар. *чурика*, *чӧрака*, *шӓрӓкӓ, шӓркӓ, шарка*, удм. *шарака, шарка,* морд. М *чяряка, шяряка,* тат. *шәрәкә*, *шүрәкә*, *чүрәкә, чүрәкәй, чүрки*, баш. *сүрәкә, сөрәкә* [Ключева 2016b: 444–448]. Формы с *а (ӓ)* в первом слоге отражают ДТю и ОТю вокализм, а *у (ү)* — характерный чувашский переход *а* > *у* в вокализме первого слога. Считать всю эту лексику заимствованиями из русского было бы упрощением. Мы полагаем, что *чур* в марийских прятках (сокращение от *чурка*)[8] — это региональное

[8] Примеры подобных сокращений в русском — чурания: *палы-выры*, *пол-выры*, *пала-выр*, *пары-выры*, *пара-выра*, *пары-пары* и т. п. (Москва) < *палочка-выручалочка*; *во́да*, *ва́да*, *ва́дя* < *водяший* (*ва́дящий*) [Ключева 2014: 81–82, 77].

слово тюркского (булгарского) происхождения, хотя в конкретных случаях, например, когда чурание происходит по-русски, имеет место и вторичное проникновение в марийский из русского языка.

2.7. *Кулай*

Чурание *кулай* и с редупликацией *кулай-кулай* широко распространено в играх типа прятки, в том числе в прятках с палочкой и в игре типа двенадцать палочек. Ареал — восточные районы РМЭ (Мари-Турекский, Параньгинский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский, Моркинский) и Уржумский р-н Кировской обл. [МНИ: № 801, 854–871, 889, 891]. При этом название игры может быть одноименным чуранию, например: *Кулай дэнэ модмо* ‘Игра в кулай’ [Васильев 1926: 83; МНИ: № 801], *Кулай ден* ‘В кулай’ (д. Мари-Пижай ныне Сернурского р-на РМЭ, инф.-писатель 1901 г. р.) [МНИ: № 854], *Кулайла* ‘В кулай’ (с. Верхняя Шиньша Моркинского р-на РМЭ, инф. ≈1962 г. р.) [МФЭ-74: № 76, тетр. 5, л. [10] об.; МНИ: № 830], *Кулай* (д. Чобыково ныне Новоторъяльского р-на РМЭ, инф.-писатель 1923 г. р. [МНИ: № 855], д. Аганур, Саламантур Куженерского р-на МАССР, зап. в 1980 г. [МФЭ-80: № 114, л. 23, № 10.3.2; МФЭ-80: № 115, л. 14, № 8.2; МФЭ-80: № 117, л. 10, № 7.1; МФЭ-80: № 116, л. 1, № 1.2; МНИ: № 856, 857, 858, 891], д. Мари-Шои Куженерского р-на МАССР, зап. в 1990 г. [МФЭ-90: № 172, л. 28, № 20.3; МНИ: № 863], д. Ахматенер Сернурского р-на МАССР, зап. в 1984 г. [МФЭ-84: № 142, л. 88, № 48.2; МНИ: № 861]), *Кулай-кулай* (моркинско-сернурский говор мар. Л) [Гордеев 1982: 91; МНИ: № 860], *Кулай-Кулай* или *Кулайка* (п. Мари-Турек, д. Яндемирово Параньгинского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 77; МНИ: № 866], *Кулайки* (п. Новый Торъял РМЭ, д. Ешпаево Уржумского р-на Кировской обл.) [Ключева 2014: 77; МНИ: № 865], *Кулайка* (п. Параньга) [Ключева 2014: 83; МНИ: № 867]; *Кулай-кулай* (с палкой) (п. Мари-Турек, п. Куженер РМЭ) [Ключева 2014: 84–85; МНИ: № 868], *Кулайки* (с палкой) (п. Мари-Турек, п. Куженер, с. Салтакъял Куженерского р-на) [Ключева 2014: 84–85; МНИ: № 868], *Кулайка* (с палкой) (с. Юледур Кужнерского р-на,

д. Николашкино Параньгинского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 84–85; МНИ: № 868]. Но название игры может и не включать звучащего там слова-чурания *кулай*, например: *латкок паҥгала модыш* ‘игра в двенадцать палочек’ (с. Шиньша Моркинского р-на) [МФЭ-60: № 7, л. 20 об., № 188; МНИ: № 889], *шестипалка* (д. Визимбирь Куженерского р-на МАССР) [МФЭ-80: № 119, л. 21, № 22.3; МНИ: № 900], *прятки* (д. Березники Сернурского р-на, д. Николашкино и Яндемирово Параньгинского р-на, п. Параньга, п. Мари-Турек, п. Новый Торъял РМЭ) [Ключева 2014: 77, 379, 82–83, 85; МНИ: № 873], *прятка* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 77, 82; МНИ: № 874].

Формулы чурания: *Риталан кулай* ‘Рите кулай’ (д. Саламатнур Куженерского р-на РМЭ) [МФЭ-80: № 116, л. 1, № 1.2; МНИ: № 891], *Кулай-кулай, Йыван* (д. Визимбирь Куженерского р-на РМЭ) [МНИ: № 900], *Кулай, Кулай! Мый улам!* ‘Кулай, кулай! Это я!’ (д. Чобыково (?) Новоторъяльского р-на РМЭ) [МНИ: № 855], *Эчан, кулай!* [Китиков 1993: 27–28; МНИ: № 864], *Кулай-кулай, мый ышкемым утарем* ‘Кулай-кулай, я себя спасаю’ или *Кулай-кулай, мый чылалаштым утарем* ‘Кулай-кулай, я всех спасаю’ (п. Куженер РМЭ) [МНИ: № 868]; *Кулай-кулай (Маша)* или *Кулай-кулай сам за себя* (п. Мари-Турек, Куженерский и Параньгинский р-ны) [МНИ: № 868], *Кулай-кулай, сам за себя* (п. Мари-Турек) [МНИ: № 873], *Кулай-кулай (сам за себя)* (п. Новый Торъял, п. Мари-Турек РМЭ, д. Ешпаево Кировской обл., инф. 1989–1993 г. р.) [Ключева 2014: 82; МНИ: № 865].

Варианты: *Юра, клай-клай!* в одноименной игре *клай-клай дене модмаш* ‘играть в клай-клай’ (д. Лопово Мари-Турекского р-на МАССР, инф. ~1972 г. р.) [МФЭ-81: № 125, л. 8–9; МНИ: № 859], *Кулá-кулá* в игре *прятка* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ [МНИ: № 874], *Кулай-кулай, кут-кут*[9] (п. Параньга РМЭ) [МНИ: № 867].

Чурание *кулай-кулай* асемантично как для русского, так и для марийского языка. В Вятской губернии игра *кулай* (русская) как вариант

[9] Элемент *кут-кут* в параньгинском варианте — это, возможно, редкое не зафиксированное в словарях звукоподражание стуку, ср. чув. *кĕт* — подражание стуку по косе молотком [ЧРС]. Ср. также русское звукоподражание *тук-тук* с тем же составом звуков.

пряток фиксировалась в XIX–XX вв. При чурании в ней кричали: *Кулай-кулай, палочка пришла, крадена пришла* [Покровский 1895: 113]. Известна эта игра также в Ярославской губернии (Пошехоно-Володарский уезд) [СРНГ XVI: 51], Нижегородской области (Вачский и Выксунский р-ны) [Девицын 1991: 273]. Чурание *Кулай! Кулай! Кулай!* используется в игре *харанючки* типа пряток в Рязанской области (с. Дубровичи) [Сёмин 2012: 293]. Чурание *кул-кула чур за себя* бытует в Оренбурге (игра называется *кулички* или *кулюкушки*, зап. в 2010 г.) [Ключева 2014: 82]. Слово *кулай* в ярославской игре фиксируется как персонажный термин (название игрока) — ‘водящий при игре в кулай’ [Мельниченко (науч. ред.) 1986: 104]. Слово *кулайка* зафиксировано и в локативном значении: «То, обо что надо было стучать, называлось кулайка, и говорили мы при этом Кула-кула я!» [Ключева 2015: 41]. В Марий Эл термин *кулайка* в таком же локативном значении употребляется в п. Новый Торъял. Интересно также, что аналогичная игра *кулай-кулай* обозначена как удмуртская народная на сайте школы д. Светозарево Слободского района Кировской области [Ключева 2015: 41].

Этимологии *кулай* посвящена статья В. А. Девицына, в которой он указывает на морд. Э *куломс* ‘умирать’ и семантический сдвиг: умирать — хоронить — хорониться — замирать — прятаться [Девицын 1991: 272–275]. Неясным осталось это слово для В. И. Вершинина, который под вопросом указывает на чув. *кăлай* ‘деревянный шар’ и рус. *гулюкальцы* ‘игра в жмурки’ [Вершинин 2017: 223]. Также под вопросом мар. *кулай дене модмо* ‘игра в прятки’ сопоставляется к коми *галӧ* ‘черта, кон (в игре в прятки)’ [Лыткин, Гуляев 1970: 74]. О происхождении мар. *кулай* см. также [Гордеев 1970: 13; Казанцев 1980: 111; 1986: 68; Гордеев 1982: 92; 1985: 33] и общий обзор версий [Ключева 2015: 41–42]. Мы также уже неоднократно обращались к непростому вопросу этимологии *кулай* [Ключева 2013: 146–153; Ключева 2015: 37–59], но остаются сомнения в полученных результатах [10]. В данной статье ограничимся указанием на связь этого

[10] Прежде высказанные гипотезы: а) *кулай* в играх связано с собственным именем *Кулай* исторического персонажа, татарского мурзы времен взятия Казани (< тат., тюрк. *кул* ‘рука’, тат. *кулай* ‘удобный, сподручный, подходящий, достойный’)

чурания с марийскими звукоподражаниями стуку. В частности, ср. фразу в марийской сказке: «В одной черемисской сказке пред окном черемисина, чтобы он дал овцу, волк поет: *Кулай-кулай — Пектулай*» [Семенов 1887: 228]. Аналогично в свадебной песне о стуке в ворота:

(7) *šula·i̯ βula·i̯, kapkadδa·m po·ťšša!*
***kula·i̯ βula·i̯**, nala·š le·ksa!*
nala·š lekte· òγə̂nà· pù·rə̂,
kapkaδa·m poťšte-a·t òγə̂nà· pù·rə̂.
‘Быстрее, шулай-вулай, открывайте ворота!
Кулай-вулай, выходите встречать!
Без вашей встречи заезжать не будем,
Не откроете ворота — не войдём’.
(Сернур) [Wichmann 1931: 277], перевод Н. В. Мушкиной из републикации в [Мушкина (сост.) 2011: 161].

В марийском языке фиксируются также следующие звукоподражания стуку, фонетически близкие *кулай, клай*: *кӱлт-кӱлт*,

---

[Ключева 2013: 150–152], хотя надо отметить, что в других жанрах марийского фольклора упоминания этого персонажа нам не известны. В этом же контексте рассматриваются формульные реплики в играх типа цепи разрывные (кованые) и в играх с толканием и скаканием на одной ноге с упоминанием «татарина», «бабая»: *Кырген-кырген татарин* (у мари), *Киргиз-киргиз татарин* (у русских и мари), *Каринбаба* (вятское), *Колика-баба* (владимирское), *Калимбамба* (Нижний Новгород), *Клумбамба* (Киров), *Али-баба* (Санкт-Петербург, Тверь) и т. п.

б) от названия «город» условного места, где чураются игроки — чув. *хула* ‘город’ (< араб. *қал‘а* ‘крепость’, тюркизм в финно-угорских языках); локативный термин переходит на предмет игры — палка в игре называется *кулайка*, далее от наименования палки — называние ее при чурании (*кулай*) [Ключева 2015: 42–43]. В этом же контексте рассматриваются выкрики типа *на кули*, *за кули* в рус. играх типа чижа (в марийском соответственно *акули*, *микули*, *митули*, у мордвы — *макули*), коми *галӧ* ‘черта, кон (в игре в прятки)’, рус. диал. чурания в прятках: *гала за (Машу)*, *гала-гала за (Машу)* (Коми), *гали-гали я* или *гали-гали (Саша)* (Череповец), рус. диал. *галить* и *голить* ‘водить’ (в Предуралье, на Урале и в Сибири), возможно, также наименования пряток типа *кулички*, *гулюкушки* и т. п.

кылде-голдо, *кылдыр-голдыр* [СМЯ III: 228, 262], *колт-колт*, *калт-калт*, *коҥ-коҥ*, *коп* [СМЯ II: 395, 233, 433, 435], подражание тиканью часов *кылт-колт* [СМЯ III: 265], подражание бряцанью металлических предметов *кӱлдыр-гӧлдыр* [СМЯ III: 226] и др. Ср. чув. звукоподражания: *калт*, *калт-калт*, *кӑлт-калт*, *холт*, *хӑлт-халт*, *хӑлтӑрт*, *хӑлтӑр-халтӑр*, *кӑлтӑр* и др. [ЧРС]. См. также о чурании *клёк* в марийских, русских и др. играх с палками [Ключева 2016а: 119–128]. Кроме того, важна следующая уникальная фиксация марийского звукоподражания ударам палки по полу — *кулю-кулю* — в обрядовой игре в праздничный период зимнего солнцестояния, когда ряженая старуха, обходя дворы, проверяет, много ли напряли девушки:

(8) *Шорчол кува кӱнчыла тоя дене толеш. Шорчол кува:* ***Кулю-кулю****! Наҥгаем! Мундрат уло? Мундрам шӱдыршыч? Уке гын, наҥгаем! Шорчол кува шӱдрен ончыкта. Былдыр-болдыр шӱдыржым пӱтырал колта. Шӱдыржо потолык марте шуэш.*
‘Шорыкйольская старуха приходит с палкой-прялкой. Шорыкйольская старуха: **Кулю-кулю**! Унесу! Есть у тебя клубок? Напряла клубок? Если нет, унесу! Шорыкйольская старуха изображает прядение. Закручивает веретено. Веретено достает до потолка’ [МФЭ-69: № 43, с. 32, № 69].

Таким образом, здесь зафиксировано *кулю-кулю* как марийское звукоподражание ударам палки — такое же слово звучит в приговорках водящего в русских играх в прятки, когда остальные игроки разбегаются и прячутся, отсюда и названия игр преследования типа *кулюкушки*, *гулюкушки*[11].

Таким образом, этимология игровой лексемы *кулай* все же остается затруднительной, чурание *кулай* имеет региональное распространение (у русских, мари и удмуртов). Исконно славянским оно не является, это проявление в русском субстрата языков Урало-Поволжья; в марийском языке русским заимствованием скорее всего не является.

[11] Подробный обзор русской диалектной лексики такого рода см. в [Ключева 2015: 46–47].

2.8. *Ать*

Ать — чурание в прятках (д. Починок-Кучук (Уял) Кукморского р-на, с. Ильнеть (Элнет) Меделеевского р-на Татарстана) [Вершинин 2011: 33; МНИ: № 846]. В источнике: «*ат'* — восклицание (близко к русскому ага!) в случаях, когда кто-либо замечен при совершении неблаговидного поступка или чего-либо, что не должно делаться; а также детьми в игре прятки при обнаружении спрятавшегося; *Ат', ат'! — и·з'ылак мо·тмышт ко·дым кычкыра·т.* 'Дети кричат при игре ать, ать!' (Починок-Кучук). *Ат', у·жым вет!* 'Ага, я ведь увидел!' (Ильнеть)». Соответствует русскому междометию *ать* в значении 'возглас радости при удачной поимке кого-либо': *Иван обиделся. — Ать, — поймал! Пойма-ал конструктор*… В. М. Шукшин, «Печки-лавочки», 1972 г. [НКРЯ]. Ср. также удмуртское междометие *ат-ат-ат*, *атта-та-та*, выражающее восхищение, восторг, удивление, 'ай, ах, ой, ох' и удм. *уть* 'ишь, ух, вот' [РУС]. Этимология марийского *ать* затруднительна, см. [Гордеев 1979: 166; Вершинин 2017: 51; Фасмер I: 96]. Если *ать* — от сигнала *ать, два* (солдатское, встречается и в играх), тогда есть основания считать его сокращением от числительного (*один, два* > *ать, два*) [?].

2.9. *Луаткок панды* 'двенадцать палочек'

Чурание *Луаткок панды (Коля)* зафиксировано в одноименной игре *Луаткок панды* 'Двенадцать палочек' (д. Алдеево, д. Вякшлап, с. Кузнецово Горномарийского р-на РМЭ, зап. Д. Д. Мордашова в 2017 г., инф. 1957 г. р.) [МНИ: № 895]. Т. е. название игры и формула чурания, включающая слово 'палка', совпадают. Этимология слов в формуле этого чурания прозрачна, все слова здесь финно-угорского происхождения: *луаткок* 'двенадцать' — исконное марийское числительное (*лу* 'десять' [Rédei 1988: 253], *-ат* 'и (аддитивная частица)', *кок* 'два' [Rédei 1988: 118–119]); *панды* 'палка' (мар. Г) ~ *пондо* (мар. Л) < ФП **ponte* 'палка, посох, рукоятка,

стебель’ [Rédei 1988: 734–735]. Игра с названием «двенадцать палочек» широко распространена в игровом фольклоре советских и российских детей, в частности, ареал: Чувашия [Городские диалекты], Йошкар-Ола и РМЭ, Киров и Кировская обл., Петрозаводск, Коми, Ижевск, Саранск, Самара, Уфа, п. Краснохолмский Республики Башкортостан, вариант названия «двенадцать палок» — в Московской обл. (Солнечногорск, Зеленоград) [Ключева 2014: 87, 365]. Вместе с тем в русском игровом фольклоре XIX века такая игра не зафиксирована [Покровский 1895; Всеволодский-Гернгросс и др. (сост.) 1933], т. е. это не вполне традиционный, достаточно поздний игровой репертуар. В Национальном корпусе русского языка лишь 3 фиксации «двенадцать палочек» в перечислениях детских игр (1998, 2000 и 2013 гг.) [НКРЯ]. В марийском игровом фольклоре игры в двенадцать палочек фиксируются в «Материалах фольклорных экспедиций» МарНИИ, начиная с 1960–1961 гг., в разных местностях проживания марийского населения [МНИ: № 889–910]. По совокупности данных сведений, полагаем, что мар. *луаткок панды* ‘двенадцать палочек’ является переводом-калькой с русского языка.

2.10. *Накас*

В рассказе И. Одара *Таргылтыш* ‘Леший’ (1927 г.) в описании игры *Вувер тоя* ‘Палочка ведьмы’ (прятки с палочкой) звучит чурание *Ондрий, накас!* ‘Андрей неповоротливый!’ (инф.-писатель урож. д. Аганур ныне Куженерского р-на РМЭ, 1887 г. р.) [Одар 1929: 21; Китиков 1993: 12–13; МНИ: № 884]. *Нака́с* ‘1. диал. неповоротливый, тяжелый; 2. упрямый, своенравный’ [СМЯ IV: 137] — это, по сути, обзывание в адрес проигравшего — найденного игрока. В марийском слово происходит из чув. *накас* ‘низкорослый; толстый, неповоротливый и ленивый человек; упрямый’; ср. также тат. *нәкәс* ‘трусливый, боязливый; скупой; неповоротливый’ и пр. тюркские соответствия < перс. ناکس ‘низкий, недостойный, негодный, подлый; трус’; букв. слово означает ‘не человек, не личность’ [Федотов 1996а: 365–366].

2.11. (*Ваня*) *ӧркы* ‘(Ваня) лентяй’

Чурание *Ваня ӧркы* ‘Ваня лентяй’ в игре *Увер панды* ‘палка ведьмы’ (д. Наумово Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1992 г. р.) [МНИ: № 887]. Данная формула содержит имя и «обзывание» *ӧркы* (мар. Г) ‘леность, апатия; лентяй’, *ӧркӓнӓш* ‘лениться’ [Саваткова 2008: 186] ~ мар. ЛВ *ӧркӧ* [Иванов (отв. ред.) 2011: 216], *ӧркаташ* ‘лениться’ [СМЯ IV: 380]. Этимология: < чув. *ӳркен* ‘лениться’, ср. тат. *ирён-*, баш. *ирен-* [Федотов 1996b: 301; Вершинин 2018: 393], тат. *иregү* [Баязитова и др. (сост.) 2009: 215].

2.12. *Чок*

Чурание ***чок*** ‘чур’ зафиксировано в прятках у горных мари (д. Юнга Кушерга Горномарийского р-на МАССР) [Гордеев 1982: 92; МНИ: № 825], а также в игре *шилмыла* ‘в прятки’ у луговых (д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ, инф. 1927 г. р.) [Ключева 2014: 84; МНИ: № 824]. Формула чурания в волжской фиксации — *(Анук) чок*, а действие чурания там выражается глаголом *чо́клаш*, *чоклен опташ*. Сопоставимое чурание — *чук* (*чүк*, *чух?*) встречается в татарских играх с палками: когда водящий устанавливает на место сбитую другим игроком деревяшку, он говорит *чук* (по нашим несистематизированным данным, требующим уточнения). При этом у восточных (мензелинских) мари *чӱ*[ʸ]*к*[12] — биток, кусок дерева, а *чӱ*[ʸ]*кла* ‘в чук’ — название игры, где игроки, бросая палки, сбивают деревяшку (*чӱ*[ʸ]*к*) со вбитого в землю кола:

(9) *Чӱ*[ʸ]*·кла мо·дыт, ло·мбо тойа·м кыре·н кода·т, ве·сывлак городки· гай тойа· де·не лӱйа·т, кӧ пе·рвый толе·шат, чӱ*[ʸ]*·кым пыжыкта·, чӱ*[ʸ]*к оз’а· лийе·ш, ве·се вӹзлӹкта·.*
‘Играют в *чӱк*, забивают черемуховую палочку, другие бьют, кинув, битой как при игре в городки, кто первым придет, тот

[12] Такая орфография в источнике (*чӱ*[ʸ]*к*) отражает звук, промежуточный между *у* и *ӱ*.

ставит *чӳк*, становится хозяином *чӳк*'а, другой бежит' (д. Мари-Буляр Муслюмовского р-на Республики Татарстан) [Вершинин 2011: 681; МНИ: № 1403].

В. И. Вершинин там же отмечает, что мар. *чӳ^{у}к* — звукоподражание, связывает с глаголом *чӧкаш*: 1) 'метнуть, бросить (целясь) (мамадышское мар. В), 2) 'отбивать косу (мензелинское мар. В)'; сопоставляет с рус. диал. *чигать* 'бросать' (Череповец), *чикать* 'бить', *чокать(ся)*, тат. *čükəč* 'молот(ок)' [Вершинин 2011: 676]. Действительно, рассматриваемое чурание *чок* в прятках сопоставимо с марийскими звукоподражаниями: *чок* 'подражание состоянию неподвижности' и *чок-чок* 'подражание звуку короткого удара, стуку: тук-тук' [СМЯ VIII: 376, 379], *чок-чок* 'звуки топора или ножа при рубке', 'о звуке при клеве (птицы)' [Васильев 1926: 244]. В русских прятках также бытуют чурания, которые являются звукоподражательными, например: *чека́-чека́* (Кемерово), *чика́-чика́* (Кемерово, Новосибирск), *чик-чик дома* (Ижевск), *чику я* (Алтайский край, Павлодар) [Ключева 2014: 81]. Интересны также сопоставления мар. чурания *чок* с обрядовой лексикой в финно-угорских и тюркских языках Поволжья: мар. *чоклаш* (мар. СЗ *цоклаш*, мар. Г *цӧклӓш*) 'молиться, приносить жертву', чув. *чӳк* / *чӧк* 'жертва; жертвоприношение у язычников чуваш; жертвенные яства у язычников чуваш' [Федотов 1996b: 426–427], тат. (заказанское кряшенское) *чүк* 'название праздника, джиена, празднуемого в определенное время в определенной группе деревень' [Баязитова и др. (сост.) 2009: 764]. М. Р. Федотов приводит также тюркские соответствия чувашскому *чӳк*: тел., алт. *чок*, шор. *шок* 'восклицание во время жертвенного кропления на идолов', а также указание Е. Малова, что «несомненно слово *чук* происходит от еврейского *шуах* (*шух*) и значит: опускаться, нагибаться, наклоняться; для заявления кому покорности или благодарности; употребляется в смысле умолять. В Священном Писании слово это часто употребляется о поклонении Богу». Все же у М. Р. Федотова нет указания, что марийское *чок* (а также удм. *чук*, венг. *csök*, *csög*, *csökk* 'гулянье по поводу крестин') тюркского происхождения [Федотов 1996b: 426–427], тогда как Х. Паасонен прямо указывает, что мар. *чоклаш* 'молиться' произошло

из чувашского [Paasonen 1948: 158]. Ф. И. Гордеев считает чурание *чок* в марийской игре заимствованием из русского языка, связывает со звукоподражанием *чок* и глаголом *чокаться*, с украинским междометием *чоко*, передающим стук сапожных подков [Гордеев 1982: 92], см. [Фасмер IV: 371]. Однако фактами фиксации лексемы *чок* именно в играх у русских мы не располагаем. В итоге наиболее логичным нам представляется трактовать мар. чурание *чок* и тат. *čük* в играх как сокращение от наименования молота — тат. *чүкеч* (> мар. В *чӧкыс*, литер. *чӧгыт*). Молот в игре как эквивалент палки, орудие стука. Тат. *чүкеч* ~ перс. *чекуш* [Исанбаев 1994: 181] и др.

2.13. *Чондри, чонди*

Чондри (если за себя) или *(Анук) чондри* (за другого) [Ключева 2014: 84; МНИ: № 824]. Марийская игра в прятки в д. Малые Параты Волжского района РМЭ называется *шилмыла* (литер. *шылмыла* < *шылаш* ‘прятаться’). На протяжении XX в. у поколений детей менялась формула чурания в этой игре: *чок* (инф. 1927 г. р., см. *Раздел 2.12*), *чонди* (инф. 1948 г. р.), *чондри* (так говорит игрок за себя) или *(Маша) чондри* (за другого) (поколение 1970–1980-х гг. р.). У поколения ок. 1948 г. р. для этой игры использовалось также название *чондила* ‘в чонди’. В настоящее время в обрусевающей деревне эта лексика практически вытеснена стандартной русской формулой *Чур сам за себя* / *за (Машу).*

Помимо игры в прятки слово *чонди (чондри)* употреблялось в этой же деревне в игре *чондитлымла* ‘в чурание’ (инф. 1948 г. р.): «догонялки у условного места — *чонди*, которое охраняет водящий (*чонди орол* ‘сторож чонди’). Бегающие стараются задеть это место и сказать “*Чонди!*” (или “*Чондри!*”). Те, кому это удастся, освобождаются — выходят из игры с победой. Но водящий не подпускает игроков. Те, кого он заденет, сказав “*(Анук) чонди!*”, считаются проигравшими» [Ключева 2014: 106; МНИ: № 1177].

В марийском языке слово *чонди (чондри)* асемантическое, хотя вполне органичное. Ср. детские дразнилки: *Андри-чондри,*

чылдыри-пылдыри и т. п. Т. е. эта формула чурания может быть по сути обзыванием в адрес водящего / проигравшего ему игрока, хотя и с неясным значением. Наш информант 1948 г. р. по-своему объяснил *чонди* как марийскую фразу *чон, лий* ‘душа, будь (свободна)’. Удивительным представляется совпадение, что игра, совершенно аналогичная описанной *чондитлымла*, бытует в Одессе (р-н, по словам информанта, «на Заставе, на Таирова»), причем с созвучным названием — *Чундыра за себя* (варианты произношения — *Чендыра за себя*, *Чендура за себя*):

(10) На днях вижу, современные пацаны тоже не забыли ее — добегают до столба / дерева, которое охраняет ловящий всех игрок, уворачиваются от него и стучат по означенному месту рукой, выкрикивая вышеозначенную фразу (инф. 1973 г. р.) [Ключева 2014: 106].

Такое же чурание используется и в одесских прятках (варианты произношения в разных районах города, помимо *чундыра* / *чендыра* / *чендура*, — *дындыра, дындыры, дындара, тындыра* [Ключева 2014: 80]. Тот же материал (с указанием ударения на последний слог), а также *дзын-дзырá* и *дыр-дырá* в [Романий 2013: 16].

Занесено ли было это чисто одесское слово в Марий Эл или является случайным совпадением — остается загадкой. На данный момент других фактов распространения этой формулы на территории Марий Эл, помимо указанной деревни, нет. По всей территории России ни в исторических источниках, ни в современных записях также нет ни одного упоминания о чурании со словом *чундыра* где-либо еще, кроме Одессы. Хотя варианты *дын-дырá*, *дын-дарá*, *дыр-дырá* имеют достаточно широкое распространение по Украине; кроме Одессы это Николаев, Херсон и окрестности, Севастополь, Луганск [Романий 2013: 16]. «Точечное» заимствование одесского чурания в марийский могло произойти в результате миграции населения во время Великой Отечественной войны, когда в Марийскую АССР из Одессы были эвакуированы некоторые заводы. (В деревне Малые Параты МАССР в годы войны жили эвакуированные дети из Ленинграда, Эстонии, Тверской области, однако не из Одессы.)

Одесское *чундыра* (*чендыр*, *чендура*, *дындыра*, *тындыра*, *дындыра*, *дындара*, *дыр-дыра*) восходит к формуле *дыр-дыр*, которая употреблялась в игре в прятки с палочкой на Украине и в XIX в. По сути, *дыр-дыр* — это звукоподражание удару палкой по дереву. В начале игры водящий произносил:

(11) Дыр-дыр, на всех кладу палку; кто хочет берет, кто не хочет — не берет. Кого палка найдет — тот в поле пойдет [Покровский 1895: 113].

Звукоподражательный характер *дыр-дыр* становится еще более отчетливым в контексте следующей игры типа жмурок, из которой она даже и могла прийти в прятки (Екатеринославская губ., Кубанская обл., XIX в.). В этой игре (которая называется *дыркач* или *двое слепых*) игрок, которого ловят (*дыркач*), ходит с трещоткой или с зазубренной палкой, по которой водит другой палочкой (*дергачет*) и при этом говорит *дыр-дыр* (*дер-дер*) [Покровский 1895: 206–207]. Что касается пряток, *чундыра* или *чендура* являются внутриодесскими вариациями этой лексемы (р-н «на Заставе, на Таирова»), относящимися ко второй половине XX в. В них звукоподражательность стуку практически утрачивается.

2.14. *Шашатура*

Шашатура — игра типа пряток (д. Элекенер Моркинского р-на РМЭ). При чурании говорят: *Шашáтурá (имя)*, отсюда и название игры (инф. 1992 г. р.) [Ключева 2014: 84]. Бытование такого чурания в прятках подтвердила нам при опросе в 2019 г. уроженка этой же деревни 1973 г. р. [МНИ: № 845]. Чурание *шашатура* уникальное, для информантов слово является асемантическим, этимология затруднительна. Единственная гипотеза, которая у нас возникла: данное слово могло образоваться от сращивания искаженного асемантизировавшегося имени (*Саша* > *шаша-*) и чурания *турá.* Относительно значения последнего можно привести следующие версии:

1. *турá* ‘леший’: Согласно [СМЯ VII: 273–274], значения прилагательного *турá*: 1) крутой, отвесный, обрывистый; 2) прямой; идущий ровно в одном направлении, без поворотов; 3) крутой, резкий, внезапный; 4) прямой; правдивый, откровенный, искренний, открытый; 5) крутой, суровый, строгий; резкий, решительный; 6) меткий; прицельный; точно попадающий в цель, бьющий в упор; 7) самый; находящийся в самом разгаре, зените. С последним значением связаны выражения: *тура кече* ‘солнце в зените’; *тура кеҥеж* ‘лето в разгаре’, *тура кечывал* ‘самый полдень’, от которых происходит зафиксированный в художественной литературе эвфемизм *тура* ‘леший’ [Одар 1929: 11], т. е. враждебное мифологическое существо, которое является людям ровно в полдень, ср. рус. *полудница* [Левкиевская 2009: 154–156] [13]. Расстояние между населенными пунктами, где зафиксировано чурание *тура* (д. Элекенер Моркинского р-на РМЭ), и *тура* ‘леший’ (с. Аганур ныне Куженерского р-на РМЭ) — 55 км, говоры этих деревень относятся к одному диалекту — моркинско-сернурскому говору мар. Л. Этимология: мар. *тура* < тат. *туры* ‘прямой’ [Исанбаев 1994: 156].

2. С другой стороны, *турá* — это марийское название шахматной фигуры (ладьи), отличающейся толщиной [СМЯ VII: 274]. Логично использование этого слова как обзывания по отношению к найденному в прятках неуклюжему игроку. В русском языке, откуда, надо полагать, этот термин пришел в марийский, *тура* ‘ладья’ считается заимствованием из французского *tour* ‘башня, тура’, от лат. *turris* ‘башня’ [Фасмер IV: 123]. Ср. также мар. *тур* ‘чурбан’, которое употребляется и в переносных значениях по отношению к толстому человеку [СМЯ II: 272].

Кроме того, *-турá* фонетически близко и к *чурá* (*чур*) и *-дырá* (> *чондри*), см. *Разделы 2.6* и *2.13*. С другой стороны, ср. также мар. *шашатура* и общероссийское *штандер* (восклицание в одноименной игре с мячом) [Ключева 2014: 124–126].

[13] В словарях марийского языка и книгах по марийской мифологии такое специфическое значение слова *тура* ‘леший, полудница’ не отражено, но подтверждается русским переводом рассказа, где *тура* в этом контексте переведено как ‘леший’ [Одар 1962: 14].

2.15. *Иук-кук — ау, куук*

Иук-кук — ау (мар. Г) — междометие клича при игре в прятки, а также на помочи [Эпин 1935: 23; МНИ: № 848]; *Куук!* (мар. Г) — междометие для выражения сигнала при игре в прятки [Эпин 1935: 48; МНИ: № 849]. В других мар. Г словарях такие междометия не зафиксированы, потому особо заметим, что автор «Горно-марийско-русского словаря» 1935 г., где они содержатся, Сергей Гаврилович Эпин (Гаврилов) — уроженец д. Янькино ныне Горномарийского р-на РМЭ, 1886 г. р. Из-за краткости описания нет полной уверенности, в какой именно ситуации звучат эти междометия; может, это и не чурание, а некие возгласы по ходу игры. Формула *Иук-кук, куук* содержит звукоподражание крику кукушки (*куку* в варианте *кук*, *куук*), которое могут произносить в играх с поиском как некий зов, и междометие *ау* (рус. разг.) как отклик на обращение. Ср. мар. *кӱкӱк* 1) подражание крикам кукушки; 2) дет. употребляется в детской игре в прятки. *Кӱкӱк! куку!* ищи меня! *кӱкӱкым ышта* ‘прячется’; *кӱкӱк лияш* ‘прятаться’ [СМЯ III: 223]. Еще одно также не вполне ясное свидетельство — глагол *кӱкӱтляш* в игре *Кулай* типа пряток в д. Аганур Куженерского р-на МАССР (мар. Л):

(12) *1 кӱкӱтля, а молышт шылыт. Эн первый кӱкӱтляш ок лий. Вара кычалаш тӱҥалеш.*
‘Один кукует, а остальные прячутся. Сначала куковать (искать) нельзя. Потом начинает искать’ [МФЭ-80: № 115, л. 14, № 8.2; МНИ: № 857]

Логика использования звукоподражания крикам кукушки в игре может быть следующей: кукушка кукует > ‘считает’; водящий тоже обычно считает, когда другие игроки разбегаются и прячутся; следовательно, значение действия *кӱкӱтляш* (‘куковать’ о счете вслух в начале игры) переходит на последующее действие водящего (‘искать”), обобщается до значения ‘водить в игре в прятки’; затем переходит на смежное действие игрока-антагониста — ‘прятаться’ (*кӱкӱкым ышташ* ‘делать кукук’, *кӱкӱк лияш* ‘быть кукук’). Такое активное

развитие семантики вполне типично для детского фольклора, игровой лексики. Исходя из этой логики, рассмотренное звукоподражание по своей функции в игре не является чуранием (т. е. восклицанием при находке игрока), хотя использование его и в этом качестве не исключается.

2.16. *Вур-вур*

Вур-вурла ‘в вур-вур’ — это игра в прятки с палочкой у горных мари (д. Шапкилей (Шапкилä) Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1967 г. р., зап. М. А. Ключева 1 апреля 2022 г.). Ее название происходит от звукоподражания удару палкой *вур-вур-вур*, которое говорят при чурании вместе с именем игрока, при этом стучат палкой по кону. (Палка в этой игре лежит около специального отверстия для кота в двери кладовки, там же ею и стучат.) *Вур-вур* говорят, по словам информанта, чтобы всем было слышно это постукивание. Поскольку слово *вур-вур* как звукоподражание стуку не фиксируется в горномарийских словарях, его специфичность может быть связана со словом *вурды* ‘черенок (инструмента), рукоятка, ствол’ [Саваткова 2008: 41]. Черенок мог использоваться в игре вместо обычной палки, и его название (сокращенное и асемантизированное) стало восприниматься как звукоподражание.

3. Названия игр как материал к реконструкции чураний

3.1. *Кӱргӱлен модаш* ‘играть в прятки’

Kürgüle·n тода·т ~ кӱргӱлен модам ‘играю в прятки’ (с. Морки Царевококшайского у. Казанской губ., зап. В. Поркка в 1885 г.) [Moisio, Saarinen 2008: 309; МНИ: № 829]. Прочие фиксации: *кӱргӱлэн модам* ‘играю в прятки’, *кӱргӱлэн модмо* ‘игра в прятки’ [Васильев 1926: 90,

284; МНИ: № 799], *кӱргӱлен модаш* ‘играть в прятки’ (инф.-писатель урож. д. Вонжедур ныне Моркинского р-на РМЭ, 1893 г. р.) [МНИ: № 833]; *кӱргӱлен модына* ‘играем в прятки [?]’ (инф.-писатель урож. д. Кутюк-Кинер (Кӱчыкэнгер) ныне Моркинского р-на РМЭ, 1918 г. р.) [МНИ: № 834], *кӱргыл модаш* ‘играть в прятки [?]’ (инф.-писатель урож. д. Мизинер Моркинского р-на МАССР, 1935 г. р.) [МНИ: № 836], *кӱргӱлен модаш* ‘играть в прятки [?]’ (инф.-писатель урож. д. Новая (Усола) Моркинского р-на МАССР, 1940 г. р.) [МНИ: № 837], *кӱргылен модмо* ‘игра в прятки’ (с. Шиньша Моркинского р-на РМЭ, инф. 1959–1961 гг. р.) [МФЭ-74: № 76, тетр. 3, л. [11]; МНИ: № 831], *кӧргылен (кулайла)* ‘игра в прятки (в кулай)’ (с. Верхняя Шиньша Моркинского р-на МАССР, инф. ≈1962 г. р.) [МНИ: № 830], *кӱргӱлен модмаш* ‘игра в прятки’ [Китиков 1993: 28–29; МНИ: № 838]. Таким образом, все записи игры четко локализованы — относятся к деревням Моркинского р-на. Ни в одном из имеющихся источников не содержится прямой информации о чурании, о лексеме чурания в игре.

Рассматриваемые названия игры содержат деепричастие от глагола *кӱргӱлаш* — водить (при детской игре в прятки) [СМЯ III: 235; МНИ: № 832], т. е. глагол выражает действие водящего, видимо, звукоимитационное, поскольку очевидна звукоподражательная природа этого слова. Ср. мар. *кӱр-р* ‘подражание бурчащим звукам’ [СМЯ III: 238], *кӱрлӹк-кӱрлӹк*, *кӱрлӱк-кӱрлӱк* ‘о крике журавля’ [Васильев 1926: 91, 214], мар. В (сарапульское) *гӱр!* ‘окрик, когда загоняют кур в курятник’ [Вершинин 2011: 74], мар. В (мензелинское) *гӹр-гӹр* ‘подзывание гусей’ [Вершинин 2011: 76], *кӱдыргаш* ‘ворковать (о голубях)’, *кӱдырлаш* ‘токовать (о некоторых птицах)’ [СМЯ III: 214]; тат. *гөр* ‘воркование (о голубях)’ [Ганиев (ред.) 2002: 85]. Р. Г. Ахметьянов справедливо сопоставляет мар. *кӱргӱлен* с тат. *гөрлә-у* ‘водить в игре в прятки’ ~ баш. *гөрҙә-у*, *көргөлдә-у* ‘то же’, с названием татарской игры *гөр-гөр*[14] и морд. Э устар. *гурь-гурь бабаса* ‘стоять с закрытыми глазами в игре в прятки’ [Ахметьянов 2015: 236]. Раскрывая это сопоставление по этнографическим источникам, отметим мордовскую

[14] Тат. *гөр-гөр* ‘жмурки, прятки’ [Ганиев (ред.) 2002: 85].

игру *Гуль-гуль, гулинеть* ‘Гуль-гуль, голуби’: четыре игрока перебегают из угла в угол внутри сруба, а пятый — водящий — стремится занять пустой угол во время этих перебежек. При этом игроки изображают, что они птицы и в ходе игры произносят *гуль-гуль* [Брыжинский 2008: 59–60]. Аналогичная башкирская игра называется *Күгәрсен* ‘Голуби’, и в ней водящий приговаривает:

(13) *Күр-күр, күгәрсен,*
Икебезгә бер оя.
‘Гур-гур, голуби,
Для всех нас одно гнездо’
[ДК Акбашева].

Еще ближе к марийской игре приговорки в татарских и башкирских **прятках**, которые произносит водящий, когда остальные игроки разбегаются и прячутся, например:

Татарский:

(14) *Гөр-гөр гөрлимен,*
Вакыт күбен белмимен,
Вакыт күбен белер идем,
Мин бит сезне күрмимен.
Инде озак гөрләдем,
Моннан ары түзмимен.
‘Гор-гор, я курлыкаю,
Не знаю, сколько времени,
Узнал бы, сколько времени,
Но я же вас не вижу.
Я уже долго курлыкал,
Больше нет силы терпеть’
[Гөрләмеш] [15].

[15] Башкирский вариант этой приговорки и прочие приговорки с зачином *Гөр, гөр* в башкирских играх в прятках (*гөргөлдәк*) см. в [Галяутдинов 2002: 104–105]. Благодарим Г. Р. Шагапову за помощь в переводах с татарского и башкирского языков.

Башкирский:

(15) *Гөр, гөр, гөр тәкә,*
Урмандағы бер тәкә…
Гөр, гөр, гөр оя
Бер әтәскә бер оя…
‘Гор, гор, гор баран,
Один баран, который в лесу…
Гор, гор, гор гнездо,
На одного петуха одно гнездо…’
[Галяутдинов 2002: 105].

Башкирский:

(16) *Гөр-гөр әтәс.*
Ике таыуҡ, бер әтәс.
‘Гор, гор, гор петух.
Две курицы, один петух’
[Шагапова 2010: 97].

Кон, т. е. место, где игроки чураются, называется в этих играх *оя* ‘гнездо’ (тат., баш.). А в описании башкирской игры в прятки (баш. *гөргөлдәк*) также есть указание, что восклицание *гөр-гөр* звучит в игре и как чурание. Когда водящий находит игрока, он говорит его имя: *Гөр-гөр, Аяз!* ‘Гор-гор, Аяз!’ [Шагапова 2010: 97].

Таким образом, звукоподражательный зачин приговорки *гөр-гөр* из татарских пряток пришел в марийский игровой фольклор, закрепившись как локальное название игры в прятки — *кӱргӱлен модаш* и как название действия водящего — *кӱргӱлаш* ‘водить в игре в прятки’ (только в Моркинском р-не РМЭ, мар. Л). Моркинский р-н имеет наиболее протяженную границу с Татарстаном, здесь происходит активное взаимодействие мари и татар. Принятые во внимание мордовские и башкирские материалы указывают на распространение подобных игр и игровых лексем по всему Урало-Поволжью, т. е. это общая лексика игровой культуры тюркских и финно-угорских народов региона. (Сомнительны, не раскрыты сопоставления мар. *кӱргӱлен* с тат. *күр* ‘круг’ [Ахметьянов 2015: 453], беспорядочны сравнения с морд. *гурямс*, *корямс* ‘водить, прятаться’, *курянчкесе*

‘прятки’, коми *горань* ‘игра в жмурки’, *куру* ‘прятки’, рус. *курюкальцы* ‘жмурки’ [Вершинин 2017: 245].)

3.2. *Вырчык-вырчык*

Вырчык-вырчык — название детской игры (‘игра в прятки’) (мар. Л, д. Нурумбал Звениговского р-на МАССР) [Гордеев 1983: 214; МНИ: № 844]. В источнике приводится достаточно неожиданное указание: «Заимств. из русского яз.: сверчок (насекомое)». Вероятно, у Ф. И. Гордеева были некие дополнительные данные, позволившие сделать такое утверждение (например, комментарий информанта при полевой работе). Тем не менее без аргументации такое сопоставление сложно принять, поскольку слово *сверчок* в русских играх в прятки не встречается и такая лексика (названия насекомых) вообще не употребительна в прятках. Мы полагаем, что логичнее видеть в этой лексеме звукоподражательное междометие, ср. в том же диалекте *выр-вор* ‘о быстрых, моментальных действиях человека’ (д. Мари-Луговая Звениговского р-на МАССР), мар. Л, мар. В *выр* ‘быстро, мигом’, мар. Л, мар. Г *выр-вур* ‘быстро, мгновенно’, мар. Л, мар. В *выр-выр* ‘подражание шуму при взлете птиц’, мар. Л, мар. В *выр-выр* ‘волчок (игрушка)’ [Гордеев 1983: 211], мар. Г *вырт, вырт-варт*, ***вырт-ик-вартик*** ‘быстро’ [Саваткова 2008: 43], мар. Г *выр-выр* ‘о биении, волнении, неспокойном состоянии сердца’ ~ мар. Л, мар. В *вур-вур* [СМЯ I: 309]. Ср. также с горномарийским чуранием *вур-вур*, см. *Раздел 2.16*. С другой стороны, название игры *вырчык-вырчык* сопоставимо с мар. Г *вурчаш* ‘ловить; поймать кого-либо во время игры в прятки’ (д. Алешкино, Красная Горка, Токари, Картуково, Шерекей Горномарийского р-на МАССР) [Гордеев 1983: 176] ~ мар. Г *вурчаш* ‘выручать кого-либо; помочь кому-либо в трудных обстоятельствах’ [СМЯ I: 313]. Последний глагол, очевидно, происходит от рус. *выручать* [Вершинин 2017: 95], и это соответствует действиям в игре в прятки (взаимодействию игроков, которых ищет водящий).

Представленные ниже слова — названия игр в прятки (*Разделы 3.3, 3.4*) очень специфичны, в них не исключены ошибки

фиксации, прочтения (из-за неразборчивости почерка в рукописи). Не исключено, что эти названия происходят от чураний в игре, но на данный момент ограничимся лишь фиксацией материала:

3.3. ***Оприса модыш*** ‘Игра оприса’ (с. Малосухоязово Бирского р-на БАССР, зап. в 1930-е гг.) [НРФ, оп. 1, № 482, л. 14; МНИ: № 802].

3.4. ***Штукла*** ‘Черная палка (перевод в источнике, букв. в штук)’ — «игра въ прятышки» [Троицкий 1894: 81; МНИ: № 796]. Ср. рус. *стук* и чурания типа *туки-туки*, *стуки-стуки* в прятках (см. *Раздел 2.1*).

4. Выводы

В статье представлено и рассмотрено порядка 20 чураний в играх в прятки разных этнографических групп мари. Анализ показал, что чурания в прятках связаны с чураниями в других играх преследования (догонялках, жмурках — *чур*, *чондри*, *кӱргӱл*-), в играх с палками (*чок*, *чӱк*). Среди марийских чураний есть заимствования и переводы с русского языка (*туки-туки*, *тук-тук*, *тука-тука*, *пакукрай, пакупрай, пакупрай, укрательный палке*, *запырт*, *ура*, *ари шаваш*, *луаткок панды*), заимствования из чувашского языка (*накас*), из татарского (*кӱргӱл*-, *чок*). Ряд чураний можно отнести к общей лексике языков Урало-Поволжья — т. е. это слова, имеющие распространение в разных языках региона (*чур*, *кулай* — в русском мы их определяем как субстратные). При заимствованиях подобной лексики, как правило, происходит ее десемантизация. Для марийских чураний характерна звукоподражательность (например, *вур-вур*) и упоминания палки, что, в целом, характерно для лексики игры в прятки (см. примеры подобного на русском материале во *Введении*, в *Разделах 2.2, 2.3, 2.12, 2.13*, *2.16*). Более специфично использование в качестве чурания «обзывания» найденного, например: *ӧркы* ‘лентяй’, *накас* ‘неуклюжий’. Возгласы чураний активно участвуют в словообразовательных процессах; от них происходят названия игр, наименования

водящего, его действий в игре, предметов и локусов в игре (например, *кулай*, *кулайка*, *закулайкать* ‘зачурать’ (в русской речи марийских детей); мар. *чурлаш* ‘чурать’), которые в свою очередь могут послужить материалом реконструкции чураний при их утрате (неполных записях игры в источниках и т. п.). Этимология некоторых чураний остается проблематичной (например, *кулай*, *чондри*, *шашатура*, *оприса*). Уточнению результатов проведенного исследования может способствовать получение новых материалов, дополнительных сведений о чураниях в играх у мари и соседних народов.

Список условных сокращений

англ. — английский; баш. — башкирский; болг. — болгарский; букв. — буквально; губ. — губерния; диал. — диалектное; ДТю — древнетюркский; дет. — детское; и.-е. — индоевропейский; инф. — информант; кр.-тат. — крымскотатарский; зап. — записал; инф. — информант; мар. — марийский; мар. В — восточное наречие; мар. Г — горное наречие (горномарийский); мар. Л — луговое наречие; мар. ЛВ — марийский лугововосточный литературный язык; мар. СЗ — северо-западное наречие; МАССР — Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика (ныне РМЭ); морд. — мордовские; морд. М — мокшанский; морд. Э — эрзянский; нем. — немецкий; обл. — область; ОТю — общетюркский; перс. — персидский; праслав. — праславянский; РМЭ — Республика Марий Эл; рус. — русский; сербск. — сербский; словенск. — словенский; тат. — татарский; тюрк. — тюркские, у. — уезд; удм. — удмуртский; урож. — уроженец; ФП — прафинно-пермский; устар. — устаревшее; фр. — французский; чув. — чувашский.

Литература

Ахметьянов 2015 — Р. Г. Ахметьянов. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 1. Казань: Магариф — Вакыт, 2015.

Вершинин 2017 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2017.

Вершинин 2018 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2018.

Гордеев 1970 — Ф. И. Гордеев. О поздних сарматских заимствованиях в восточнофинских языках // И. С. Галкин (ред.). Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1970. С. 8–14.

Гордеев 1979 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка: В 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1979.

Гордеев 1982 — Ф. И. Гордеев. Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // И. С. Галкин (отв. ред.). Вопросы марийского языка. (Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 53). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 81–96.

Гордеев 1983 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1983.

Девицын 1991 — В. А. Девицын. Проявления финно-угорского субстрата в лексике и фонетике русских говоров Нижегородской области // Linguiistica Uralica. 1991. Т. XXVII. № 4. С. 272–275.

Исанбаев 1994 — Н. И. Исанбаев. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994.

Казанцев 1980 — Д. Е. Казанцев. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык // Н. И. Исанбаев (ред.). Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 90–119.

Ключева 2013 — М. А. Ключева. К сравнительному изучению русской, финно-угорской, тюркской игровой терминологии (о некоторых чураниях в прятках) // Л. А. Федотова (ред.). Финно-угорская музыкальная культура и современный мир: Тезисы Международной научной конференции 7–9 ноября 2012 г. Казань: КГК, 2013. С. 146–153.

Ключева 2015 — М. А. Ключева. К этимологии марийской игры *митули* // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 37–59.

Ключева 2016a — М. А. Ключева. К генезису марийской игры «клёк» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4 (14). С. 119–128.

Ключева 2016b — М. А. Ключева. Марийская игра в шарка (*шаркáла модмáш*) в контексте игровой культуры народов Урало-Поволжья // А. Е. Загребин (ред.). Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. С. 444–448.

Левитская (отв. ред.) 1989 — Л. С. Левитская (отв. ред.). Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «ӂ», «ж», «й». М.: Наука, 1989.

Лыткин, Гуляев 1970 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

Романий 2013 — Г. И. Романий. Формулы-восклицания в детских играх: прятки и «камень, ножницы, бумага» // Живая старина. 2013. № 4. С. 14–17.

Сёмин 2012 — В. А. Сёмин. Детский фольклор с. Дубровичи Рязанской области // А. С. Каргин (ред.). От конгресса к конгрессу. Материалы Второго всероссийского конгресса фольклористов: сборник докладов. Т. 4. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. С. 291–298.

Толстой 1995 — Н. И. Толстой. Чур и чушь // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 364–370.

Трубачев (ред.) 1977 — О. Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М.: Наука, 1977.

Фасмер I — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А–Д). М.: Прогресс, 1986.

Фасмер III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза–Сят). М.: Прогресс, 1987.

Фасмер IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т–Ящур). М.: Прогресс, 1987.

Федотов 1996a — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

Федотов 1996b — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

Шапошников (сост.) 2010 — А. К. Шапошников (сост.). Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. М.: Флинта; Наука, 2010.

Paasonen 1948 — H. Paasonen. Ost-tscheremissisches Wörterbuch / Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948.

Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Académiai Kiadó, 1988.

Источники

Борисов 2008 — С. Б. Борисов. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008.

Баязитова и др. (сост.) 2009 — Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова (сост.). Большой диалектологический словарь татарского языка = Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казань: Татарское книжное издательство, 2009.

Брыжинский 2008 — В. С. Брыжинский. Мордовские народные игры. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2009.

Васильев 1926 — В. М. Васильев (Ӱпымарий). Марий мутэр: турлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ книга = Сравнительный словарь наречий марийского языка. М.: Центральное издательство народов СССР, 1926 [на обложке — 1928].

Вершинин 2011 — В. И. Вершинин. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.

Всеволодский-Гернгросс и др. (сост.) 1933 — В. Н. Всеволодский-Гернгросс, В. С. Ковалева, Е. И. Степанова (сост.). Игры народов СССР. М.; Л.: Academia, 1933.

Галяутдинов 2002 — И. Г. Галяутдинов. Башкирские народные детские игры (на русском и башкирском языках). Кн. первая. Уфа: Китап, 2002.

Ганиев (ред.) 2002 — Ф. А. Ганиев (ред.). Татарско-русский словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Городские диалекты — Лингвофорум «Городские диалекты» (электронный ресурс). Тема «Салки — пятнашки — ?» (создал Г. И. Романий 24.08.2014). URL: https://lingvoforum.net/index.php?topic=71284.0 (дата обращения 28.07.2021).

Гөрләмеш — Гөрләмеш (уен). Описание татарской игры в Татарской Википедии. URL: https://tt.wikipedia.org/wiki/Гөрләмеш_(уен) (дата обращения 29.11.2021).

ДК Акбашева — Видеозапись башкирской игры *Күгәрсен* ‘Голуби’ в ДК д. Акбашева Аргаяшского р-на Челябинской обл., публикация 31.11.2021 г. в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/club118595498?z=video-118595498_456239239%2Fcf79d05407a6d66e58%2Fpl_wall_-118595498 (дата обращения 25.11.2021).

Иванов, Тужаров 1971 — И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971.

Китиков 1993 — А. Е. Китиков. Модыш — уш погыш: марий калык модыш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993.

Ключева 2012 — М. А. Ключева. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012.

Ключева 2014 — М. А. Ключева. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Изд. второе, исправленное и дополненное. М: Форум; Неолит, 2014.

КЛМЯ — Корпус лугового марийского языка (электронный ресурс). URL: http://meadow-mari.web-corpora.net (дата обращения 28.07.2021).

КМЯ — Корпус марийского языка / МарНИИЯЛИ (электронный ресурс). URL: http://corp.marnii.ru (дата обращения 28.07.2021).

МКАУ — Марийский корпус / Арктический университет (Норвегия) (электронный ресурс). URL: http://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en&stats_reduce=word&cqp=%5B%5D (дата обращения 28.07.2021).

МНИ — Марийские народные игры = Марий калык модыш / автор-сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021. (Серия «Свод марийского фольклора») // Архив МарНИИЯЛИ, оп. 3, д. 449.

Иванов (отв. ред.) 2011 — И. Г. Иванов (отв. ред.). Марий орфографий мутер (=Марийский орфографический словарь). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.

Левкиевская 2009 — Е. Е. Левкиевская. Полудница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 154–156.

Мельниченко (науч. ред.) 1986 — Г. Г. Мельниченко (науч. ред.). Ярославский областной словарь (К–Лиова): учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1986.

Мушкина 2011 — Н. В. Мушкина (сост.). Песни луговых мари. Ч. 1. Обрядовые песни. (Свод марийского фольклора). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.

МФЭ — Материалы фольклорных экспедиций // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: https://ruscorpora.ru/new/search-main.html (дата обращения 28.07.2021).

НРФ — Научный рукописный фонд // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).

Покровский 1895 — Е. А. Покровский. Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1895 = Репринт Санкт-Петербург: Историческое наследие, 1994.

П. П. 1902 — П. П. Некоторые игры в с. Маяках Херсонской губернии. Материалы к изучению игры // Киевская старина. 1902. Т. 78. Сентябрь. С. 401–407.

Одар 1929 — И. Одар. Таргылтыш. Моско: ССР ушэм калык-влак рӱдӧ савыктыш (Книжная фабрика Центрального издательства народов СССР), 1929.

Одар 1962 — И. Одар. Леший / в рус. переводе В. Б. Муравьева. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962.

РУС — Русско-удмуртский словарь (электронный ресурс). URL: http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/perevodzik.php (дата обращения 28.07.2021).

Саваткова 1981 — А. А. Саваткова. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1981.

Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.

Семенов 1887 — Т. Семенов. К вопросу о родстве и связи Мери с Черемисами // гр. Уварова (ред.). Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1891. С. 228–258.

СМЯ I — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990.

СМЯ II — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992.

СМЯ III — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1994.

СМЯ IV — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. IV. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998.

СМЯ VII — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. VII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2002.

СМЯ VIII — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. VIII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003.

СРНГ XVI — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980.

СРНГ XXII — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л.: Наука, 1987.

СРНГ XXV — Ф. П. Сороколетов (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л.: Наука, 1990.

Троицкий 1894 — В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь. Казань: Типо-литография Императорскаго Университета, 1894.

ЧРС — Чувашско-русский словарь // Электронлă сăмахсар = Электронные словари (электронный ресурс). URL: http://samahsar.chuvash.org (дата обращения 28.07.2021).

Шагапова 2010 — Г. Р. Шагапова. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.

Эпин 1935 — С. Г. Эпин. Горно-марийско-русский словарь = Кырык-марла дӓ рушла сирӹм шамак книга. Козьмодемьянск: Типография Гормариздата, 1935.

Ямде лий (=Будь готов), детская газета на марийском языке. 1991, 25 мая. № 21 (1965).

Beke IV_8 — Ö. Beke. Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV_8. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2001.

Beke IV_9 — Ö. Beke. Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV_9. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2001.

Moisio, Saarinen 2008 — A. Moisio, S. Saarinen. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008.

Wichmann 1931 — Y. Wichmann Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen (Suomalais-Ugrilainen Seura. Vol. 59). Helsinki, 1931.

References

Akhmetyanov 2015 — R. G. Akhmetyanov. *Tatar teleneŋ etimologik syzlege = Etimologicheskiy slovar tatarskogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Tatar language. In 2 vol. Vol. 1]. Kazan: Magarif — Vakyt, 2015.

Devitsyn 1991 — V. A. Devitsyn. Proyavleniya finno-ugorskogo substrata v leksike i fonetike russkikh govorov Nizhegorodskoy oblasti [Manifestations of Finno-Ugrian substrate in lexicon and phonetics of the Russian dialects of the Nizhny Novgorod region]. *Linguistica Uralica.* Vol. XXVII. 1991. No. 4. P. 272–275.

Fedotov 1996a — M. R. Fedotov. *Etimologicheskiy slovar chuvashskogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 1]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.

Fedotov 1996b — M. R. Fedotov. *Etimologicheskiy slovar chuvashskogo yazyka. V 2 t. T. 2* [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 2]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.

Gordeyev 1970 — F. I. Gordeyev. O pozdnikh sarmatskikh zaimstvovaniyakh v vostochnofinskikh yazykakh [About late Sarmatian borrowings in East Finnish languages]. I. S. Galkin (ed.). *Voprosy finno-ugrovedeniya*. [Problems of Fino-Ugric studies]. Iss. V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History Press, 1970. P. 8–14.

Gordeyev 1979 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskiy slovar mariyskogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Mari language. In 2 vol. Vol. 1]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1979.

Gordeyev 1982 — F. I. Gordeyev. Slova detskoy rechi kak predmet istoriko-etimologicheskikh razyskaniy [Words of child speech as a subject of historical and etymological research]. *Voprosy mariyskogo yazyka (Trudy Mariyskogo nauchno-issledovatelskogo instituta yazyka, literatury i istorii.* Vyp. 53) [Problems of Mari language. (Transactions of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Iss. 53)]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language Literature and History Press, 1982. P. 81–96.

Gordeyev 1983 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskiy slovar mariyskogo yazyka. V 2 t. T. 2*. [Etymological dictionary of the Mari language. In 2 vol. Vol. 2]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1983.

Isanbayev 1994 — N. I. Isanbayev. *Mariysko-tyurkskiye yazykovyye kontakty. Ch. 2. Slovar tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Pt. 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language Literature and History Press, 1994.

Kazantsev 1980 — D. E. Kazantsev. K voprosu o meste i vremeni proniknoveniya iranskikh slov v drevnemariyskiy yazyk [On the question of place and time of Iranian words penetration into the Old Mari language]. N. I. Isanbayev (ed.). *Voprosy mariyskogo yazyka. Voprosy grammatiki i leksikologii* [Problems of Mari language. Topics in the study of grammar and lexicology.]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History Press, 1980. P. 90–119.

Klyucheva 2013 — M. A. Klyucheva. K sravnitelnomu izucheniyu russkoy, finno-ugorskoy, tyurkskoy igrovoy terminologii (o nekotorykh churaniyakh v pryatkakh) [A comparative study of Russian, Finno-Ugric, Turkic game terminology revisited on some exclamation formulas in hide-and-seek)]. L. I. Fedotova (ed.). *Finno-ugorskaya muzykalnaya kultura i sovremennyy mir: Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 7–9 noyabrya 2012 g.* [Finno-Ugric musical culture and the modern world: Abstracts of the International scientific conference on November 7–9, 2012]. Kazan: Kazan State Conservatory Press, 2013. P. 146–153.

Klyucheva 2015 — M. A. Klyucheva. K etimologii mariyskoy igry mituli [Towards the etymology of a Mari game mituli]. *Voprosy yazykoznaniya.* 2015. No. 4. P. 37–59.

Klyucheva 2016a — M. A. Klyucheva. K genezisu mariyskoy igry «klek» [Towards the genesis of a Mari game “klyok”]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy.* 2016. No. 4 (14). P. 119–128.

Klyucheva 2016b — M. A. Klyucheva. Mariyskaya igra v sharka (sharkála modmásh) v kontekste igrovoy kultury narodov Uralo-Povolzhya [The Mari game of sharka (sharkala modmash) in the context of the game culture of the peoples of the Ural-Volga region]. A. E. Zagrebin (ed.). *Poliyetnicheskiy mir Yevrazii: problemy vzaimovospriyatiya* [The multiethnic world of Eurasia: problems of mutual perception]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2016. P. 444–448.

Levitskaya (ed.) 1989 — L. S. Levitskaya (ed.). *Etimologicheskiy slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvy «zh’», «zh», «y»* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Türkic and inter-Türkic bases for the letters “ж (zh’)”, “ж (zh)”, “й (y)”]. Moscow: Nauka, 1989.

Lytkin, Gulyaev 1970 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. *Kratkiy etimologicheskiy slovar komi yazyka* [A consile etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.

Romaniy 2013 — G. I. Romaniy. Formuly-vosklitsaniya v detskikh igrakh: pryatki i «kamen, nozhnitsy, bumaga» [Exclamation formulas in children's games: "hide-and-seek and rock-paper-scissors"]. *Zhivaya starina*. 2013. No. 4. P. 14–17.

Semin 2012 — V. A. Semin. Detskiy folklor s. Dubrovichi Ryazanskoy oblasti [Children's folklore, village of Dubrovichi, Ryazan' region]. A. S. Kargin (ed.). *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo vserossiyskogo kongressa folkloristov: sbornik dokladov.* T. 4. [From congress to congress. Materials of the Second All-Russian congress of folklorists: a collection of reports. Vol. 4]. Moscow: State National Center of the Russian Folklore Press, 2012. P. 291–298.

Shaposhnikov (comp.) 2010 — A. K. Shaposhnikov (comp.). *Etimologicheskiy slovar sovremennogo russkogo yazyka. V 4 t. T.* 2. [Etymological dictionary of the Modern Russian Language. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow: Flinta; Nauka, 2010.

Tolstoy 1995 — N. I. Tolstoy. Chur i chush [Chur and chush]. N. I. Tolstoy. *Yazyk i narodnaya kultura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995. P. 364–370.

Trubachev (ed.) 1977 — O. N. Trubachev (ed.). *Etimologicheskiy slovar slavyanskih yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. T. 4* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical corpus. Vol. 4]. Moscow: Nauka, 1977.

Vasmer I — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 1]. (A–D). Moscow: Progress, 1986.

Vasmer III — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 3* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 3] (Muza–Syat). Moscow: Progress, 1987.

Vasmer IV — M. Vasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 4* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 4] (T–Yashchur). Moscow: Progress, 1987.

Vershinin 2017 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskiy slovar). V 2 t. T. 1* [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 1]. Yoshkar-Ola: String, 2017.

Vershinin 2018 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozhdeniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskiy slovar). V 2 t. T. 2.* [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 2]. Yoshkar-Ola: String, 2018.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 163–177
DOI 10.30842/alp23065737182163177

A note on Greek πρυλέες ‘foot-soldiers’ and πρύλις ‘pyrrhic’

Daniel Kölligan
Julius-Maximilians-Universität Würzburg (Würzburg, Germany);
daniel.koelligan@uni-wuerzburg.de

Abstract. The Greek noun πρυλέες, attested five times in the *Iliad*, appears to denote foot-soldiers as opposed to charioteers and warriors fighting from the chariot. Already in antiquity it was interpreted as a synonym of πρόμαχος ‘champion’, based especially on the apparently similar use of the words in *Il*. 21.90 and *Il*. 20.410. Beside this, the noun πρύλις denotes a war-dance, the πυρρίχη, attested in Callimachus *Jov.* 52, where it describes the dance of the Curetes on mount Ida in Crete: they beat their shields in order to prevent that hostile Kronos hear the cry of the infant Zeus. In a similar way, πρύλις describes the war-dance of the Amazons around the image of Artemis in Ephesus (Call. *Dian*. 240). Evidence from scholia seems to indicate that Aristotle knew the term πρύλις as describing a ritual funeral dance for a dead king on Cyprus.

The paper assumes that both nouns may go back to a common root PIE **preu̯-* ‘to jump’ found also in Vedic *prav-*, Germanic **frawa-*, cf. ON *frár* ‘swift, lightfooted’, OHG *frō* ‘cheerful’ (from ‘jumping for joy, frolicking’) and Russian *pryt’* ‘to rush, run quickly’. The meaning of πρύλις ‘war-dance’ may immediately derive from a root meaning ‘to jump’. In the case of the πρύλεες it is noteworthy that the term occurs in contexts where the warriors jump down from their chariots in order to continue fighting on foot, joining the πρόμαχοι. Alternatively, the term may simply have denoted ‘nimble, lightfooted’ soldiers.

Πρύλεες could belong to an *s*-stem *πρυλής or a *u*-stem *πρυλύς. Since *s*-stem adjectival simplicia are rare and often backformations from compounds of the type Greek εὐμενής, Vedic *sumánas-*, it seems more likely that there was a *u*-stem adjective **prulú-* ‘jumping’ with the suffix **-lu-* also found in θῆλυς ‘female’, Ved. (AV) *dhārú-* ‘suckling’. In turn, the noun πρύλις ‘war dance, pyrrhic’ may derive from an adjective **pruló-* ‘jumping’ from which the noun **pruli-* was derived similar to cases like Lat. *rāuus* ‘hoarse’: *rāuuis* ‘hoarseness’.

© Daniel Kölligan, 2022

Keywords: Ancient Greek language, Homeric language, Proto-Indo-European, etymology, nominal derivation, ancient warfare.

Acknowledgments. I would like to thank J. L. García Ramón (Cologne), R. Ginevra (Milan), P. Kocharov (Würzburg) and J.-N. Linnemeier (Würzburg) for their helpful comments on earlier versions of this paper. All remaining mistakes are of my own responsibility. Translations of Greek literary examples are taken from the Loeb series (Harvard University Press).

Заметка о древнегреческих словах πρυλέες ‘пехотинцы’ и πρύλις ‘пиррихий (военный танец)’

Даниэль Кёллиган

Вюрцбургский университет (Вюрцбург, Германия);
daniel.koelligan@uni-wuerzburg.de

Аннотация. В работе высказывается гипотеза о происхождении слова πρυλέες и его этимологической связи с существительным πρύλις. Гр. πρυλέες ‘пешие солдаты, пехотинцы’ может восходить к прилагательному **prulú-*, образованному от **preu̯-* ‘прыгать’ (ср. вед. *prav-*, Gmc. **frawa-*, рус. *прыть*) с помощью суффикса **-lu-*, также встречающегося в θῆλυς ‘женщина’, вед. (AV) *dhārú-* ‘сосунок’. Существительное πρύλις ‘военный танец, пиррихий’ может восходить к **pruli-*, образованному от прилагательного **pruló-* ‘прыгающий’, ср. лат. *rāuus* ‘хриплый’: *rāuuis* ‘хрипота’.

Ключевые слова: древнегреческий язык, гомеровский язык, праиндоевропейский язык, этимология, именная деривация, древние войны.

Благодарности. Выражаю благодарность Х. Л. Гарсиа Рамону (Кёльн), Р. Джиневре (Милан), П. Кочарову (Вюрцбург) и Я.-Н. Линнемейеру (Вюрцбург) за полезные комментарии к более ранним версиям этой статьи. Всю ответственность за возможные ошибки беру на себя. Переводы греческих литературных примеров взяты из серии Loeb (Harvard University Press).

1. Usage and meaning

1.1. The noun πρυλέες is attested five times in the *Iliad* and seems to denote foot-soldiers as opposed to charioteers and warriors fighting from the chariot in the following passages:

(1) Ἠνιόχῳ μὲν ἔπειτα ἑῷ ἐπέτελλεν ἕκαστος
ἵππους εὖ κατὰ κόσμον ἐρυκέμεν αὖθ' ἐπὶ τάφρῳ,
αὐτοὶ δὲ **πρυλέες** σὺν τεύχεσι θωρηχθέντες
ῥώοντ'· ἄσβεστος δὲ βοὴ γένετ' ἠῶθι πρό.
'Then on his own charioteer each man laid the charge to hold in his horses all in good order there at the trench, but they themselves *on foot*, arrayed in their armor, rushed swiftly forward, and a cry unquenchable rose up before the face of Dawn.' (*Il.* 11.47)[1]

(2) ἵππους μὲν θεράποντες ἐρυκόντων ἐπὶ τάφρῳ,
αὐτοὶ δὲ **πρυλέες** σὺν τεύχεσι θωρηχθέντες
Ἕκτορι πάντες ἑπώμεθ' ἀολλέες
'As for the horses, let the attendants hold them back by the trench, but ourselves *on foot*, arrayed in our armor, let us follow all in one throng after Hector.' (*Il.* 12.76)

It is apparently used in this sense in the following two passages, too:

(3) … Αἴας δ' ἕλε Λαοδάμαντα
ἡγεμόνα **πρυλέων** Ἀντήνορος ἀγλαὸν υἱόν
'Aias slew Laodamas, the leader of the *foot soldiers*[2], the glorious son of Antenor.' (*Il.* 15.516)

(4) ἐν δ' Ἄρεος βλοσυροῖο ποδώκεες ἕστασαν ἵπποι
χρύσεοι, ἐν δὲ καὶ αὐτὸς ἐναρσφόρος οὔλιος Ἄρης,

[1] Schol. A remarks: φανερῶς πρυλέες οἱ πεζοί· ἀντιδιέσταλκε γὰρ τοὺς ἱππεῖς 'The p. are evidently infanterists, since he contrasts them with the cavalrymen', cf. [Trümpy 1950: 178].

αἰχμὴν ἐν χείρεσσιν ἔχων, **πρυλέεσσι** κελεύων
'Upon it stood the swift-footed horses of grim Ares, made of gold, and upon it too was spoil-bearing, dire Ares himself, holding a spear in his hands, giving orders to the *foot soldiers*[2].' (Hes. *Sc*. 192–193)

Less clear is the description of Athena's helmet in *Il*. 5.743 which is mostly interpreted as 'fitted with depictions of warriors / foot-soldiers from a hundred cities':

(5) κρατὶ δ' ἐπ' ἀμφίφαλον κυνέην θέτο τετραφάληρον
χρυσείην, ἑκατὸν πολίων **πρυλέεσσ**' ἀραρυῖαν
'And on her head she
set the helmet with two ridges and with bosses four, made of gold, and fitted with the *foot soldiers* of a hundred cities.' [2]

Already in antiquity the term was interpreted as a synonym of πρόμαχοι, cf. from the scholia vetera on *Il*. 5.744:

(6) πρυλέες δὲ ὁπλῖται ἢ **πρόμαχοι** ἢ ἀθρόοι
'P. means 'hoplites' or 'champions' or 'assembled'.'

This view was taken up in modern studies e.g. by Hermann [1831: 290] and Trümpy [1950: 178–179]. Hermann notes:

(7) πρυλέες *proprie dicti videantur praesules sive praesultores, qui ante caeteros progressi saltationem cum armis praeirent.*
'P. seems to be the term for those who leap before others, who preceded the other soldiers and performed a war dance.'

He compared two references to Achilles' killing of Polydorus, one of Priam's sons, which seem to speak in favour of an equation of πρυλέες with πρόμαχοι: [3]

[2] Cf. Schadewaldt's translation: 'Auf das Haupt setzte sie den viergebuckelten Helm mit zwei Backenstücken / Den goldenen, mit den *Kämpfern* von hundert Städten versehen.'

[3] Hermann's explanation of πρυλέες from πρό and λαός, i.e. 'those who are in front of the army' is of course impossible.

(8) ἤτοι τὸν πρώτοισι μετὰ **πρυλέεσσι** δάμασσας
ἀντίθεον Πολύδωρον, ἐπεὶ βάλες ὀξέϊ δουρί
'The one you vanquished among the foremost *foot soldiers*, godlike Polydorus, when you had struck him with a cast of your sharp spear.' (*Il.* 21.90)

(9) δὴ τότε νηπιέῃσι ποδῶν ἀρετὴν ἀναφαίνων
θῦνε διὰ προμάχων, εἶος φίλον ὤλεσε θυμόν.
τὸν βάλε μέσσον ἄκοντι ποδάρκης δῖος Ἀχιλλεὺς
νῶτα παραΐσσοντος
'Then in his foolishness, showing off his fleetness of foot, *he was rushing through the foremost fighters* until he lost his life. Swift-footed noble Achilles struck him square on the back with a cast of his spear as he darted past.' (*Il*. 20.410)

1.2. The noun πρύλις 'πυρρίχη, war-dance' is found in Callimachus, it describes (ex. 10) the war-dance of the Curetes on mount Ida on Crete, beating their shields so that Kronos may not hear the cries of baby Zeus and (ex. 11) the dance of the Amazons around the image of Artemis in Ephesus:

(10) οὖλα δὲ Κούρητές σε περὶ **πρύλιν ὠρχήσαντο**
τεύχεα πεπλήγοντες ἵνα Κρόνος οὔασιν ἠχὴν
ἀσπίδος εἰσαΐοι καὶ μή σεο κουρίζοντος.
'And lustily round thee *danced* the Curetes *a war-dance*, beating their armour, that Cronus might hear with his ears the din of the shield, but not thine infant noise.' (Call. *Jov*. 52)

(11) αὐταὶ δ', Οὖπι ἄνασσα, περὶ **πρύλιν ὠρχήσαντο**
πρῶτα μὲν ἐν σακέεσσιν ἐνόπλιον, αὖθι δὲ κύκλῳ
στησάμεναι χορὸν εὐρύν
'They themselves, O Upis Queen, around the image *danced a war-dance* — first in shields and in armour, and again in a circle arraying a spacious choir.' (Call. *Dian.* 240)

Πρυλεῖς and πρύλις are explained in Schol. T on *Il*. 23.130 (= Arist. *frg*. 519.9 [Rose]) and in a scholion to Pi. *P*. 2.127 [Drachmann] as follows:

(12) Ἀριστοτέλης φησὶ τοὺς **πρυλεῖς** Ἀχιλλέως <εὕρημα>. τοὺς δὲ Ἀχαιοὺς τὸν νόμον εἰς Κύπρον κομίσαι· τῶν γὰρ βασιλέων κηδευομένων αὐτὸς προηγεῖται πυρριχίζων ὁ στρατός.
'Aristotle says that the *pryleis* are an invention of Achilles and that the Achaeans brought this custom to Cyprus. For at the ceremony of mourning for a dead king the army carries out a dance in full armour leading the procession.'

(13) Ἀριστοτέλης δὲ πρῶτον Ἀχιλλέα ἐπὶ τῇ τοῦ Πατρόκλου πυρᾷ τῇ πυρρίχῃ κεχρῆσθαι, ἣν παρὰ Κυπρίοις φησὶ **πρύλιν** λέγεσθαι, ὥστε παρὰ τὴν **πυρὰν** τῆς **πυρρίχης** τὸ ὄνομα θέσθαι.
'Aristotle says that Achilles was the first to have staged a dance in full armour, namely at the pyre of Patroclus, and that this is called *prylis* by the Cypriotes, hence dance *pyrrhiche* is called after the *pyre*.'

With Lorimer [1938: 130] this may be taken to show that Aristotle was "describing a contemporary practice at royal funerals in Cyprus", and Callimachus may have known πρύλις as a Cretan γλῶσσα. One may add Eustathius' note on *Il*. 12.78 (3.357.6) which states that the term was used in Gortyn:

(14) **Πρυλέες** δὲ οἱ ἐν μάχῃ πεζοὶ κατὰ γλῶσσαν Γορτυνίων, ὥς φασιν οἱ παλαιοί
'*P.* are the foot-soldiers in battle in the language of the people of Gortyn, as the ancients say.'

Taken together, these data seem to point to a noun πρύλις 'war-dance' and the likely related form πρυλέες 'foot-soldiers, warriors' and maybe 'champion, πρόμαχος'. The Hesychian gloss προυλέσι· πεζοῖς ὁπλίταις may show the Arcado-Cypriot (or Cretan or Boeotian) spelling for πρυλέσι.[4]

[4] Cf. Boeot. τούχα (e.g. IG VII 3302 from Chaironeia τούχαν ἀγαθάν, beside τιούχα, cf. [Thumb, Scherer 1959: 23] for Attic τύχη, Cypr. βρούχετος 'frog' (Hesych. βρούχετος· βάραθρον. βάτραχον δὲ Κύπριοι, cf. βέβρυχα 'roars, bellows', cf. also [Egetmeyer 2010: 1.96]). Cf. [Lorimer 1938: 129; Trümpy 1950: 179; Ruijgh 1957:

2. Derivation

2.1. An inner-Greek explanation for πρύλις as related to the (otherwise unclear) πρυλέες has been proposed by Leumann [1950: 286–287] who hypothesized that *Il*. 11.49–50 πρυλέες σὺν τεύχεσι … |ῥώοντ' 'the foot-soldiers in arms rushed off' was secondarily connected with *Od*. 24.69 τεύχεσιν ἐρρώσαντο which describes the war-dance performed in honour of Achilles and with the ἡγεμὼν πρυλέων in *Il*. 15.516 reinterpreted as the 'leader of the war-dancers', which, adopted to the Cretan dialect as ἀγεμὼν πρυλίων, in turn could be understood as 'leader of the war-dances' from which the sg. πρύλις would have been back-formed. The basic motivation for this chain of hypotheses that has not found general approval[5] is the semantic difference between the 'armed foot-soldiers' on the one hand and 'war-dance' on the other.[6]

2.2. A common semantic starting point for both meanings could be a root meaning 'to jump' or 'to rush, move quickly'. This might both explain πρύλις 'dance in armour' and allow a derivation of the use of πρυλέες as found in the *Iliad*: one of its contexts is that of the warrior jumping down from his chariot in order to continue fighting on foot, as seen in ex. (1) and (2) above. One may compare the following passage, where Menelaos jumps down from his chariot and advances on foot as a πρόμαχος, with *Il*. 12.76 (ex. 2) given here again with more context:

(15) ὣς ἐχάρη Μενέλαος Ἀλέξανδρον θεοειδέα
ὀφθαλμοῖσιν ἰδών· φάτο γὰρ τίσεσθαι ἀλείτην·
αὐτίκα δ' ἐξ ὀχέων σὺν τεύχεσιν **ἅλτο χαμᾶζε.**

96–97]. Less likely [Beekes 2010: 1241]: "In view of the formal variant προυλέσι, the word is probably of Pre-Greek origin."

[5] Cf. e.g. [Ruijgh 1957: 97; Frisk 1960–1972: II.605; Chantraine 2009: 909; Beekes 2010: 1242].

[6] [Leumann 1950: 287]: "Wie sind πρύλις 'Waffentanz' und πρυλέες 'bewaffnete Kämpfer zu Fuß' nach Bedeutung und Verbreitung auf einen Nenner zu bringen?", cf. also [Trümpy 1950: 179].

Τὸν δ‘ ὡς οὖν ἐνόησεν ᾽Αλέξανδρος θεοειδὴς
corr. ἐν **προμάχοισι** φανέντα, κατεπλήγη φίλον ἦτορ,
ἂψ δ‘ ἑτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ‘ ἀλεείνων.
‘So was Menelaus glad when his eyes beheld godlike Alexander; for he thought that he had got his revenge on the one who had wronged him. And immediately he leapt in his armor from his chariot to the ground. But when godlike Alexander caught sight of him as he appeared among *the champions*, he was panic-stricken at heart, and he drew back into the throng of his comrades, avoiding fate.’ (*Il.* 3.27)

(16) ἵππους μὲν θεράποντες ἐρυκόντων ἐπὶ τάφρῳ,
αὐτοὶ δὲ **πρυλέες** σὺν τεύχεσι θωρηχθέντες
Ἕκτορι πάντες ἑπώμεθ‘ ἀολλέες· αὐτὰρ Ἀχαιοὶ
οὐ μενέουσ‘ εἰ δή σφιν ὀλέθρου πείρατ‘ ἐφῆπται.
Ὣς φάτο Πουλυδάμας, ἄδε δ‘ Ἕκτορι μῦθος ἀπήμων,
αὐτίκα δ‘ ἐξ ὀχέων σὺν τεύχεσιν ἆλτο χαμᾶζε.
“As for the horses, let the attendants hold them back by the trench, but ourselves *on foot*, arrayed in our armor, let us follow all in one throng after Hector; and the Achaeans will not withstand us, if the coils of destruction have been fastened on them.’ So spoke Polydamas, and his prudent words were well pleasing to Hector, and immediately he leapt in his armor from his chariot to the ground.’ (*Il*. 12.76)

The correspondence of πρυλέες σὺν τεύχεσι (θωρηχθέντες) and σὺν τεύχεσιν ἆλτο (χαμᾶζε) may be taken to indicate that πρυλέες means something similar to ἄλλομαι, i.e. ‘one who jumps, leaps (forward)’, and ‘ἄλλομαι σὺν τεύχεσι’ might also be a fitting description for πρύλις. Séchan [1930: 90] assumes that weapon dances before and after battle and at funeral rites had an apotropaic function originally and were meant to discourage the enemy or dispel the spirits of the warriors slain on the battlefield (if the dance was performed after battle), or, in the case of a funeral, any evil spirit that might interfere with the ritual and cause unrest for the deceased person. The performance of a weapon dance as a commemoration of the feats of the dead person would be

secondary to this.[7] As for πρυλέες, the term seems to describe a group of warriors that joins that of the πρόμαχοι on foot. This may account for the scholia explaining πρυλέες as a synonym of this word[8] and may be related to the fact that the Homeric heroes used the chariot for moving fast on the battlefield rather than for fighting. Hence, the πρυλέες might be understood as ἱππῆες temporarily becoming πεζοί.[9] The expression 'leader of the p.' as in *Il*. 15.516 Λαοδάμαντα / ἡγεμόνα πρυλέων (ex. 3) and probably also the Hesychian gloss quoted above (προυλέσι· πεζοῖς ὁπλίταις) might imply the existence of a special unit of the army and not an *ad hoc* group of fighters intermediate between ἱππῆες and πεζοί, later identified with the latter.

Alternatively, the term may have described the warriors as 'nimble, lightfooted' in general (assuming a semantic shift from 'jumping' to 'nimble'). Its use in the situations described above would then be less relevant for its etymology.

2.3. External comparative data may tip the balance in favour of the former assumption, however, arguing for an original meaning 'to jump': one may compare Gmc. **frawa-* 'quick, nimble' found in ON *frár* 'swift, lightfooted' and OHG *frō* 'cheerful, happy' (*'jumping for joy, frolicking')[10] from a virtual **prou̯o-* with the Ved. present stem *prav-a-* 'to jump'

---

[7] Cf. also [Delavaud-Roux 1993: 52]: "Au départ, les danses effectuées en armes, lors d'un enterrement, ont un rôle surtout magique. Ce n'est que beaucoup plus tard qu'interviendra le sens en usage à l'époque classique : exécution devant le défunt des danses guerrières pour rappeler ses exploits passés ou lui rendre les honneurs d'une parade guerrière."

[8] Cf. [Trümpy 1950: 179]: „Es läßt sich denken, daß das Wort zunächst den Krieger bezeichnet hat, welcher auf dem Wagen in die Schlacht fuhr; der ist einerseits meist vorn im Kampf und bildet anderseits einen Gegensatz zum Wagenführer, da er ja nicht auf dem Wagen bleibt, sondern als 'Infanterist' kämpft."

[9] Cf. [Wiesner 1968: F27]: „Die vor Troja kämpfenden Wagenritter ⟨…⟩ springen in der Nähe ihres Gegners ab, um diesen aus dem Wagen zu werfen oder im Nahkampf zu Fuß mit Lanze und Schwert zu überwinden."

[10] Cf. [EWAhd 589–90; Kroonen 2013: 153]. An alternative analysis of the Gmc. forms is **pro-u̯o-* '(going) forth, forthcoming', cf. e.g. [Heidermanns 1993: 211–212]: "vorwärts drängend", [Nussbaum 2014: 326], against this cf. [EWAhd 590].

and derivatives such as *plava-* and *plava-ga-* m. ‘going by leaps or plunges, frog, monkey, water-diving bird’. This allows the reconstruction of a root **preu̯-* which probably meant ‘to jump’ and which has also been assumed to be continued in Russ. *pryt’* ‘rush (n.), running quickly’.[11] It is from this root that the Greek set of words under discussion may derive, too.[12]

---

[11] Cf. [LIV² 493; Vasmer 1953: II.453], cf. also Russ. *prýtkij* ‘quick, agile’. The long root vowel is probably secondary, cf. the secondary lengthening in Russ. *prýskat’* ‘sprinkle’, Cz. *prýskati* beside Cz. *prskati* ‘splutter’ (**prъskati*) from PIE **preu̯s-*, cf. [LIV² 493–494; Derksen 2008: 423].

[12] In Vedic the forms belonging to *pru-* ‘jump’ are not always distinguishable from those of *plu* ‘to swim, float’. The Rig-Vedic hapax in RV 4.58.8ab *abhí* ***pravanta*** *sámaneva yóṣāḥ / kalyāṇíyaḥ smáyamānāso agním* is taken by [Jamison, Brereton 2014] as belonging to *plav* (“They **float** — like lovely young women to (marriage) assemblies — smiling, to Agni.”), while Hoffmann (1967: 130) took it as belonging to *prav* („Sie *eilen* ⟨…⟩ wie schöne Mädchen zu Zusammenkünften lächelnd zu Agni hin.“), followed by Gotō [1987: 211–212]). Also the verbal adjective *vipruta-* is ambiguous, RV 1.116.24c *víprutaṁ rebhám udáni právr̥ktam* “Rebha, who **bobbed** and twisted in the water” [Jamison, Brereton 2014] or “Den Rebha, … *auseinander gegangen*, ins Wasser geworfen” (Geldner), RV 1.117.4 *áśvaṁ ná gūḷhám aśvinā durévair / r̥ṣiṁ narā vr̥ṣaṇā rebhám apsú / sáṁ táṁ riṇītho* ***víprutaṁ*** *dáṁsobhir* “O Aśvins — you men, you bulls — by your wondrous powers you draw / back together the seer Rebha, who **bobbed away** in the waters, / like a horse hidden by those of evil ways.” [Jamison, Brereton 2014] or “Den Rishi Rebha, der von Bösewichten wie ein Roß versteckt im Wasser lag, o bullengleiche Herren Asvin, den füget ihr mit Meisterkünsten wieder zusammen, da er schon *auseinander gegangen* war.” [Geldner]). However, forms attested in later texts speak in favour of a root *pru* ‘to jump’, cf. ṢaḍvB 1.6.9 *āpupruve* ‘has jumped’ (said about a monkey who jumped onto a tree, cf. [Gotō 1987: 213]), ŚB 9.5.1.27 *(a)surā ápa pupruvire* ‘the Asuras jumped down’ (cf. [Kümmel 2000: 328]: the perfect is probably a late formation based on the present *prav-a-*, a perfect for ‘jump’ is not likely to be old, as it does not imply a resulting state of the subject), MS 2.1.11[P]: 12, 19 *sa etā vipruṣo ‘janayata yā imāḥ skūyamānasya* ***vipravante*** “Then he created the sparks, those that *jump apart* when the fire is poked.” (cf. [Amano 2009: 466]: „da erzeugte er die Funken, das sind die (Funken) hier, die vom (Feuer) *auseinanderspringen*, wenn in ihm gestochert wird.“), MBh 7.102.87 (7.5196) (*athodbhrāmya gadāṃ bhīmaḥ kāladaṇḍam ivāntakaḥ / droṇāyāvasr̥jad rājan sa rathād* ***avapupluve*** ‘Bhīma, whirling a mace, like the destroyer himself whirling

The forms πρυλέες, πρυλέων and πρυλέεσσι could either belong to an *s*-stem *πρυλής or to a *u*-stem *πρυλύς.[13] Since *s*-stem adjectival simplicia are rare and often apparent backformations from compound forms of the inherited type εὐ-μενής, Ved. *su-mánas-* 'with a good mind',[14] one would probably have to assume an intermediate, unattested compound, something like **pro-prulḗs* 'jumping forward, attacking' as a πρόμαχος, cf. Lat. *prosilio* 'to jump forth/forward' and *praesul* 'dancer leading the procession of the Salii'. This makes the interpretation as a *u*-stem appear the less costly assumption. A suffix *-*lu-* may be reconstructed for the common ancestor of Gk. θῆλυς 'female' and Skt. *dhārú-* 'suckling' (a hapax in AV 4.18.2 *vatsó dhārúḥ* 'a sucking calf') < **d*^{h}*eh*$_1$*lú-*, cf. Lamberterie [1990: 895] on the probably secondary root accentuation of θῆλυς and on the polysemy of the root ('breastfeeding' and 'sucking'). In the light of other derivatives of this root in *-*l-* such as Gk. θηλή '(female) breast' and Lat. *fēlīx* 'fecund', **d*^{h}*eh*$_1$*lu-* may be analyzed as **d*^{h}*eh*$_1$*l-u-*. Comparable evidence for **prulu-* does not seem to be available. One might thus venture an early Greek adjectival formation **pru-lú-* 'jumping (forward)' (for the meaning cf. again Gmc. **frawa-* 'jumping, quick, nimble') beside the noun **pru-li-* '(act of) jumping, dance', which seems to presuppose an adjective in *-lo-* (**pruló-*) just like ὄκρις 'point, edge' derives from ἄκρος 'edgy, sharp' and Lat. *rāuuis* 'hoarseness' from *rāuus* 'hoarse', cf. [Balles 2006: 278] for more examples of this type, and in Greek τρέχω 'run', τρόχος 'race-course'/τροχός 'wheel', τρόχις 'messenger'. The Hesychian gloss πρυλεύσεις· ἐπὶ τῆς ἐκφορᾶς τῶν τελευτησάντων παρὰ τῷ ἱερεῖ, which apparently describes the funeral dance discussed in section 1, may chime in if it presupposes

his fatal rod, hurled it, o king, at Drona. Drona, however, had quickly *jumped down* from his car.' [Chandra Roy]). On the ambiguous compounds in *-pru-t-* 'jumping / floating' cf. [Scarlata 1999: 340–342].

[13] As argued e.g. by Schwyzer [1939: 572].

[14] Cf. [Meissner 2005: 206–210], e.g. ὀφελής 'advantageous' [*POxy*. II 237.8.15] from ἀνωφελής (A.+), Myc. *no-pe-re-a*$_2$ 'useless', [Nussbaum 2010] on τρανής 'clear'.

a verb *πρυλεύω which in turn is from a noun *πρυλεύς from *πρυλός, cf. ἵππος : ἱππεύς : ἱππεύω: [15]

(17) **pru-lú-* : πρυλέ(ϝ)ες
**pru-ló-* → *πρυλεύς, *πρυλεύω, πρυλεύσεις
→ πρύλις [16]

A comparable set of meanings is found in the root of PIE **sel-* [LIV² 527], i.e. 'to jump' in Gk. ἅλλομαι, Lat. *saliō*, 'to rush, move quickly' in Ved. RV 4.17.2d *saráyanta ā́paḥ* 'the waters ran [Jamison, Brereton 2014] /are rushing, die Gewässer entlaufen [Geldner], текут воды [Elizarenkova]' and 'to dance (the dance of war in full armour)' in the name of the Roman priesthood of the *Salii* with their leader, the *praesul*, mentioned above:

	'jump'	'quick; rush(ing)'	'dance (in armour)'
**preu̯-*	Ved. *prav-*, Gmc. **fraw-a-*	Gmc. **fraw-a-*	
	Gk. πρυλέες	Gk. πρυλέες[?]	Gk. πρύλις
**sel-*	Lat. *saliō*, Gk. ἅλλομαι	Ved. *saraya-*	*Salii*, *praesul* [17]

[15] Cf. also the numerous cases of agent nouns in -εύς beside stems in -ιδ-, which may derive from *i*-stems, such as γλυφίς 'notched end of an arrow', γλυφεύς 'carver', γραφίς 'stilus for writing', γραφεύς 'writer', δοκίς 'plank, shield', δοκεύς 'beam (of a roof)', κοπίς 'chopper, knife', κοπεύς 'pounding, carpetner', etc., cf. [Chantraine 1933: 338]).

[16] A similar co-occurrence of the suffixes **-lo-* and **-lu-* seems to be Gmc. **agla-* 'painful' (Goth. *agls**) and **aglu-* 'difficult' (Goth. *aglus**), cf. [Kroonen 2013: 4–5]. Gk. σκόλλυς, -υος [m.] 'type of haircut, in which a tuft of hair was left on the head' (cf. [Beekes 2010: 1356] might be understood as **skol-lu-* based on the *o*-grade in σκύλλω 'flay, rend, snatch' < **skol[H]i̯e/o-*, cf. for the latter form [Vine 1999: 566, 568], who assumes a hypocoristic gemination for σκόλλυς, cf. also [LIV² 552–553]. Other instances of suffixes in *-u-* beside *-o-* seem to be **-no/nu-* in OIr. *bán* (o) 'white, shining' < Protocelt. **bāno-* beside Ved. *bhānú-* 'beam of light', Av. *bānu-* 'id.', Gk. θρᾶνος 'seat, bench' (m., Att.) beside θρῆνυς (Hom.) 'stool', and maybe **-i̯o/i̯u-* in Ved. *vāyú-* 'wind' : Lith. *véjas* 'id.' If this implies a derivational relation **-Co-* > **-Cu-* **prulu-* might be based on **prulo-*.

[17] For further instances of this ritual, e.g. among Thracian, Germanic and Celtic tribes, cf. X. *Anab*. 6.1.5, Tacitus *Germ*. 24, Liv. 38.17 (*tripudia*; cf. [Schrader 1929:

Further similar polysemies are seen in (a) Gk. θρώσκω ‘to jump’ (*d^hr̥h_3sḱe/o-) and θοῦρος ‘quick, rushing’ (*d^horh_3u̯o-), (b) δίεμαι ‘rush; hunt’, διερός ‘quick’ and Latv. *diêt* ‘to dance’, (c) Lith. *šókti* ‘to jump; dance’ (*ḱeh_2k-) beside *šankùs* ‘quick’ (cf. [ALEW] s. v.).

References

ALEW = W. Hock, R. Fecht, A. H. Feulner, E. Hill, D. Wodtko. *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch. Version 2.0*, s. v. *šankùs*. Available at: https://alew.hu-berlin.de/dict/2338 (accessed 16.07.2021).

Balles 2006 — I. Balles. *Die altindische Cvi-Konstruktion : Form — Funktion — Ursprung*. Bremen: Hempen, 2006.

Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. *Etymological dictionary of Greek*. 2 vols. Leiden: Brill, 2010.

Chantraine 2009 — P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. histoire de mots*. Nouv. éd. Librairie Klincksieck. Paris: Klincksieck, 2009.

Delavaud-Roux 1993 — M.-H. Delavaud-Roux. *Les danses armées en Grèce antique*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 1993.

Derksen 2008 — R. Derksen. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill, 2008.

Drachmann 1903–1927 — A. B. Drachmann. *Scholia vetera in Pindari carmina*. 3 vols. Leipzig: Teubner, 1:1903; 2:1910; 3:1927 (repr. Amsterdam: Hakkert, 1:1969; 2:1967; 3:1966).

Egetmeyer 2010 — M. Egetmeyer. *Le dialecte grec ancien de Chypre*. Berlin: de Gruyter, 2010.

Elizarenkova 1999 — T. Elizarenkova. *Rigveda: Ṛgvēdasaṃhitā*. Moscow: Nauka, 1999.

EWAhd = A. L. Lloyd, O. Springer, R. Lühr. *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Band III. fadum — fûstslag*. Vandenhoeck & Ruprecht: Göttingen, 2007.

Frisk 1960–1972 — H. Frisk. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter, 1960–1972.

508–510]). On Indra as a dancer, *nr̥tú-*, in the context of battle cf. RV 1.130.7ab *bhinát púro navatím indra pūráve / dívodāsāya máhi dāśúṣe* ***nr̥to*** ‘You, Indra, split the ninety strongholds for Pūru, for Divodāsa the greatly pious, you *prancer*.’ [Jamison, Brereton 2014], cf. also [Hillebrandt 1891: III.173].

Geldner — K. F. Geldner. *Der Rig-Veda. Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen von Karl Friedrich Geldner.* Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Pr., 2003 [reprint].

Gotō 1987 — T. Gotō. *Die „I. Präsensklasse" im Vedischen : Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia*. Wien: Verl. d. Österreich. Akad. d. Wiss., 1987.

Heidermanns 1993 — F. Heidermanns. *Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive*. Berlin: de Gruyter, 1993.

Hermann 1831 — G. Hermann. *Opuscula*. Vol. 4. Lipsiae: Fleischer, 1831.

Hillebrandt 1891 — A. Hillebrandt. *Vedische Mythologie*. Breslau: W. Koebner, 1891.

Hoffmann 1967 — K. Hoffmann. *Der Injunktiv im Veda: eine synchronische Funktionsuntersuchung*. Heidelberg: Winter, 1967.

Jamison, Brereton 2014 = S. Jamison, J. P. Brereton. *The Rigveda : the earliest religious poetry of India*. 3 vols. New York: Oxford University Press, 2014.

Kroonen 2013 — G. Kroonen. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill, 2013.

Kümmel 2000 — M. Kümmel. *Das Perfekt im Indoiranischen: eine Untersuchung der Form und Funktion einer ererbten Kategorie des Verbums und ihrer Weiterentwicklung in den altindoiranischen Sprachen*. Wiesbaden: Reichert, 2000.

Lamberterie 1990 — Ch. de Lamberterie. *Les adjectifs grecs en -ys: sémantique et comparaison*. Louvain-La-Neuve: Peeters, 1990.

Leumann 1950 — M. Leumann. *Homerische Wörter*. Basel: Reinhardt, 1950.

LIV² = H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. *Lexikon der indogermanischen Verben : die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Wiesbaden: Reichert, 2001.

Lorimer 1938 — H. L. Lorimer. ΠΡΥΛΙΣ and ΠΡΥΛΕΕΣ. *The Classical Quarterly*. Vol. 1938. No. 32 (3/4). P. 129–132.

Meissner 2005 — T. Meissner. *S-Stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European: A Diachronic Study in Word Formation*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.

Nussbaum 2010 — A. J. Nussbaum. PIE -C*mn*- and Greek τρανής 'clear'. R. Kim, N. Oettinger, E. Rieken, M. Weiss (eds.). *Ex Anatolia Lux : Anatolian and Indo-European studies in honor of H. Craig Melchert on the occasion of his sixty-fifth birthday*. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2010. P. 269–277.

Nussbaum 2014 — A. J. Nussbaum. Greek τἐκμαρ 'sign' and τέκμωρ 'sign': Why both? N. Oettinger, Th. Steer (eds.). *Das Nomen im Indogermanischen. Morphologie, Substantiv versus Adjektiv, Kollektivum. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 14. bis 16. September 2011 in Erlangen.* Wiesbaden: Reichert, 2014. P. 215–260.

Rose 1886 — V. Rose. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Leipzig: Teubner, 1886 (repr. 1967).

Ruijgh 1957 — C. J. Ruijgh. *L'Elément achéen dans la langue épique*. Assen: Van Gorcum, 1957.

Scarlata 1999 — S. Scarlata. *Die Wurzelkomposita im Rg-Veda*. Wiesbaden: Reichert, 1999.

Schadewaldt 1975 — W. Schadewaldt. *Homer. Ilias*. Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1975.

Schrader 1929 — O. Schrader. *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Zweiter Band*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1929.

Schwyzer 1939 — E. Schwyzer. *Griechische Grammatik. Bd. 1: Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion*. München: Beck, 1939.

Séchan 1930 — L. Séchan. *La danse grecque antique*. Paris: de Boccard, 1930.

Thumb, Scherer 1959 — A. Thumb, A. Scherer. *Handbuch der griechischen Dialekte*. 2. ed. Heidelberg: Winter, 1959.

Trümpy 1950 — H. Trümpy. *Kriegerische Fachausdrücke im griechischen Epos : Untersuchungen zum Wortschatze Homers*. Freiburg; Schw.: Paulusdr., 1950.

Vasmer 1953 — M. Vasmer. *Russisches etmyologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Winter, 1953.

Vine 1999 — B. Vine. On 'Cowgill's Law' in Greek. H. Eichner, C. Luschützky (eds.). *Compositiones indogermanicae in memoriam Jochem Schindler*. Praha: Enigma Corp., 1999. P. 555–600.

Wiesner 1968 — J. Wiesner. Fahren und Reiten. *Archaeologia Homerica. Vol. 1, F.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 178–207
DOI 10.30842/alp23065737182178207

Лексические разночтения в редакциях русского перевода коммерческого трактата Джона Ло «Money and Trade»

Т. Д. Коркина
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); TDK2006@bk.ru

Аннотация. В статье представлено лингвотекстологическое исследование двух редакций русского перевода, выполненного князем И. А. Щербатовым, коммерческого трактата шотландского экономиста и банкира Джона Ло «Money and Trade considered: with a proposal for supplying the nation with money». В результате сравнения редакций на предмет лексических разночтений выявлено три типа лексической правки: 1) непоследовательное устранение немногочисленных книжно-славянских служебных лексем; 2) выбор в пользу заимствования при работе над переводом торгово-экономической лексики; 3) подбор лучшего с точки зрения переводчика синонима, более удачного словообразовательного варианта.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, Петровская эпоха, рукописные переводы, коммерческий трактат, лексические разночтения, торгово-экономическая лексика.

Lexical discrepancies in the editions of the Russian translation of the commercial treatise by John Law «Money and Trade»

Tatiana D. Korkina
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); TDK2006@bk.ru

Abstract. The article presents a linguo-textological study of two editions of the Russian translation of the commercial treatise of the Scottish economist and banker

© Т. Д. Коркина, 2022

John Law «Money and Trade considered: with a proposal for supplying the nation with money» (1705). The translation was carried out by Prince Ivan Andreevich Shcherbatov (1696–1767). To date, three lists of two editions of the translation have been identified — 1720 and 1724, stored in the manuscript collections of the Library of the Academy of Sciences and the Russian National Library of St. Petersburg. The article is the first attempt to compare these two editions for lexical discrepancies, as a result of which three types of lexical editing have been identified. Firstly, the inconsistent elimination of the few book-Slavic service lexemes (*яко*, *однакожде*, *донележе*) and replacing them with Russified conjunctions (*как*, *однакож*, *пока*) were carried out. Secondly, when working on the translation of trade and economic vocabulary and the selection of a more successful match, Shcherbatov made a choice in favor of loan words: for example, in the 1724 list, the word *рукоделие* was replaced by the loan word *манифактура*, and the word *купечество* by the loan word *коммерция*; the words *равность*, *равновесие*, *щет* were replaced by the loan word *балянс,* etc. Including noted occasional loan word calque — *драу бак* (in the original — *drawback*) in the meaning of ‘return (about duty)’. The third type of editing is no longer associated with the choice of a book-Slavic word or Russian, a loan word or native, but with the selection of the best synonym from the translator’s point of view, a more successful derivational variant. Of particular interest is the translator’s work on editing a group of etymologically different, but semantically close polysemantic words *состояние*, *качество* and *степень*, *стать*, *рука* and *сорт.* Based on the English original, Shcherbatov controlled the sphere of semantics of Slavic words.

Keywords: Russian language of the 18th century, Peter’s era, handwritten translations, commercial treatise, lexical discrepancies, trade and economic vocabulary.

1. Вступление

В Отделе русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований РАН, в группе «Словаря русского языка XVIII века» в рамках активной работы по пополнению базы источников и картотеки Словаря особое внимание уделяется переводам начала XVIII в., большая часть которых до сих пор остается лингвистически не описанной. В последние годы вышли в свет научные статьи, посвященные текстологии и языку таких ранее

не изученных переводных текстов, как «Монархия Турецкая» в переводе П. А. Толстого [Соколов, Малышева 2019; Соколов, Малышева 2021], поэмы «Метаморфозы» Овидия [Мольков 2016], трактатов по геометрии и фортификации А. П. Ганнибала [Мольков 2018; 2020] и физиогномике [Мольков 2017], финансового трактата «Деньги и купечество» в переводе И. А. Щербатова [Коркина 2020].

Изучение и лингвистическое описание переводных текстов является важной задачей для историка языка, лексиколога и лексикографа, занимающегося русским языком XVIII в., поскольку переводные тексты играли существенную роль в процессе формирования и нормирования литературного языка, начавшемся еще в предыдущем столетии. В лингвистическом аспекте при определении исходной точки нового этапа в истории русского языка

> решающим признаком явился резкий сдвиг в стилистической системе языка, связанный с развитием новых жанров и стилей деловой речи, чрезвычайная степень интенсивности, которой достигли эти процессы в самом конце XVII — начале XVIII в. ⟨…⟩ Желательность и обязательность новых слов, новых терминов западного происхождения, фразеология, восходящая к классической почве, сознательное противопоставление церковной и гражданской стилистики, отказ от витиеватых форм старого церковнославянского красноречия и одряхлевших вялых форм старого приказного слога — все это явственно сказалось впервые в бумагах и письмах Петра и его окружения с начала самостоятельного его правления, т. е. с 1696 г., и вслед за тем стало языковой политикой, последовательно проводимой сторонниками реформ [Сорокин 1965: 14–15].

Исследуя переводные тексты конца XVII — начала XVIII вв., интересно проследить, как «при переводе наиболее отчетливо выявились ресурсы русского языка, наличие или отсутствие лексических средств» [Биржакова 1969: 139]; сравнивая списки, изучая лексическую правку, можно определить методы и языковые предпочтения переводчика. Правленые тексты имеют важное значение для истории литературных языков: «Конфликт сменяющих друг

друга языковых норм выражен в них с полной наглядностью» [Живов 1988: 3].

Труды по экономике, коммерции и финансам петровского времени лингвистически почти не описаны, хотя содержат интересный и ценный лексический материал, поскольку европейская лексика торгово-экономической сферы, как и многих других сфер (законодательной, административной, военной, научной и др.), с «вихрями новой жизни» начинает встраиваться в традиционное словоупотребление и расширять синонимические ряды.

В статье рассмотрены лексические разночтения в списках русского перевода «Деньги и купечество разсуждено с предлогами к присовокуплению в народ денег чрез господина Ивана Ляуса нынѣ управителя королевского банку в Париже», который не был опубликован, сохранился в рукописных собраниях Библиотеки АН и Российской национальной библиотеки в трех списках [1] и, как нам удалось выяснить, двух редакциях [2]. Текст, с которого был сделан перевод, — трактат шотландского экономиста Джона Ло (*John Law of Lauriston*,

[1] В НИОР БАН хранятся два списка — черновой автограф П I Б № 91 (Петр. гал. 20), 82 л. и, вероятно, беловой подносной писарский экземпляр П I Б № 92 (Петр. гал. 21), 122 л., крупная скоропись, переходящая в полуустав, переплет — картон в красном сафьяне с тонким золотым тиснением, обрез золоченый. Текст обеих рукописей идентичен. «Петру I были присланы из Лондона и автограф, и беловая копия» [Лебедева 2003: 208]. Еще один черновой автограф хранится в РНБ (ОР РНБ, Ф. 885 Эрмитажное собрание, № 120, 116 л.). Причина, по которой князь Щербатов решил в 1724 г. вновь обратиться к данному тексту и внести в него правку, к сожалению, нам неизвестна.

[2] Ранее нами была предпринята попытка сравнить списки русского перевода, позволившая выделить две редакции перевода (в список РНБ в 1724 г. внесена правка, о чем указано и на титульном листе), кроме того, провести сопоставительный анализ названий глав в списках русского перевода и в двух иностранных изданиях (английском оригинале и его французском переводе), в результате которой мы предложили реконструировать историю работы князя И. А. Щербатова над русским переводом таким образом: «Изначально он работал с первым изданием трактата на английском языке, изданным в 1705 г., а на завершающих стадиях работы в марте 1720 г. имел возможность использовать французский перевод» [Коркина 2020: 738].

1671–1729) «Money and Trade considered: with a proposal for supplying the nation with money» (1705). Перевод выполнил князь Иван Андреевич Щербатов (1696–1767) во время пребывания в Англии с целью обучения языкам и разным наукам: «Он хорошо овладел латынью, английским и французским языками, а также изучил арифметику, геометрию, тригонометрию, астрономию и навигацию» [Троицкий 1970: 95]. Князя привлекали идеи, касающиеся реформирования денежной системы, выпуска бумажных денег и акций «для примножения купечества и кредиту, со иꙁясны^{м} описание^{м} в схо^{д}стве с правами и обычаи здѣшними», представленные Джоном Ло шотландскому парламенту в 1705 г., однако отклоненные — «о^{т} многи^{х} члено^{в} па^{р}ламента ⟨…⟩ такие пре^{л}мнѣния проти^{в} того пре^{л}успѣли, которые преодолѣли что пре^{д}лог сове^{р}шенно о^{т}ставлен» и на родине «никако^{и} по^{л}зы не о^{б}рел» [Ляус[1]: 7][3]. Идеи Дж. Ло воплотились в жизнь, обрели популярность и успех во Франции: Ло

> установи^{л} народно^{и} креди^{т} в то^{и} землѣ, которая пришла была в пословицу нарушения оного, ⟨…⟩ учини^{л} прибавку доходов самоде^{р}жавного вла^{де}ния, которая состои^{т} на по^{л}данны^{х} во^{л}но^{м} вла^{де}нiи их пожи^{т}ками, так что ежели ^{б} о^{т}каза^{н} бы^{л} само^{и} менше^{и} запро^{с} д҃нгам, что наро^{д} обѣща^{л}ся заплати^{т}, то во^{ꙁ}могло бы приие^{с}ть коронѣ убытку многие милионы cw всеми настоящими виды бога^{т}ства, и власти. | ⟨…⟩ Оно^{и} не инны^{х} неприятеле^{и} имѣет ра^{ꙁ}ве те^{х} которые суть неприятели всему наро^{ду}; и многие кто в нѣкоторы^{х} проше^{л}ши^{х} м̄^{с}ца^{х} жадны крови его были, н̄нѣ едяꙗт его хлѣб [Ляус[1]: 8–9].

Князь Щербатов стал активным проводником идей Дж. Ло в России: в 1720 г. перевел на русский язык трактат Ло, а позже составил проект о заведении банков и выпуске бумажных денег для распространения коммерции в России [Троицкий 1970: 94].

[3] Примеры из источников даны с сохранением орфографии, опущены только еры на конце, буква ук заменена на у, верхним регистром показаны выносные буквы.

Структура трактата «Деньги и купечество» включает в себя посвящение царю, обращение к читателю и собственно текст[4], состоящий из восьми глав, в которых приводятся рассуждения о серебре как металле и о годности его в качестве денег, о приумножении денег, «о разных способах которые употреблены бывали для сохранения и прибавки денег», кроме того, об учреждении банков, о кредите и т. п.

Данный перевод входит в список источников «Словаря русского языка XVIII века», но выборка из него ограничивается единичными примерами по одному из списков — по беловому из собрания БАН, лексический состав обеих редакций перевода остается неизученным. При его рассмотрении представляется целесообразным проводить как сопоставительный анализ лексики этих редакций, так и сопоставление перевода с оригиналом[5] и, в некоторых случаях, с его французским переводом. Такой ход исследования позволит, во-первых, выявить лексические соответствия и, во-вторых, проследить ход правки, внесенной переводчиком, выявить его языковые предпочтения.

2. Сравнение двух редакций перевода

Текст списков 1720 г. из собрания БАН — черновой автограф и беловой писарский экземпляр — совпадает, а в список, хранящийся в РНБ, в 1724 г. внесена правка, о чем свидетельствует сделанная рукой Щербатова запись на титульном листе. Проведенный сопоставительный анализ подтвердил, что правка проводилась

[4] В структуру списка из собрания РНБ помимо перечисленных разделов входит реестр глав, восьмая глава в тексте отсутствует.

[5] В статье цитаты из английского текста взяты из переиздания 1750 года [Law 1750]: Money and Trade considered: with a proposal for supplying the nation with money. By the celebrated John Law, Esq.; afterward director to the Missisipi company. Glasgow, printed and sold by R. & A. Foulis. 1750.

преимущественно [6] на лексическом уровне. Лексические разночтения, выявленные в результате сравнения данных списков, можно разделить на три основных типа. Далее соответствия из двух списков приведены в таблицах, списки обозначены как Ляус[1] (БАН) и Ляус[2] (РНБ, нумерация страниц приводится согласно архивной постраничной пагинации, сделанной карандашом внизу страниц).

Первый тип разночтений связан с работой Щербатова над устранением немногочисленных книжно-славянских лексем. Правка производилась непоследовательно и коснулась в основном служебных слов. Так, например, книжные союзы в списке Ляус[1] *яко, однакожде, донележе* в списке Ляус[2] заменены на русифицированные союзы *как, однакож, пока*.

Таблица 1. Правка книжно-славянских служебных лексем

Table 1. Editing of Slavic auxiliary parts of speech

Ляус[1]	**Ляус[2]**
Но ежели мой перево^{л} недостоин читания, так великого Мона^{р}хи (так в ркпс.), **однакожде** я уповаю что в҃ше величество для доброго моего намерения ⟨…⟩ о^{т}пу^{с}ти^{т} | погрешения. С. 3–4	Но ежели мо^{и} перево^{д} недостои^{и} читания, та^{к} велико^{г} мона^{р}ха, **о^{л}нако^{ж}** я уповаю что в҃ше величество для доброгw моего намерения ⟨…⟩ о^{т}пусти^{т} погрѣшения. С. 3
Сере^{б}ро **яко** металь имѣло цену в о^{б}менѣ как другие товары. С. 16	Сере^{б}ро **ка^{к}** мета^{л} імѣло цену в менѣ как и другие товары. С. 19
Серебро употребляемо было **яко** д҃нги прежде печатания д҃нг. С. 17	Сере^{б}ро упо^{т}ребляемо было **как** д҃нги пре^{ж}де печатания д҃нг. С. 20
Чре^{з} тѣ пи^{с}ма ба^{н}к могл бы содержать свой кредит **донележе** инои спосо^{б} принять бы^{л} бы к присовокупленію д҃нг в г҃^{с}дрство. С. 75	Чре^{з} тѣ пи^{с}мы банк мо^{г}л бы содержа^{т} сво^{и} креди^{т} **пока** іно^{и} спосо^{б} приня^{т} бы бы^{л} к присовокуплению д҃нг в г҃др^{с}тво. С. 76

[6] Выявлена единичная и непоследовательная грамматическая правка. Так, например, из предложения «но я **есмь** того мнѣнія» [Ляус[1]: 88] Щербатов в списке Ляус[2] убирает глагол-связку: «но я того мнѣния» [Ляус[2]: 88], воспринимая его, вероятно, как специфически книжный элемент.

Ученые отмечают, что в области лексики союзы являются наиболее характерными маркерами языкового типа: «Изменение национального колорита речи особенно разительно было при смене союзов» [Виноградов 1982: 30; см. также Кутина 1978: 262]. Для Щербатова эта оппозиция была актуальна, но, по-видимому, не так важна при отсутствии семантических различий лексических пар. Непоследовательность такой правки свидетельствует о том, что

> в сфере служебных слов оппозиция «простого» языка церковнославянскому формировалась в данный период не как противопоставление двух норм, а как изменение в выборе основного варианта: элементы традиционного книжного языка не отбрасываются совсем, а ограничиваются в своем употреблении благодаря использованию вариантных средств выражения; нормативного характера эти средства, однако, еще не получают [Живов 1988: 13].

В позднем списке трактата непоследовательность правки служебных слов особенно заметна на примере частотного союза *яко*: к середине текста Щербатов перестает обращать на него внимание и правку не вносит. См., например: «Товары которые не так скорw портятся, **якw** металь, припасы на карабелное строеніе, і протчая прибавляются в числѣ сверх запросу на оные, тако суть менѣ стоящія» [Ляус[1]: 120] / «Товары которые не та[к] скоро по[р]тя[т]ся, **яко** мета[л], материалы карабелные и про[т]чая; прибавляю[т]ся в числѣ све[р]х запросу на оные, тако су[т] менѣ стоящіи» [Ляус[2]: 112].

В единичных случаях неполногласная лексика с приставкой пре- в списке 1724 г. исправлена на полногласную (см. *Таблица 2*, с. 186). Эта правка касается основы *премен-*: *премена*, *пременение*, *пременить* и *пременять*. Примечательно, что такая замена в обоих случаях производится в сочетании *пременить деньги* (при английском соответствии *to alter the money in*, что дословно можно перевести как ‘видоизменить деньги’).

Во всех остальных случаях в этой основе Щербатов сохраняет неполногласную приставку: «Товары **пременяю[т]** и[х] цену о[т] како[и]

Таблица 2. Правка неполногласной лексики

Table 2. Editing of pleophonic vocabulary

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
The power the magistrate has to **alter** the money in its denomination or fineness, takes away the chief qulity for which silver was made money. P. 114	Силу которую магистрат имѣе^{т} **применить** дн҃ги в их названіи | ^{или} чистотѣ, о^{т}нимает главную пригодность для которагw серебрw учинено дн҃ги. С. 117–118	Силу кото^{ру}ю магистра^{т} іли правите^{л}ство імѣе^{т} **перемени^{т}** дн҃ги в и^{х} на^{з}ваніи іли чистотѣ о^{т}нимае^{т} главную пригодность для которо^{и} серебро учинено дн҃ги. С. 111
Tho’ the magistrate did never **alter** the money in its denomination or fineness, yet it is more uncertain in its value than other goods. P. 115	Хотя магистрат никогда не **применял** дн҃г в іх названіи или чистотѣ, однакожде дн҃ги боле суть недостовѣрны в их ценѣ нежели другие товары. С. 118	Хотя правите^{л}ство никогда не **переменяло** дн҃г в и^{х} на^{з}ваніи іли чистотѣ, о^{л}нако^{ж} дн҃ги боле су^{т} недостовѣрны в и^{х} ценѣ неже^{ли} другие товары. С. 111

ни есть **премены** в и^{х} числѣ іли требованіи оны^{х}» [Ляус^{2}: 16], «Товары одно^{и} стати і состоянія ра^{з}нствую^{т} в ценѣ, от **премены** в их числе іли запросѣ на оные. ⟨…⟩ Сере^{б}ро в сли^{т}ка^{х} іли дн҃ги **пременяю^{т}** свою цену о^{т} како^{и} ни есть **премены** в и^{х} числѣ, іли о^{т} **премены** в запросѣ на оные» [Ляус^{2}: 111–112].

В первой главе зафиксированы единичные лексические замены указательных местоимений *сей* и *оной* (в дейктической функции) в сочетании с придаточным относительным местоимением *которой* на местоимение *тот* с придаточным относительным местоимением *кто*, видимо, под влиянием английского языка.

Конструкции *оной* / *сей* — *который* отмечены исследователями в переводных с французского языка текстах: в «Шлюзной книге» 1708 г. [Круглов 2004: 64], «Разсуждении о оказателствах к миру» 1720 г. [Hüttl-Folter 1996: 42]. Кроме того, конструкции с местоимением *который* частотны и «отличаются многообразием» в памятниках делового языка первой четверти XVIII в. [Русанова 2018: 70],

Таблица 3. Правка указательных местоимений *сей* и *оной* в сочетании с придаточным относительным местоимением *которой*

Table 3. Editing of demonstrative pronouns *сей* and *оной* in combination with the subordinate relative pronoun *которой*

Law 1750	**Law 1720**	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
He who desired to barter would not always find people who wanted the goods he had, and had such goods as he desired in exchange. P. 6	**Celui qui** désirait troquer ne trouvait pas toujours des gens qui eussent besoin de ses marchandises, et qui possédassent celles qu'il désirait en échange. P. 467	**Оной которой** желал обменить, не всегда нашол бы таких людей кто ^{б} нужду имѣл в таких товарах какие он имѣет, и имѣл бы такие това^{р}ы каких о^{н} желал на о^{б}мен. С. 14	**Тот кто** жела^{л} меня^{т}, не всегда нашо^{л} бы таки^{х} люде^{и}, кто ^{б} ну^{ж}ду імѣ^{л} в таки^{х} товара^{х} какие о^{н} імѣет, и імѣ^{л} бы такие товары каки^{х} о^{н} жела^{л} на о^{б}мен. С. 17
He who had more goods than he had use for, would choose to barter them for silver, tho' he had no use for it. P. 10.	**Celui qui** avait plus de marchandises qu'il ne pouvait en employer devait chercher à les troquer pour de l'argent, quoiqu'il n'en eût pas besoin. P. 468	**Сей которой** имѣл боле товаров нежели ему в них была нужда изобра^{л} бы лутче обменить их на серебро хотя б ему в серебре и нужды не было. С. 17	**Тот кто** імѣ^{л} боле товаро^{в} нежели ему в ни^{х} была ну^{ж}да изобра^{л} бы лу^{т}че о^{б}мени^{т} и^{х} на сере^{б}ро, хотя ^{б} ему в сере^{б}рѣ и ну^{ж}ды не было. С. 21

однако конструкции типа *сей — который* в законодательных актах Петровской эпохи не отмечены.

Второй тип разночтений связан с новыми заимствованиями, которые Щербатов включает в поздний список для более удачной передачи экономической лексики. Так, например, использующееся в списке Ляус[1] слово *рукодѣлие* в списке Ляус[2] заменяется заимствованием *манифактура*, при первичном употреблении слово снабжается пояснением.

Таблица 4. Правка лексемы *рукодѣлие*

Table 4. Editing of the word *рукодѣлие*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
Manufactures and trade improved. P. 19	**Рукодѣлия** и купечество пришли в лутчую степень. С. 24	Рукодѣлия **іли маниѳактуры** и купечество пришли в лу^{т}чѣе состояние. С. 29
By this money ⟨…⟩ **manufacture** advanced. P. 113	Чрез ^{те} д҃нги ⟨…⟩ **рукwдѣлие** разпространітся. С. 116	Чре^{з} тѣ д҃нги ⟨…⟩ **маниѳа^{к}туры** ра^{з}пространя^{т}ся. С. 110
The product of the country would perhaps be 10 or 20 per cent dearer, to bring it equal to what it fells in England; but all sorts of **manufacture** would be cheaper, because in greater quantity. P. 142	Може^{т} быть, что приплод҃г^{с}дрства был бы 10, или 20, процентовъ доро^{же} для учинения в равенствѣ с ценою какова в Англіи, но всѣ^{х} статей **рукодѣлия** были ^{б} деше^{в}лѣ, понеже в велича^{и}ше^{м} числе. С. 144	Може^{т} быть что^{б} приплод҃г^{с}дрства бы^{л} “10” или “20” проце^{н}то^{в} доро^{же} для учинения в равенствѣ с ценою какова в Англіи, но всѣ^{х} сорто^{в} **маниѳа^{к}туры** были ^{б} деше^{в}лѣ, поне^{же} в велича^{и}ше^{м} числѣ. С. 127

Непоследовательно и в единичных случаях производится правка слова *купечество*. В одном случае оно заменяется заимствованием *коммерция*, в другом — Щербатов снабжает слово *купечество* пояснением, используя не заимствование, а русский синоним *торг* [7].

[7] В то же время в двух списках можно встретить слово *торг*: «100, фу^{н} могли ^{б} примешаны быть и по^{д}няты так, что^{б} такое ^{ж} дѣйствіе імѣли в то^{р}гу как милион» [Ляус[1]: 92] / «“100” l могли ^{б} примешаны быть и повышены так, что^{б} такое ^{ж} дѣ^{и}ствие імѣли в то^{р}гу ка^{к} милион [Ляус[2]: 91]»; «Чрез ^{те} д҃нги ⟨…⟩ то^{р}г домашней и чюжестранной прибавится» [Ляус[1]: 116] / «Чре^{з} тѣ д҃нги ⟨…⟩ то^{р}г домашне^{и}, и чюже^{с}транно^{и} прибави^{т}ся, а бога^{т}ство и сила слѣ^{ду}ю^{т}» [Ляус[2]:110].

Таблица 5. Правка лексемы *купечество*

Table. 5 Editing of the word *купечество*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
Trade is domestick, or foreign. P. 19	Купечество есть домашнѣе и чюжестранное. С. 25	Купечество **іли тоᵖг** есть домаᵚнѣᵢ и чюжестранноᵢ. С. 30
If we could be supposed to be wihtout any **commerce** with other nations. P. 88	Ежели ᵬ возмоᵡно положить что мы пробавимся без **купечества** с другими народы. С. 92	Ежели ᵬ воᶟмоᵡно положиᵀ, что мы пробавиᵛся беᶟ **коᵛмерціи** с другими народы. С. 91

Интерес представляет слово *балянс* в списке Ляус[2], которое, как отмечают исследователи, с 20-х годов XVIII в. «принимает на себя комплекс новых специфических значений, связанных с торгово-финансовой сферой употребления: соотношение цен, торгового оборота; подведение итогов, подсчет расходов, товарооборота» [Биржакова и др. 1972: 259]. В списке Ляус[2] словом *балянс* Щербатов заменяет целый ряд слов из списка Ляус[1] — *равность, равновѣсие, щет* в сочетаниях: *равность в товарах, равновѣсие в торгу, щет в торгу.*

Таблица 6. Замена на слово *балянс*

Table 6. Replacement with the word *балянс*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
If then the goods | imported balance the good exported, a greater addition to the money will imploy yet more people, or the same people before employed to more advantage; which by making a greater, or more valuable export, will make a **ballance** due. P. 23–24	Ежели привозные товары в равеᵢствѣ ценою вывезеным товароᵛ, величайшая прибавка ⷣнгм еще боле употребиᵀ народу в дѣла или тое же число народу но к величайшей прибыли; что чиня величайший или боле стоящий вывоз, учинит **равность** должную в товарах. С. 29	Ежели привоᶟные товары в равеᵢствѣ ценою вывезеныᵛ товароᵛ, величаᵢшая прибавка ⷣнгаᵛ еще боле упоᵀребиᵀ народу в дѣла іли тоеᵡ числw народу но к величаᵢшеᵢ прибыли; что чреᶟ величаᵢшіи іли боле стоящіи выволᶟ учиниᵀ доˡжноᵢ **балянс**. С. 35

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
Regulating the **ballance** of trade. or, re-establishing the bank. P. 78	Установленіе **равновѣсія** в тоᵖгу: или привожденіе банка в пре^{ж}нюю степень. С. 82	Устано^{в}ление **балянсу** в тоᵖгу; іли прино^{ж}дение банка въ пре^{ж}нѣе состояние. С. 82
If the **balance** of trade was equal, foreign money raised, and Scots money not raised in proportion. P. 87	Ежели ^{б} **щет** в тоᵖгу был раве^{н}, чюжестранные д҃нги по^{л}нялись бы, а скотлянскіе д҃нги не по^{л}нялись бы в пропоᵖціи. С. 91	Ежели ^{б} **балянс** в тоᵖгу бы^{л} равен, чюжестранные д҃нги повысили^{с} бы а ско^{т}лянские д҃нги не по^{л}няли^{с} бы в препоᵖ-ціи. С. 90

Такая замена трех разных русских слов одним заимствованием — очевидно, сознательный выбор, связанный с терминологическим характером лексики. Аналогичное явление наблюдает Л. Л. Кутина в переводах Я. В. Брюса, который сознательно выбирает латинизмы и европеизмы для математических терминов [Кутина 1964: 33].

Слово *владѣтель* (денег, банка) в Ляус[1] заменено в списке Ляус[2] словом *проприе(э)тор* (в тексте оригинала — *owner* или, чаще, *proprietor*).

Таблица 7. Замена на слово *проприэтор*

Table 7. Replacement with the word *проприэтор*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
For what is payed by the borrowers, is got by **proprietors**. P. 75	Поне^{же} что заніматели заплатили, то добыли **владе^{тѣ}тели** д҃нг. С. 79	Поне^{же} что заниматели заплатили, то добыли **проприеторы** д҃нг, или хозяева. С. 79
Because, the quantity of money in Scotland is not sufficient to give a circulation to such a sum of notes, as will pay the charges of the bank, and the interest to the **owners**. P. 108	Понеже число (так!) в Скотляндіи недоволно есть, учинит wбращеніе в ходу такова числа росписок, которыя^{б} заплатили трату банку, і интерес **владѣтелем** д҃нг. С. 111	Поне^{же} число д҃нг в Ско^{т}ляндіи недово^{л}но есть, учини^{т} о^{б}ращение в хо^{ду} такова числа росписо^{к}, которые^{б} заплати^{ли} трату банка, и інтере^{с} **проприэторо^{м}**. С. 106

Law 1750	Ляус[1]	Ляус[2]
’Tis thought the **proprietors** of the bank design to apply to the parliament for further priviledges. P. 108	Мнимо было что **владѣтели** ба[н]ка намеряются просить у парламета (так!) о прибавкѣ привилегій. С. 111	Мнимо было что **проприэторы** банка намеряются проси[т] у па[р]ламента о прибавкѣ привилеге[и]. С. 106

Слово *проприэтор* не отмечено в Картотеке СРЯ XVIII, в Журналах Петра Великого встретилось единичное употребление его словообразовательного варианта *проприентариус*: «Он же барон Герц мнѣ [Российскому Министру Остерману] еще говорил о маетностях в завоеванных провинціях лежащих, и что Каролевскій банк на многіе ius оных маетностей деньги в займы дал, которые заплатить надлежит, и чтоб такожде пропріетаріусам тѣ маетности возвратить, которыя по справедливости им принадлежат». ЖПВ II 521 [8].

В списке Ляус[2] отмечено связанное с экономической лексикой заимствование, которое можно также отнести к окказиональным — *драу бак* (в оригинале — *drawback* ‘возврат (о пошлине)’). Щербатов вводит это заимствование в более поздний список, снабжая поясняющим комментарием с использованием русского аналога из более раннего списка — *упуск* (см. *Таблицу 8*, с. 192).

Вероятно, сначала Щербатов просто скалькировал значение английского существительного. В русском языке того времени слово *упуск*, согласно данным КС XVIII, имело узкую сферу употребления — все имеющиеся контексты касаются уголовно-правовой сферы, законов и постановлений, связаны с побегом заключенных, «упуском» их из-под стражи: *упуск из под караула, о упускѣ вора* и т. д.: «По челобитью ⟨…⟩ Мусы Истекова, по дѣлу имѣющемуся в Уфимской Канцеляріи о упускѣ приведеннаго вора с краденными его лошадьми»

[8] Шифры источников и словарей XVIII в. даются по: Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука 1984. С. 58–142; см. также на сайте ИЛИ РАН: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html.ru (дата обращения: 21.05.2021).

Таблица 8. Замена на слово *драу бак*

Table 8. Replacement with the word *драу бак*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
The true and safe way to encourage the export of such goods, as do not yield great enough profit; is by a **draw-back**. P. 98	Правдивы[и] и сохранны[и] путь к приданію охоты вывозить такие товары, которые не приносят доволной прибыли; есть чрез **упуск** в ценѣ. С. 102	Пра[в]диво[и] и сохранно[и] пу[т] к приданию охоты вывози[т] такие товары, которые не принося[т] | до-во[л]но[и] прибыли, есть чре[з] **драу бак**, іли чре[з] **упуск** в пошлинѣ. С. 99–100
That the revenue of the commission, over what pays the charges, and what part the parliament thinks needful to make good any losses may happen to the commission, be applyed by way of **drawback**, for encouraging the export, and manufacture of the nation. P. 163	Доход комиса[р]ства которой сверх того что остается о[т] платежу на издершки, и сверх того что парламент ра[з]судит нужно в награду потерей, которые могут случится камисаром, приложен бы[л] на платеж **упуску** у товаров, для придания охоты вывозу и рукоделия г҃[с]дрственного. С. 167	Дохо[д] камиса[р]ства которо[и] све[р]х того что остае[т]ся о[т] платежа на и[з]де[р]шки, и све[р]х того что па[р]ламент ра[з]судит ну[ж]но в награ[ду] потере[и], которыя могут случи[т]ся камисаро[м], приложен бы[л] на плате[ж] **драу бак**, іли упуску у товаро[в], для придания охоты вывозу и маниѳакту[р] г҃[с]дрственны[х], іли наро[л]ны[х]. С. 141

[ПСЗ IX 341 (1734 г.)]. Такая узкая сфера употребления могла повлиять на решение переводчика заменить это слово заимствованием.

Правка лексики, не касающейся специальной торгово-экономической сферы, производилась в пользу русского слова, которым Щербатов заменял в основном полонизмы: *шкода* → *вред*, *посполитый* → *общий*. Кроме того, переводчик заменяет слово *магистрат* словом *правительство*. В русском языке в начале XVIII в. слово *магистрат*[9] было многозначным: ‘орган государственной власти в Древнем Риме’, ‘орган

[9] Слово пришло в русский язык в конце XVII в. в значении ‘орган городского управления’ [Сл XI–XVII 9: 6].

городского управления в западноевропейских государствах, муниципалитет’ и новое значение, связанное с торгово-экономической сферой, появившееся при Петре I, — ‘судебно-административное учреждение, введенное Петром I для управления торгово-промышленными делами’ [СРЯ XVIII 12: 30]. Вероятно, замена произведена с целью уточнения, что в данном контексте речь именно об органе городского управления.

Таблица 9. Правка в пользу русского слова

Table 9. Editing in favor of the Russian word

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
The **general** consent of men placed an imaginary value upon silver, because of its qualities fitting it for money. P. 14	**Посполитое** соизволение людей установило мысленную цену серебру, понеже ево состояния пригодны для д҃нг. С. 21	**О^{б}щѣе** соиз^{э}воление люде^{и} установило мысленную цену сере^{б}ру, понеже ево состояния іли качества пригодны для д҃нг. С. 25
A credit may support trade, in cases where without it trade would sink, but cannot do **prejudice**. P. 76	Кредит может соде^{р}жать торг, в тѣх случаях гдѣ бе^{з} оного торг потерян был бы, но не может учини^{т} **шкоды**. С. 80	Креди^{т} може^{т} соде^{р}жан (так!) то^{р}г, в тѣ^{х} случая^{х} гдѣ бе^{з} оного то^{р}г потеря^{н} бы бы^{л}, но не може^{т} учини^{т} **вреды**. С. 80
The power the **magistrate** has to alter the money in its denomination or fineness, takes away the chief qulity for which silver was made money. P. 114	Силу которую **магистрат** имѣе^{т} променить д҃нги в их названіи | ^{или} чистотѣ, о^{т}нимает главную пригодность для которагw серебрw учинено д҃нги. С. 117–118	Силу кото^{ру}ю магистра^{т} **іли правите^{л}ство** імѣе^{т} перемени^{т} д҃нги в и^{х} на^{з}ваніи іли чистотѣ о^{т}нимае^{т} главную пригодность для которо^{и} серебро учинено д҃нги. С. 111
Tho’ the **magistrate** did never alter the money in its denomination or fineness, yet it is more uncertain in its value than other goods. P. 115	Хотя **магистрат** никогда не променял д҃нг в іх названіи или чистотѣ, однакожде д҃нги боле суть недостовѣрны в их ценѣ нежели другие товары. С. 118	Хотя **правите^{л}ство** никогда не переменяло д҃нг в и^{х} на^{з}ваніи іли чистотѣ, о^{л}нако^{ж} д҃нги боле су^{т} недостовѣрны в и^{х} ценѣ неже^{ли} другие товары. С. 111

Выявленная лексическая правка может свидетельствовать о том, что Щербатов, по-видимому, не имел цели устранить заимствования или, наоборот, внести иноязычный колорит, а просто добивался точности передачи оттенков смысла в экономическом трактате, руководствуясь личными языковыми предпочтениями.

Главным подтверждением этой мысли является самый частотный (но также непоследовательный) тип лексической правки в данном переводе — подбор лучшего, с точки зрения переводчика, синонима. Такая правка связана уже не с выбором заимствованного или русского слова, а с подбором более удачного словообразовательного варианта (одна основа, но разные префикс или суффикс) (Ляус[1] → Ляус[2]): *послѣдствующий → слѣдующий*, *слѣдствовать → слѣдовать*, *слѣдствование → слѣдствие*, *прос → спрос*, *пропорция → препорция*, *обмена → мена*, *европический → европский*, *рукодельник → рукоделшик*, *напротивку → насупротив*, *насупротив → противно*, *пременѣние → премена*, *даватель взаймы → заимодавец*. Приведем примеры некоторых из них.

Таблица 10. Подбор синонима

Table 10. Selection of a synonym

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
If lowness of ineterst were the **consequence** of a greater quantity of money, the stock apply'd to trade would be greater. P. 36	Ежели [б] по уме[н]шении интересу **слѣдствовало** болшее число дн̃г, то капитал употре[б]леннои для то[р]гу бы[л] бы боле. С. 40	Ежели [б] по уменшеніи інтересу **слѣдовало** бо[л]шѣе чи[с]ло дн̃г, то капита[л] употре[б]ленно[и] для то[р]гу бы[л] бы боле. С. 47
Their [of goods] value is greater or lesser, ⟨…⟩ as from the greater or lesser quantity of them in **proportion** to the demand for them. P. 4	Цена [товаров] ⟨…⟩ происходит ⟨…⟩ от изобилности или малоимѣния оных в **пропо[р]ции** запросу. С. 12	Цена [товаров] ⟨…⟩ происходи[т] ⟨…⟩ о[т] изоби[л]ности іли малоімѣния оны[х] в **препо[р]ции** запросу. С. 15.

Law 1750	Ляус[1]	Ляус[2]
The material is the product of our country, and greater privileges are granted to **manufacturers** here, than in Holland. P. 27	Приплод нашей земли и величайшие привилегии пожалованныя **рукодѣлнико^{м}** здѣсь нежели в Голандии. С. 32	Приплод^{д} н̄ше^{и} земли, и велича^{и}шие привилегіи пожалованные **рукодѣлшико^{м}** здѣ^{с} нежели в Голандіи. С. 38
It may be **objected**, that such an alteration in the exchange, lowering the value of foreign money; might hinder the sale of our goods abroad. P. 57	Можно **напротивку** сказать, что такая премена во о^{б}менѣ чрез убавление цены чюжестранных д̄нг, могла ^{б} помешать продажу (*так!*) н̄ших товаров внѣ г̄^{с}дрства. С. 61	Можно **на супроти^{в}** сказать, что такая премена в менѣ чре^{з} убавление цены чюжестранны^{х} д̄нг могла ^{б} помешать прода^{жу} (так!) н̄ши^{х} товаро^{в} внѣ г̄^{с}дртва. С. 65
It may be **objected** that the demand for silver is now greater than the quantity. P. 133	Можно тому **насупротив** сказат что запрос на серебро есть н̄нѣ величайшіи нежели числw оного. С. 135	Мо^{ж}но то^{му} **проти^{в}но** сказа^{т}, что запро^{с} на сере^{б}ро есть н̄нѣ велича^{и}шій, нежели число оногw. С. 122
The difference of the prices of most goods, from **changes** in their quantity, or in the demand for them, would be much prevented, if magazines were kept. P. 119–120.	Разнь в ценах болшой части тwваров, о^{т} **пременѣнія** в их числе или запросе на оные, пре^{л}упре^{ж}дена б была мно^{го}, ежели ^{б} магазины соде^{р}жаны были. С. 123	Разнь в цена^{х} бо^{л}шо^{и} части товаро^{в} о^{т} **премены** в и^{х} числѣ іли запросѣ на оные, пре^{л}упре^{ж}дена была много ежели ^{б} магазины соде^{р}жаны были. С. 114

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
The manner of lending money in France, and I suppose in other Roman Catholick countries; is by way of perpetual interest, redeemable by the debitor, and which the **creditor** may dispone or assign, but can never demand the principal. P. 127	Во Ѳранціи как и в други^{x} римски^{x} | католических г҃сдрства^{x}; wбычай есть давать взаймы д҃нги на вѣ^{ч}ной інтерес, которой может выкуплен быть чрез должника, а **дава-тель взаймы** может оно^{и} продать и о^{т}дать иному ч҃лвку право свое, но не может никw^{г}да спросить капиталю. С. 129–130	Во Ѳранціи ка^{к} і в други^{x} римски^{x} католически^{x} г҃^{с}дртва^{x} обыча^{и} есть дава^{т} вза^{и}мы д҃нги на вѣчно^{и} интере^{с}, которо^{и} може^{т} выкуплен бы^{т} чре^{з} до^{л}жника, а **заимодавец** може^{т} оно^{и} прода^{т} и о^{т}да^{т} іно^{му} ч҃лвку право свое, но не может никогда спроси^{т} капиталю. С. 118

Кроме того, отмечена правка, связанная с подбором синонима с другим корнем (Ляус[1] → Ляус[2]): *купечество* → *торг*, *доля* → *часть*, *мера* → *способ*, *название* → *наименование*, *уменшение* → *понижение*, *поднимать* → *повышать*, *убавить* → *понизить*, *привесть* → *получить*, *поднятый* → *повышенный*, *подъем* → *повышение*, *убавленый* → *униженый*, *малый* → *недовольный*, *государство* → *нация*, *власть* → *сила*. Представленные примеры свидетельствуют о кропотливой работе переводчика над подбором более удачных вариантов.

Особо выделяются случаи, когда лексема при редактировании целенаправленно устраняется из ранней версии. Такая ситуация наблюдается в отношении отвлеченной лексики. Вариантность в XVIII в. в сфере такой лексики — распространенное явление:

> Через посредство вариантных рядов слова оказываются в различных, разветвленных связях, образующих единую и как бы пересекающуюся во многих направлениях сетку, ткань словарного состава языка. Именно эта непрерывность и реальная взаимообусловленность лексических единиц и групп служит ярким проявлением системности (системы) изучаемой лексики [Веселитский 1972: 46].

Исследование списков выбранного нами источника показывает переводческую стратегию в сложном выборе между многозначными, семантически близкими и конкурирующими лексемами с опорой на текст оригинала.

Так, при сравнении двух списков перевода выявляются отношения между словами *состояние* и *качество*, *состояние* и *степень*. В списке 1720 г. русским словом *состояние* Щербатов переводит английские слова *quality* ‘качество, свойство’ и *state* ‘состояние, положение’. При редактировании текста переводчик внимательнее следит за контекстами и словоупотреблением английского оригинала. В контекстах, где речь идет о состоянии серебра как металла или о состоянии какого-либо товара, т. е. об их достоинстве, ценности или пригодности (в оригинале — *quality*) — в списке 1724 г. слово *состояние* заменено на *качество* [10], а в одном случае на с. 21 слово *качество* введено как уточнение с союзом *или* к слову *состояние*.

Таблица 11. **Замена лексемы *состояние* на *качество***

Table 11. Replacement of the *состояние* with the word *качество*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
Goods of the same kind differ in value, from any difference in their | **quality**. P. 4–5	Товары одной стати раꙁнствуют в ценѣ отъ какой ни есть разности в ихъ **состоянии**. С. 13	Товары одноиꙗ стати раꙁнствуют в ценѣ отъ какоиꙗ ни есть раꙁности в ихъ **качествѣ**. С. 16
Silver was certain in it’s **quality**: it was easie of delivery. P. 10	Понеже серебро было достовѣрно в своем **состоянии**: оное сручно было к здаче. С. 17	Понеже серебрw было достовѣрно в своем **качествѣ**: оное сручно было к здаче. С. 21

[10] В начале XVIII в. отмечены однокоренные слова *квалитет* 1716 и *квалита* 1710, пришедшие соответственно из латыни Qualitas, непоср. и через итальянский qulità, немецкий Qualität, в значениях ‘качество, свойство’ и ‘чин, достоинство, звание’ [СРЯ XVIII 10: 23]. Но Щербатов, по всей видимости, ориентировался на подбор славянского эквивалента.

Because silver was certain in **quality**, and horses differed much. P. 11	Понеже серебро было достовѣрно в своем **состоянии**, а лошади много разнствовали. С. 18	Поне^{же} сере^{б}ро было достовѣ^{р}но в **качествѣ**, а лошади много ра^{з}нствовали. С. 22
Goods of any other kind that have the same **qualities** might then, and may now be made money equal to their value. P. 17	Товары розных статей которыя однѣ **состояния** имѣют могли б тогда и нынѣ могут переделаны быть в дънги ровные их ценѣ. С. 23	Товары ро^{з}ны^{х} рук которые о^{д}нѣ **качества** імѣют, могли ^{б} тогда и нынѣ могу^{т} передѣланы быть в дънги ро^{в}ные их ценѣ. С. 28
The general consent of men placed an imaginary value upon silver, because of its **qualities** fitting it for money. P. 14	Посполитое соизволение людей установило мысленную цену серебру, понеже ево **состояния** пригодны для днг. С. 21	О^{б}щѣе сои^{з}воление люде^{и} установило мысленную цену сере^{б}ру, понеже ево состояния **или качества** пригодны для днг. С. 25

Несмотря на довольно последовательное исправление слова *состояние* в этом значении, тем не менее выявлены единичные примеры, когда Щербатов не правит это слово во втором списке.

Таблица 12. Контексты без изменений

Table 12. Contexts unchanged

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
Goods of the same kind and **quality** differ in value, from any change in their quantity, or in the demand for them. P. 115	Товары однои стати і **состоянія** разнствуют в ценѣ, от премены в их числе или запросе на оные. С. 119	Товары одно^{и} стати і **состоянія** ра^{з}нствую^{т} в ценѣ, от премены в их числе іли запросѣ на оные. С. 111
Every thing receives a value from its use, and the value is rated, according to its **quality**, quantity and demand. P. 156	Всякая вещь принимает цену о^{т} своего уживания, а цена подъимается против **состояния** еѣ числа, і запросу. С. 159	Всякая вещь принимае^{т} цену о^{т} своего уживания, а цена по^{д}нимае^{т}ся по **состоянию** еѣ, числа, и запросу. С. 136

Можно сделать предположение о причинах, по которым Щербатов решил произвести правку в вышеприведенной группе контекстов. В связи с этим показательно еще несколько замен с участием этого слова, но уже в качестве заменяющего: когда оно включается в перевод при правке, а не устраняется.

Таблица 13. Замена лексемы *степень* на *состояние*

Table 13. Replacement of the *степень* with the word *состояние*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
Manufactures and trade **improved**. P. 19	Рукодѣлия и купечество пришли в лутчую **степень**. С. 24	Рукодѣлия іли маниѳактуры и купечество пришли в лу^{т}чѣе **состояние**. С. 29
Regulating the balance of trade or, **re-establishing** the bank. P. 78	Установленіе равновѣсия в то^{р}гу: или привожденіе банка в пре^{ж}нюю **степень**. С. 82	Устано^{в}ление балянсу в то^{р}гу; іли приво^{ж}дение банка в пре^{ж}нѣе **состояние**. С. 82

Так, слово *состояние* встречается в списке Ляус[2], но им уже заменяется слово *степень.* Возможно, во избежание избыточности переводчик решил сузить сферу употребления лексемы *состояние*, устранив ее из конкретной группы контекстов, когда речь идет о качестве товаров и денег (сфера действия английского слова *quality*), тем самым «освободив» слово для использования его в другом значении.

В русской части переводных словарей XVIII в. такие семантически близкие лексемы, как *состояние*, *качество* и *степень*, представлены в больших синонимических рядах, нередко в одном ряду при переводе разных иноязычных соответствий: в ЛЦ к слову *Qualitas* приводятся русские соответствия — *состояние*, *свойство*, *образ*, *мера* [ЛЦ: 271].

Щербатов работает над переводом слов *sort* ‘род, тип, вид, сорт’ и *kind* ‘разновидность, вид, род’. В версии Ляус[1] эти слова переводчик передает исключительно словом *стать,* а в версии Ляус[2] он чаще

правит слово *стать* на слово *рука* в том месте, где оно соответствует английскому *sort*, иногда добавляя в текст заимствование *сорт* [11].

Таблица 14. Замены лексемы *стать*

Table 14. Replacement with the word *стать*

Law 1750	**Ляус[1]**	**Ляус[2]**
There all **sorts** of ships are to be hired cheaper than in other places. P. 29	Там всяких **статей** кара^{б}ли нанимаются дешевле нежели в други^{х} мѣстах. С. 34	Та^{м} всяки^{х} **ру^{к}** кора^{б}ли нанимаю^{т}ся дешевлѣ, нежели в други^{х} мѣста^{х}. С. 40
This is the same as if a merchant who had a 100 different **sorts** of goods, and was offered 30 per cent profit upon 90 of them; but no body of | fering above 20 per cent profit for the other 10 **sorts**, should add a quarter to the measure by which he measured his goods, and fell all the 100 **sorts** for the same price he sold them before. P. 97–98	Сие есть тое^{ж}де как ежели ^{б} купец которой имѣл товары .100. разных **статей**, и посулено б ему было 30, процентов прибыли на 90, **статей** оных тwваров; но как никто не дает боле 20, процентов прибыли за другіе 10, **статей**, оной купец прибавил бы четверть к мѣре по которой он мерял свои товары, и продавал бы всѣ 100, **статей** за тую ж цену как он продавал пре^{ж}де. С. 101	Сие есть то^{ж} ка^{к} ежели ^{б} купец которо^{и} имѣ^{л} товары “100” ра^{з}ны^{х} **ру^{к}**, и посулено ^{б} ему было “30” проценто^{в} прибыли на “90” оны^{х} товаро^{в}; но как никто не дает боле “20” проценто^{в} прибыли за другие “10” **со^{р}т**, оно^{и} купец прибави^{л} бы че^{т}верть к мерѣ, по которо^{и} он мѣря^{л} свои товары, и продава^{л} бы всѣ “100” **ру^{к}** за тую^{ж} цену ка^{к} он продава^{л} пре^{ж}де. С. 99
All **sorts** of manufacture would be cheaper, because in greater quantity. P. 142	Всѣ^{х} **статей** рукодѣлия были ^{б}деше^{в}лѣ, понеже в велича^{и}ше^{м} числе. С. 144	Всѣ^{х} **сорто^{в}** маниѳа^{к}туры были^{б} деше^{в}лѣ, поне^{жс} в велича^{и}ше^{м} числѣ. С. 127

[11] Заимствование ранее всего вошло в русский язык именно как торговое в значении «класс доброты, качества товара или его вид, ассортимент» [Биржакова и др. 1972: 141], в исследуемом источнике употреблено в значении ‘вид, разновидность товара’.

Law 1750	Ляус[1]	Ляус[2]
Goods of the same **kind** differ in value, from any difference in their | quality. P. 4–5	Товары одной **стати** ра^{з}нствуют в ценѣ о^{т} какой ни есть разности в и^{х} состоянии. С. 13	Товары о^{д}но^{и} **стати** ра^{з}нствуют в ценѣ о^{т} како^{и} ни есть ра^{з}ности в и^{х} качествѣ. С. 16
Goods of any other **kind** that have the same qualities might then, and may now be made money equal to their value. P. 17	Товары розных **статей** которыя однѣ состоянія имѣют могли ^{б} тогда і н҃нѣ могут переделаны быть в д҃нги ровные их ценѣ. С. 23	Товары ро^{з}ны^{х} **рук** которые о^{д}нѣ качества імѣют, могли ^{б} тогда и н҃нѣ могу^{т} передѣланы быть в д҃нги ро^{в}ные их ценѣ. С. 28

3. Выводы

Выявленные типы редакторской правки свидетельствуют о кропотливой работе молодого переводчика: несмотря на то, что в 1720 г. беловой экземпляр перевода был преподнесен Петру I, Щербатов позже, в 1724 г., снова обращается к тексту перевода и производит в нем существенную лексическую правку: устраняет и без того малочисленные книжно-славянские служебные элементы, внимательнее относится к передаче торгово-экономической лексики, делая выбор в пользу заимствований, кроме того свое внимание переводчик сосредотачивает на группе этимологически различных, но семантически близких многозначных слов *состояние*, *качество* и *степень*, *стать*, *рука* и *сорт*. Опираясь на английский оригинал, Щербатов контролировал сферу семантики славянских слов.

Введение в научный оборот ранее не исследованных рукописных переводов по коммерции петровского времени пробуждает интерес к изучению истории торгово-экономической лексики в период активно формирующегося литературного языка нового типа и дополняет общую картину языковой адаптации при Петре I европейских

реалий в разных сферах. Рассмотренный материал показывает, что сложная редакторская работа по уточнению словоупотребления производилась не только в переводах, заказанных царем, но и по личной инициативе переводчика, столкнувшегося с необходимостью передачи новых для русской культуры понятий средствами не сформировавшегося еще литературного языка.

Литература

Биржакова 1969 — Е. Э. Биржакова. О роли переводных текстов и изучении иноязычной лексики XVIII века // В. М. Марков (отв. ред.). Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Вып. 2–3. Казань: Изд-во Казанского университета, 1969. С. 138–143.

Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

Веселитский 1972 — В. В. Веселитский. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М.: Наука, 1972.

Виноградов 1982 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982.

Живов 1988 — В. М. Живов. Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века // Russian linguistics. 1988. Т. 12. С. 3–47.

Коркина 2020 — Т. Д. Коркина. Трактат Джона Ло «Деньги и купечество»: история русского перевода и текстологический анализ списков // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16. Ч. 3. С. 725–743.

Круглов 2004 — В. М. Круглов. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб.: Наука, 2004.

Кутина 1964 — Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки (терминология математики, физики, географии в первой трети XVIII века). М.; Л.: Наука, 1964.

Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // В. И. Борковский (отв. ред.). Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.). М.: Наука, 1978. С. 241–264.

Мольков 2016 — Г. А. Мольков. Употребление частицы *было* в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Т. 10. С. 454–464.

Мольков 2017 — Г. А. Мольков. Обозначение оттенков цвета в физиогномическом трактате «Анфропоскопия» в русском переводе 1732 года // Е. П. Осипова (отв. ред.). И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2017. С. 50–56.

Мольков 2018 — Г. А. Мольков. Терминология трактатов А. П. Ганнибала «Геометрия практика» и «Фортификация» 1725–1726 гг. // С. Д. Шелов, Е. Цисун (отв. ред.). Терминология и знание. Вып. VI. Материалы VI Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2018 г.). М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 179–188.

Мольков 2020 — Г. А. Мольков. Заимствования в трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации (1725–1726 гг.): к истории неизменяемых прилагательных в русском языке // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. Вып. 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. С. 198–208.

Русанова 2018 — С. В. Русанова. Относительное местоимение *который* в языке законодательных актов Петровской эпохи и новый языковой стандарт // Е. В. Генералова, В. Н. Калиновская, И. А. Малышева, М. Н. Приемышева (отв. ред.). Славянская историческая лексикология и лексикография: сб. научных трудов. Вып. 1. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 68–74.

Соколов, Малышева 2019 — А. И. Соколов, И. А. Малышева. «Монархия Турецкая» в переводе П. А. Толстого как источник изучения русского языка XVIII века // Вестник Московского педагогического института. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 4 (36). С. 34–43.

Соколов, Малышева 2021 — А. И. Соколов, И. А. Малышева. Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (1). С. 187–201. doi.org/10.21638/spbu09.2021.110.

Сорокин 1965 — Ю. С. Сорокин. О «Словаре русского языка XVIII века» // Ю. С. Сорокин (ред.). Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5–42.

Троицкий 1970 — С. М. Троицкий. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Ф. Бродель (отв. ред.). Франко-русские экономические связи. М.; Париж: Наука, 1970. С. 90–138.

Hüttl-Folter 1996 — Gerte Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache: Die frühen Übersetyungen aus dem Französischen. Wien; Köln; Weimar Böhlau Verlag, 1996.

Источники

КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века». ИЛИ РАН, Санкт-Петербург.

ЛЦ — Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1746.

Ляус[1] — Дж. Ло. Деньги и купечество. Беловая копия 1720 г. Ркп. БАН. П I Б № 92 (Петр. гал. № 21), 122 л.

Ляус[2] — Дж. Ло. Деньги и купечество. Перевод с английского языка кн. Ивана Андреевича Щербатова «1720 г. и поправлен им же в 1724 г.». Автограф. В картонном переплете. ОР РНБ, Ф. 885. Эрмитажное собрание, № 120, 116 л.

Сл XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука; Азбуковник; ЛЕКСРУС, 1975–2019.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л., СПб.: Наука, 1984–2019.

Law 1720 — John Law. Considerations sur le Commerce et sur l'Argent. Par Mr. Law. Controlleur Denéral des Finances. Traduit de l'Anglois. La Haye: J. Neaulme, 1720.

Law 1750 — John Law. Money and Trade considered: with a proposal for supplying the nation with money. By the celebrated John Law, Esq; afterward director to the Missisipi company. Glasgow: R. & A. Foulis, 1750.

References

Birzhakova 1969 — E. E. Birzhakova. O roli perevodnykh tekstov i izuchenii inoyazychnoy leksiki XVIII veka [On the role of translated texts and the study of foreign vocabulary of the 18th century]. V. M. Markov (ed.). *Ocherki po istorii russkogo yazyka i literatury XVIII veka (Lomonosovskie chteniya)* [Essays on the history of Russian language and literature of the 18th century (Lomonosov readings)]. Kazan: Kazan University Press, 1969. P. 138–143.

Birzhakova et al. 1972 — E. E. Birzhakova, L. A. Voinova, L. L. Kutina. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka: Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on the historical lexicology of the Russian language of the 18th century: Linguistic Contacts and Borrowings]. Leningrad: Nauka, 1972.

Hüttl-Folter 1996 — G. Hüttl-Folter. *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache: Die frühen Übersetyungen aus dem Französischen*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1996.

Korkina 2020 — T. D. Korkina. Traktat Dzhona Lo «Dengi i kupechestvo»: istoriya russkogo perevoda i tekstologicheskiy analiz spiskov [John Law's Treatise «Money and Merchants»: History of Russian translation and textual analysis of copies]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16. Pt. 3. P. 725–743.

Kruglov 2004 — V. M. Kruglov. *Russkiy yazyk v nachale XVIII veka: uzus petrovskikh perevodchikov* [The Russian language at the beginning of the 18th century: the usus of Peter's translators]. St. Petersburg: Nauka, 2004.

Kutina 1964 — L. L. Kutina. *Formirovaniye yazyka russkoy nauki (terminologiya matematiki, fiziki, geografii v pervoy treti XVIII veka).* [Formation of the language of Russian science (terminology of mathematics, physics, geography in the first third of the 18th century)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.

Kutina 1978 — L. L. Kutina. Posledniy period slavyano-russkogo dvuyazychiya v Rossii [The last period of Slavic-Russian bilingualism in Russia]. V. I. Borkovskiy (ed.). *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII mezhdunarodnyy sezd slavistov (Zagreb — Liubliana, sentyabr 1978 g.)* [Slavic linguistics. VIII International congress of Slavists (Zagreb — Ljubljana, September 1978)]. Moscow: Nauka, 1978. P. 241–264.

Molkov 2016 — G. A. Molkov. Upotrebleniye chastitsy *bylo* v perevode «Metamorfoz» Ovidiya nachala XVIII v. [The use of the particle *bylo* in the translation of Ovid's Metamorphoses of the early 18th century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2016. Vol. 10. P. 454–464.

Molkov 2017 — G. A. Molkov. Oboznacheniye ottenkov tsveta v fiziognomicheskom traktate «Anfroposkopiya» v russkom perevode 1732 goda [Designation of shades of color in the physiognomic treatise «Anphroposcopy» in the Russian translation of 1732]. E. P. Osipova (ed.). *I. I. Sreznevskii i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. K 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Sreznevskogo: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21–23 sentyabrya 2017 g*. [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and perspectives. To the 205th anniversary of the birth of I. I. Sreznevsky: collection of articles of the International scientific and practical conference, September 21–23, 2017]. Ryazan: Ryazan State University Press, 2017. P. 50–56.

Molkov 2018 — G. A. Molkov. Terminologiya traktatov A. P. Gannibala «Geometriya praktika» i «Fortifikatsiya» 1725–1726 gg. [The terminology of the treatises of A. P. Hannibal «Practical geometry» and «Fortification» 1725–1726]. S. D. Shelov, E. Tsisun (eds.). *Terminologiya i znaniye. Materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma* (Moskva, 8–10 iyunya 2018 g.) [Terminology and knowledge. Iss. VI. Proceedings of the VI International symposium (Moscow, June 8–10, 2018)]. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 179–188.

Molkov 2020 — G. A. Molkov. Zaimstvovaniya v traktatakh A. P. Gannibala po geometrii i fortifikatsii (1725–1726 gg.): k istorii neizmenyayemykh prilagatelnykh v russkom yazyke [Borrowings in the treatises of A. P. Hannibal on geometry and fortification (1725–1726): on the history of non-declining adjectives in Russian]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii. Pamiati Andreia Anatol'evicha Zalizniaka* [Grammatical processes and systems in diachrony. In memory of Andrei Anatolyevich Zaliznyak]. 2020. Iss. 23. P. 198–208.

Rusanova 2018 — S. V. Rusanova. Otnositelnoye mestoimeniye *kotoryy* v yazyke zakonodatelnykh aktov Petrovskoy yepokhi i novyy yazykovoy standart [Relative pronoun *kotoryy* in the language of legislative acts of the Peter the Great era and the new language standard. E. V. Generalova, V. N. Kalinovskaya, I. A. Malysheva, M. N. Priyemysheva (eds.). *Slavianskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya: sbornik nauchnykh trudov* [Slavic historical lexicology and lexicography: sat. scientific works]. Iss. 1. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies Publ., 2018. P. 68–74.

Sokolov, Malysheva 2019 — A. I. Sokolov, I. A. Malysheva. «Monarkhiya Turetskaya» v perevode P. A. Tolstogo kak istochnik izucheniya russkogo yazyka XVIII veka [«Turkish monarchy» translated by P. A. Tolstoy as a source of studying the Russian language in the 18th century. *Vestnik Moskovskogo pedagogicheskogo instituta. Seriya «Filologiiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»*. 2019. No. 4 (36). P. 34–43.

Sokolov, Malysheva 2021 — A. I. Sokolov, I. A. Malysheva. *Tyurkizmy v odnom iz rannikh russkikh perevodov XVIII veka* [Turkisms in one of the early Russian translations of the 18th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2021. Iss. 18 (1). P. 187–201.

Sorokin 1965 — Yu. S. Sorokin. O «Slovare russkogo yazyka XVIII veka» [About the «Dictionary of the 18th century Russian language»]. Yu. S. Sorokin (ed.). *Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka* [Materials and research on the vocabulary of the Russian language of the 18th century]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. P. 5–42.

Troitskiy 1970 — S. M. Troitskiy. «Sistema» Dzhona Lo i yeye russkiye posledovateli [The "system" of John Law and her Russian followers]. F. Brodel (ed.). *Franko-russkiye yekonomicheskiye svyazi* [Franco-Russian economic ties]. Moscow; Paris: Nauka, 1970. P. 90–138.

Vinogradov 1982 — V. V. Vinogradov. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries]. Moscow: Vysshaya shkola, 1982.

Veselitskii 1972 — V. V. Veselitskii. *Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII — nachala XIX v.* [Abstract vocabulary in the Russian literary language of the 18th — early 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1972.

Zhivov 1988 — V. M. Zhivov. Smena norm v istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka [Change of norms in the history of the Russian literary language of the 18th century] *Russian linguistics*. 1988. Vol. 12. P. 3–47.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 208–235
DOI 10.30842/alp23065737182208235

Инвективная лексика в арабском языке и ее классификация

В. В. Палладес
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия); palaver@zohomail.com

Аннотация. Статья посвящена определению инвективы как явления в арабском языке и классификации одного из основных средств ее реализации — инвективной лексики. Рассматривается понимание инвективы как оскорбления и вербальной агрессии, выделяется основной критерий, отличающий инвективную лексику от остального словаря. На основании этого с учетом уже существующих подходов к анализу средств вербальной агрессии предлагается классифицировать инвективную лексику по трем основаниям: концептно-тематическая принадлежность, табуированность / допустимость и способность выступать в качестве прямого оскорбления.

Ключевые слова: инвектива, инвективная лексика, лексическая типология, языковые концепты, брань, табу, арабский язык.

Invective vocabulary and its classification in the Arabic language

Victor V. Pallades
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
palaver@zohomail.com

Abstract. The paper addresses invectives as a specific phenomenon in Arabic and proposes a classification of the Arabic invective vocabulary. Defining invectives as a specific phenomenon, the author refers to linguistic works by V. Zhelvis, K. Brinev, K. Allen and K. Burridge, as well as to politeness-centered studies by G. Leech and P. Brown & S. Levinson. Analyzing the nature of the invective

© В. В. Палладес, 2022

the author argues that its defining feature is its direct association with the emotional damage it inflicts on the hearer. In chime with the corresponding references found in Arabic dictionaries such as Almaany Dictionary and A. Al-Manshawi's Dictionary of Egyptian Swearing, this idea opens a way for further classification of the invective vocabulary in Arabic.

With this goal in mind, after an overview of the existing approaches to swearword classification in Arabic proposed by A. Montagu, G. Hughes, S. Pinker, M. Ljung, V. Zhelvis and other researchers, the author puts forward his own view on the invective vocabulary typology. It is based on treating concepts not as lexemes but as units of sense, i.e. sort of 'containers', each incorporating a set of various meanings. From this perspective, invective concepts make the basic level of the proposed classification, while the other two levels are that of thematic groups (the concepts' organizational level), and the level of 'sense containers' comprising all the lexemes linked to the concepts existing on the basic level. This structure makes it possible to organize the classification in the most convenient way on the one hand, and effectively adapt it to the constantly changing linguistic realia on the other.

At the same time, this approach does not exclude other possibilities for a systematization of the Arabic invective vocabulary. Apart from the concept-based typology above, the paper identifies other grounds for swearword classification, including based on the taboo/ allowed status of lexemes, or on the ability/inability of lexemes to express direct offense.

Keywords: invective, invective vocabulary, classification of invective, linguistic concepts, swearwords, taboo, Arabic language.

1. Введение

Инвективе в арабском языке редко уделяют внимание. Отчасти это вызвано относительно небольшой изученностью языка в целом — арабский является заложником своего сакрального статуса, и большая часть исследований рассматривает его не столько как средство общения людей, сколько в качестве инструмента донесения до общества божественной воли. Тем не менее на арабском языке разговаривают почти полмиллиарда человек в более чем двадцати странах. И язык, на котором они общаются, достаточно сильно отличается от того

варианта, который был зафиксирован как норма в Коране и до сих пор считается государственным в арабоязычных государствах.

Если реальный живой язык, распространенный настолько широко и обретший многочисленные территориальные особенности, отличающие его от нормативного варианта, по сути, остается в тени научного интереса, то рассчитывать на полноценное и всестороннее изучение такого специфичного явления, как инвектива, в арабском языке достаточно сложно.

Вместе с тем невозможно отрицать тот факт, что инвективы играют важную роль в любом естественном языке, и арабский не является исключением. Поэтому в настоящей статье в качестве материала использовался современный арабский разговорный язык, представленный идиомами (диалектами), функционирующими в различных арабских странах (без ограничения по странам / регионам). Однако прежде всего представляется необходимым разобраться с тем, что понимается под «инвективой» в языке.

2. Инвектива как объект исследования

Под инвективой (от *лат*. invectus) чаще всего понимается агрессивное речевое поведение, целью которого является оскорбить или унизить собеседника. Наиболее точно этому определению соответствует понятие *вербальная агрессия.* Именно так определяет инвективу В. И. Жельвис [Жельвис 2001]. К такому же выводу приходит Г. С. Иваненко, которая в целом отождествляет понятия инвективы и оскорбления [Иваненко 2016].

Если рассматривать оскорбление как речевой акт, то в его структуре, предложенной К. И. Бриневым, выделяется такой элемент, как инвективное высказывание, с помощью которого и реализуется коммуникативная цель инвектора (оскорбляющего) [Бринев 2009]. В свою очередь, инвективное высказывание строится с использованием инвективных средств, которые, согласно Бриневу, делятся на два вида: обладающие инвективной жесткостью и не обладающие ею.

Первый вид характеризуется стабильностью инвективных свойств, у второго наличие инвективности зависит от контекста.

Важным моментом здесь является понимание того, что для реализации иллокутивной цели говорящего, а ей является нанесение адресату вреда в эмоциональной сфере, в рамках речевого акта оскорбления подходят не все средства, а только некоторые, относящиеся к особой группе. Эта мысль сама по себе кажется вполне естественной и не нуждается в особом доказательстве, так, очевидно, что словом *автомобиль* не удастся оскорбить собеседника, несмотря на самую острую интенцию сделать это. Однако к группе инвективных средств можно отнести те, которые могут приобретать инвективность ситуационно, исходя из намерения адресанта, его стремления оскорбить.

Один из вариантов классифицирования подобных средств — отнести их к «имеющим потенциал стать инвективными» («не обладающим инвективной жесткостью» по Бриневу). Примером данных средств служит слово *волк*, коннотации которого в русском языке варьируются от положительных (*старый, опытный волк*) до крайне отрицательных (*волки позорные*). В рамках же настоящей статьи нас интересуют только те инвективные средства, которые сами по себе способны являться оскорблением, если адресовать их собеседнику.

Помимо собственно оскорблений, к инвективной лексике стоит отнести и те слова, которые не служат непосредственно для номинации инвектума (объекта оскорбления), но тем не менее способны нанести ему эмоциональный ущерб. Как правило, это грубая, зачастую табуированная лексика, ее инвективный потенциал настолько высок, что может воздействовать на психоэмоциональное состояние не только адресата сообщения, но и свидетелей, к которым оно не обращено.

Хорошим образом для описания такого рода инвектив служит англоязычный термин *F-bomb* (имеется в виду использование слова *fuck* в неподходящем месте) — в отличие от бранных лексических единиц, направленных на конкретного адресата, подобно пулям, вылетающим из ствола винтовки в сторону врага, *F-bomb* «взрывается» и разлетается во все стороны сразу, нанося урон всем, находящимся в радиусе поражения.

Критерии выделения данной группы лексики во многом схожи с теми, которые описывают К. Аллен и К. Бурридж [Allen, Burridge 2006], давая определение дисфемизмам — словам, усиливающим негативные коннотации, что не позволяет использовать их в рамках вежливого общения. Дисфемизмы противопоставлены эвфемизмам (смягчающим негативные коннотации) и ортофемизмам (устраняющим любые коннотации), и в случае, когда слова, относящиеся к трем данным категориям, имеют общий денотат, только использование дисфемизмов бросает вызов нормам вежливости.

Несмотря на достаточную размытость представлений о вежливости, в общих чертах вежливость можно представить как минимизацию выражения невежливого мнения, как могущего нанести ущерб [Leech 1983; Brown, Levinson 1987]. Если дисфемизмы — это то, что нарушает нормы вежливости, то они относятся к невежливости, а значит, имеют потенциал для нанесения урона адресату. Таким образом, дисфемизмы и инвективную лексику можно считать близкими понятиями, основным детерминационным критерием которых является способность наносить психоэмоциональный ущерб адресату и в ряде случаев другим участникам коммуникативного акта.

Интересен взгляд на инвективу, изложенный в арабских источниках. Авторитетный онлайн-словарь арабского языка Almaany для термина *invective* предлагает ряд арабских эквивалентов, которые можно отнести к одной из двух групп: группа слов со значением ‘клевета’ (تَشهِير *tašhīr*[1], ذَمّ *ḏamm*, قَذف *qaḏf* и др.) и группа слов со значением ‘оскорбление’ (إهانة *ihāna*, شَتِيمَة *šatīma*, مَطعَن *maṭʿan* и др.) [Almaʻāni]. В «Словаре египетской брани» А. Маншави делает попытку отделить сквернословие от ложного обвинения, указывая, что «брань — это дурная, непристойная речь, не содержащая

[1] Поскольку статья ориентирована не только на арабистов, но и на широкий круг интересующихся различными языковыми феноменами лингвистов, представлялось необходимым снабдить эмпирический материал максимально доступной и понятной транскрипцией. Одну из таковых предлагает распространенный стандарт романизации арабского DIN 31635 (https://en.wikipedia.org/wiki/DIN_31635), использованный в настоящей статье.

клеветы», и далее уточняет, что «брань — это оскорбление» (والشتم: السب) [Al-Manšāwī 2017]. Однако используемые для этого определения арабоязычные термины синонимичны и не особо проясняют суть явления. Тем не менее предложенное А. Маншави понимание брани содержит в себе важную мысль о двойственной природе инвективной лексики — как непристойных слов и как оскорбления. Эта мысль выступает своего рода подтверждением адекватности вышеупомянутой идеи о наличии двух типов инвектив: инвективы-«пули» и инвективы-«бомбы».

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению инвективной лексики в арабском языке, стоит отметить, что при определенных условиях она может утрачивать способность наносить ущерб. Это происходит, когда в языковом сообществе размывается граница, отделяющая дисфемизмы от остальной лексики языка, и они становятся допустимыми для общения в рамках данного коллектива. Примерами таких сообществ являются воинские подразделения, различные молодежные субкультуры, тюремная среда и тому подобное. В таких сообществах зачастую складываются собственные нормы использования субстандартной лексики, отличные от общепринятых, и они требуют отдельного исследования.

В настоящей статье рассматривается инвективная лексика в арабском литературном языке и арабских национальных идиомах, представляющих локализованные разговорные варианты, отличия между которыми подчас настолько сильны, что носители разных национальных идиомов не способны понять друг друга.

3. Подходы к классификации инвективной лексики

В науке классификация инвективной лексики проводилась с разных позиций. В англоязычной традиции одну из первых попыток определить различие между разными типами бранных слов предпринял Эшли Монтегю, который предложил следующую типологию:

— брань (*swearing*) — выражение чувства агрессии, следующего за нервным потрясением, с использованием слов с большой эмоциональной силой;

— проклятия (*cursing*) — включает в себя пожелание кары со стороны «злых сил»;

— профанизмы (*profanity*) — форма *swearing*, включающая произнесение названий объектов, являющихся предметом религиозного почитания;

— богохульства (*blasphemy*) — акт поношения или осмеяния сакральных фигур или предметов;

— обсценизмы (*obscenity*) — форма *swearing*, включающая употребление неприличных слов и фраз;

— пошлости (*vulgarity*) — форма *swearing*, в которой используются грубые слова;

— эвфемистичная брань (*euphemistic swearing*) — форма *swearing*, в которой грубые ругательства заменены на более мягкие варианты [Montagu 1967: 105].

В схожем ключе классифицирует содержание понятия *swearing* Джофри Хьюз, добавляя деление бранных слов на две группы — сквернословие (*profane*) и табу. К первой группе он относит проклятия (*curses*), пошлости (*profanity*), злословие (*malediction*), наговоры (*perjury*), богохульства (*blasphemy*); ко второй — заклинания (*spells*), обсценную речь (*obscenity*), непристойности (*foul language*), этнические оскорбления (*ethnic slurs*) [Hughes 1998: XVI].

Подобные классификации помимо того, что они отражают взгляд носителя английского языка не на инвективы, а на понятие *swearing*, семантика которого оказывается шире, чем у понятия инвектива в принятом нами значении, страдают таким серьезным недостатком, как крайне размытые и путаные определения (так, *profanity*, *obscenity*, *vulgarity* и *euphemistic swearing* являются лишь вариантами основного *swearing*, и различия между ними не всегда очевидны, как, например, в случае с *vulgarity* и *swearing* — как одну грубость отличать от другой?).

Особый исследовательский интерес представляют критерии выделения той или иной группы. И Монтегю, и Хьюз в качестве основных различительных признаков используют функциональную составляющую (напр. *swearing*, *cursing* у Монтегю или *curses*, *perjury* у Хьюза) или содержание (напр. *obscenity*, *vulgarity* и *profanity*, *foul language*). Это коррелирует с идеей о наличии особых инвектив, которые оскорбляют не своей направленностью на адресата, а своим содержанием (совокупностью денотативного, коннотативного и эмотивного компонентов).

Помимо вышеупомянутой типологии, Монтегю предложил еще одну классификацию инвектив, согласно которой они могут быть оскорблениями (*abusive*), проклятиями (*adjurative*), клятвами (*asseverative*), восклицаниями (*ejaculatory* или *exclamatory*), выражениями ненависти (*execratory*), словами-вставками (*expletive*), наставлениями (*hortatory*), междометиями (*interjectional*) или укорами (*objurgatory*) [Montagu 1967: 105–106]. В данном случае Монтегю категоризировал инвективы исключительно с функциональной точки зрения. По этому пути впоследствии пошли и другие ученые, представившие свои варианты типологии инвектив на основании выполняемых ими коммуникативных функций, в частности, С. Пинкер [Pinker 2007] и М. Льюнг [Ljung 2011].

Несмотря на значительную стройность теории, функциональный подход к классификации инвектив может быть приложим только с учетом прагматических параметров коммуникативного акта, к конкретным высказываниям, выполняющим в речи определенную коммуникативную функцию. В настоящей работе лексические средства рассматриваются вне дискурса, следовательно, не могут быть классифицированы таким образом.

Как представляется, наиболее естественный вариант классификации инвективной лексики — использовать лексико-семантический принцип, то есть объединять слова в группы по общности их семантики. Подобный подход обнаруживается у многих исследователей, которые наряду с функциональной типологией группировали инвективы по их значению. Так, Жельвис, разрабатывая лексико-семантическую классификацию инвектив, выделяет следующие их группы:

1. Богохульства
2. Скатологическая тема
3. Зоовокативы и зоосравнения
4. Тема секса
5. Тема крови
6. Ксенофобия [Жельвис 2001: 221]

Льюнг, в свою очередь, говорит о пяти основных темах, которые охватывают бранные слова:

1. Религия / тема сверхъестественного
2. Скатологическая тема
3. Половые органы
4. Секс
5. Мать / семья [Ljung 2011: 35]

Основные темы по Льюнгу относятся к табу. Наряду с ними существуют менее значимые лексико-семантические группы, такие как проституция, определенные болезни и смерть. При этом инвективу *bloody* ‘кровавый’ Льюнг выносит за рамки групп как не относящуюся ни к одной из названных тем.

Достойна упоминания и лексико-семантическая классификация, предложенная Н. С. Заворотищевой для испанского и английского языков, которая включает пять групп:

1. Инвективные лексические единицы общего характера
2. Инвективные обозначения недостатков умственного развития
3. Инвективные обозначения внешности человека
4. Инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения
5. Инвективные обозначения отклонений в здоровье [Заворотищева 2010: 76].

Если классификации Жельвиса и Льюнга схожи и представляют собой несколько упрощенное и/или обобщенное распределение инвективной лексики с фокусом на табуированные единицы (например, в них нет места таким инвективам, как *тупица*

или *мошенник*), то группы Заворотищевой отличаются неоднородной тематической плотностью. С одной стороны, четыре из пяти выделяемых групп предназначены для описания различных недостатков и отклонений личности с излишней, на наш взгляд, подробностью, а с другой — первая группа может включать в себя неограниченно широкий круг инвектив, в том числе относящихся к четырем другим группам.

На наш взгляд, основной проблемой существующих классификаций инвектив является попытка в первую очередь систематизировать непосредственно лексические единицы. И Монтегю, и Льюнг, и Жельвис — все они предлагают группы, которые объединяют в себе слова и словосочетания, отличаются только основания для выделения групп — это семантика лексем или их функция в речи, которые, однако, на поверку оказываются достаточно зыбкими.

Так, классифицировать слова по их значению кажется наиболее очевидным и естественным подходом. Однако это ощущение сохраняется только до тех пор, пока не обнаруживает себя явление полисемии, когда исследователю приходится как-то решать, к какой категории отнести многозначное слово. Примеров лексем, которые затруднительно отнести к какой-то одной семантической группе, достаточно в любом языке: *motherfucker*, *asshole*, منيوك *manyūk* ‘faggot’, شرموطة *šarmūṭa* ‘whore’ — каждое из данных слов может быть в равной степени отнесено к теме секса или асоциального поведения, с сексом никак не связанного.

С другой стороны, группировка лексем по функциональному принципу вовсе не представляется реализуемой, так как одна и та же лексема может выполнять совершенно различные функции в речи. Хорошим примером в данном случае выступает классификация С. Пинкера, все пять групп которой (описательная, идиоматическая, оскорбительная, эмфатическая и катартическая брань) он проиллюстрировал с помощью одного слова *fuck* [Pinker 2007: 350]. Очевидно, что систематизировать лексические единицы таким образом невозможно, и этот подход применим скорее для типологизации высказываний, тогда как настоящая работа ограничена рассмотрением только инвективной лексики.

4. Концептно-тематическая классификация арабской инвективной лексики

Природа инвективы как агрессивного речевого поведения, несомненно, не может ограничиваться исключительно рамками языка как знаковой системы, но включает в себя этнокультурологические и психолингвистические аспекты. В своем стремлении уязвить оппонента инвектор выбирает прежде всего некий идеальный негативный образ, который он хочет приписать инвектуму, и только потом подбирает подходящие языковые средства, в первую очередь лексические, способные донести желаемый образ до адресата.

Иными словами, инвективная лексика не является первичным источником той силы, которая способна причинять эмоциональный ущерб слушателю, но выступает в качестве носителя, с помощью которого эта сила достигает адресата. Таким образом, в инвективном дискурсе бранные слова играют роль контейнера, в который говорящий вкладывает оскорбительную идею и в котором он отправляет ее реципиенту. Важной особенностью таких лексических контейнеров является присущая им универсальность — в один и тот же контейнер можно вложить разные идеальные образы. Это то, что мы называем полисемией, и то, что представляет проблему для классификации инвективной лексики по семантическому основанию — не представляется возможным классифицировать лексемы-контейнеры, если их содержание меняется от ситуации к ситуации. Значительно более рациональным подходом выглядит тот, при котором систематизируются первоисточники, а не вторичные носители инвективного заряда, т. е. для классификации инвективной лексики следует сначала разобраться с теми идеальными образами, которые эта лексика способна передавать.

Чем же наполняет языковую единицу человеческое сознание? Готлоб Фреге предлагает рассматривать слово (*имя* в терминологии Фреге) как часть системы, куда также входят денотат и смысл: «Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть

с тем, что можно было бы назвать *денотатом* знака [Bedeutung], но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать *смыслом* знака [Sinn]; смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [Фреге 1977]. Если с денотатом все понятно (это «определенная вещь (в самом широком смысле слова)»), то осознать смысл имени как «способ представления обозначаемого» достаточно сложно, а Фреге не поясняет дополнительно, что из себя представляет смысл отдельного слова.

Свое понимание термина Фреге *смысл* применительно к слову предложил Ю. С. Степанов. Он, используя в качестве примера русскую лексему *петух*, выделяет ее значение (денотат): «все птицы определенного внешнего вида: ходячая (не летающая) птица, самец, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах». Смысл же данного слова Степанов видит в следующем: «а) домашняя птица, б) самец кур, в) птица, поющая определенным образом и своим пением отмечающая время суток…» [Степанов 2004] Несложно заметить, что у Степанова смысл и значение во многом совпадают (‘птица’, ‘самец’, определенное пение / внешний вид), что по-прежнему не дает возможности четко дефинировать термин «смысл». Однако из данного примера можно заключить, что если значение сфокусировано на объекте, «определенной вещи», и его всесторонних характеристиках, то для смысла важен не объект, а только некоторые его особенности, объединяющиеся в сознании человека в нематериальный образ. Таким образом, смысл раскрывается как «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [Степанов 2004]. И в данном понимании термин «смысл» становится синонимичен термину «концепт».

Являясь сложным понятием, концепт может быть определен различными способами, например, как «смысловой квант человеческого бытия-в-мире, в зависимости от конкретных условий превращающийся в различные специализированные формообразования» [Ляпин 1997] или как «многомерный смысловой вариант / инвариант, смысловой центр преобразований разноплановых функциональных структур деятельности в определенной предметной области» [Ляпин 1997]. При этом совершенно очевидно, что концепт занимает важное место

в культуре, являясь ее «основной ячейкой в ментальном мире человека» [Степанов 2004] и «геном, определяющим фенотип культуры» [Ляпин 1997]. В рамках настоящей работы под концептом мы будем понимать идеальный образ, существующий в сознании носителей определенной лингвокультуры и включающий в себя весь набор представлений, ассоциаций, знаний и переживаний, связанных с этим образом.

Поскольку именно концепт является первоисточником смыслов, которые затем «упаковываются» в лексемы, чтобы быть доставленными адресату, то наиболее рационально классифицировать инвективную лексику, опираясь именно на концепты как на ключевой элемент типологии. Однако концепты достаточно многочисленны, и для придания системе стройности мы будем объединять концепты в группы по тематическому принципу. Таким образом, мы предлагаем концептно-тематическую классификацию арабской инвективной лексики, реализуемую на трех основных уровнях: тематическая группа — концепт — лексема.

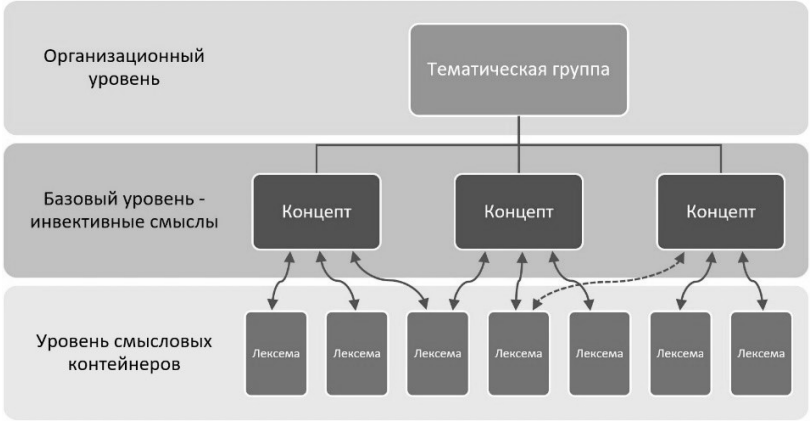

Рисунок 1. Уровни концептно-тематической классификации инвективной лексики
Figure 1. Levels of the concept-based classification of invective vocabulary

Данная классификация позволяет, с одной стороны, структурировать массу концептов с помощью тематических групп как условного

организационного элемента, с другой — адекватно отражает существующую лабильность взаимосвязей между концептами и лексемами: с течением времени некоторые связи отмирают, одновременно с этим возникают новые, и каждая из них обладает своими характеристиками, такими как прочность, языковой ареал, набор необходимых для реализации экстралингвистических факторов.

Одной из особенностей типологизации инвективной лексики является ограниченность тематик, в рамках которых должны существовать концепты, чтобы нести инвективный заряд. Так, в арабском языке мы обнаружили пять основных тем, к которым относятся все известные инвективные концепты:

1. Секс (копулятивные инвективы)
   a. само половое сношение
   b. половые органы и прочие «срамные места»
   c. девиации в сфере секса
2. Нечистоты, грязь
3. Пороки человека
   a. физические недостатки
   b. умственные недостатки
   c. осуждаемое поведение
   d. ничтожность
4. Религиозные девиации
5. Ксенофобия

Невозможно не заметить, что почти все эти темы ранее так или иначе выделяли другие исследователи инвективы. Очевидно, данный факт может быть связан с определенной универсальностью для большей части человеческих сообществ сфер, которые имеют потенциал для зарождения в них инвектив. Однако чувствительность каждой темы в различных лингвокультурах может разительно отличаться. Концептный состав каждой из выделяемых пяти тематических групп также крайне важен для понимания того, какие именно образы в конкретной лингвокультуре могут нести инвективный потенциал.

На лексическом, самом нижнем, уровне классификации мы непосредственно наблюдаем всю языковую специфику в ее синхроническом

и диахроническом разрезе. Слова, передающие тот или иной концепт, меняются в зависимости от региона, конфессиональных и этнических особенностей, вслед за модой и прогрессом появляются новые единицы, старые уходят в пассив и теряют свою инвективность. Столь высокая подвижность элементов на этом уровне стала одним из факторов, обусловивших необходимость введения концептов как базового уровня классификации.

Несмотря на то, что описание всех существующих в арабском языке инвективных концептов и соответствующих им лексем не входит в задачу настоящей работы по причине их многочисленности, мы можем приложить выдвинутую классификацию к наиболее употребительной арабской инвективной лексике и представить результаты в виде *Таблицы 1*[2] (см. ниже).

Даже в узких рамках данного списка можно заметить ряд важных для целей настоящего исследования особенностей. Например, лексема كويّنم *manyūk* с исходной семантикой ‘fucked’ должна, по логике, относиться к концепту *Futuēre*, но при субстантивации произошел семантический сдвиг, и она приобрела значение ‘гомосексуалист’ (концепт *Cinaedus*), а затем в результате метафорического переноса появилось дополнительное значение ‘непорядочный человек’ (концепт *Vitiōsus*). Таким образом, одно слово относится минимум к трем концептам сразу. В этом конкретном случае за счет инвективной силы своего «стартового» концепта (*Futuēre*) языковая единица сама по себе, в своей оболочке, стала нести часть оскорбительного заряда, что сделало ее востребованной для передачи других концептов (*Vitiōsus*) в случае, когда требуется нанести максимальный ущерб адресату.

С другой стороны, ряд слов, обозначающих в первую очередь женоподобность мужчины (صيص *ṣīṣ*, حرحر *ḥirḥir*, مخنث *muḫannaṯ*) и относящихся в нашей классификации к группе человеческих пороков, могут использоваться как копулятивные инвективы для указания

[2] В группе «Половое сношение» в *Таблице 1* представлены лексемы, являющиеся глаголами, которые могут использоваться в речи в различных формах (финитные / нефинитные, индикатив / императив). Лексемы остальных групп в таблице являются именами.

Таблица 1. Концептно-тематическая классификация арабской инвективной лексики

Table 1. Concept-based classification of the Arabic invective vocabulary

Группа		Концепт	Лексема					
Копулятивные инвективы	Половое сношение	Futuēre	نيك	*nīk*	ركب	*rakab*	حوي	*ḥawi (мар.)*
		Opūs sexuālis	مص	*moṣṣ*	لحس	*laḥas*	كبس	*kabbas*
		Masturbārī	ضرب عشرة	*ḍarab ʿišra (ег.)*	فك خيط	*fakk ḫayṭ (сауд.)*	دق حلاوة	*daqq ḥalāwa (суд.)*
	Срамные места	Mentula	زب	*zubb*	زبر	*zubr*	ابر	*ayr (сир., ег.)*
		Cunnus	كس	*kuss*	طبون	*ṭabūn (мар., алж., тун.)*	زك	*zak (ливийск., мар., алж., тун.)*
		Cūlus	طيز	*ṭīz*	بخش	*buḫš (сир.)*	جحر	*ǧoḥr (йем)*
		Landīca	عبسة	*ʿabsa (эм.)*	زنبور	*zanbūr (ег.)*	شنطيط	*šanṭīṭ (алж.)*
		Cōleī	فخشة	*faḫša (сауд.)*	قلوة	*qilwa (мар., алж.)*	محاشم	*maḥāšim (ег.)*
		Mammae	بزاز	*bzaz*	ديد	*dayd (эм., бахр., кув., кат.)*	زيزا	*zīza (алж.)*
	Половые девиации	Cinaedus	لوطي	*lūṭiy*	منيوك	*manyūk*	خول	*ḫawwal (ег.)*
		Scortum	شرموطة	*šarmūṭa*	عاهرة	*ʿāhira*	قحبة	*qaḥba*
		Lēnō	قواد	*qawwād*	عرص	*ʿarṣ*	جرار	*ǧarrār (сауд., эм., кув.)*

Группа		Концепт	Лексема					
Нечистоты		Merda	خراء	*ḫarā*	قلوط	*qalūṭ (cyð.)*	هرار	*hurār*
		Ūrīna	شخة	*šuḫḫa*	شخ	*šuḫḫ*		
		Sordēs	وسخ	*wasaḫ*	زبالة	*zbāla*	زفت	*zift*
		Calceus	جزمة	*gizma (ег.)*	فرطوس	*farṭūs (ег.)*	صرمة	*ṣorma (ег.)*
Пороки человека	физические	Obēsus	طبوز	*ṭabūz (мар.)*	شحمان	*šaḥmān (cyð.)*	دب	*dubb*
		Claudus	أعرج	*aʿraǧ*	كسيح	*kasīḥ*	مشلول	*mašlūl*
		Macer	سلوقي	*sulūqiy*	نحيل	*naḥīl*	هيكل عظمي	*haykil ʿaẓmiy*
	умственные	Stultus	أحمق	*ʾaḥmaq*	بليد	*balīd*	أخرق	*ʾaḫraq*
		Dēlīrus	مجنون	*maǧnūn*	مسودن	*msoden (up.)*	همجي	*hamaǧiy (кув., cyð.)*
	осуждаемое поведение	Latrō	حرامي	*ḥarāmiy*	لص	*liṣṣ*	سارق	*sāriq*
		Timēns	جبان	*ǧabbān*	متخاذل	*mutaḫāḏil*	خواف	*ḫawwāf*
		Mendāx	كاذب	*kāḏib*	خراص	*ḫarrāṣ*	نصاب	*naṣṣāb*
		Vitiōsus	سافل	*sāfil*	وغد	*waġd*	واطئ	*wāṭiʾ*
	ничтожность	Nēquam	جيفة	*ǧīfa (мар.)*	فارغ	*fāriġ*	فاضي	*faḍiy*
		Pauper	صايع	*ṣāyiʿ*	صعلوق	*ṣaʿlūq*	ضائع	*ḍāʾiʿ*
Религиозные девиации		Īnfidēlis	كافر	*kāfir*	مشرك	*mušrik*	مرتد	*murtad*
		Peccātor	فاسق	*fāsiq*	فاجر	*fāǧir*	فاحش	*fāḥiš*
Ксенофобские прозвища		Niger	زنجي	*zinǧi*	عبد	*ʿabd*	زيران	*zayrān (up.)*
		Albus	حلبي	*ḥalabi (cyð.)*				

на нетрадиционную сексуальную ориентацию. Здесь, очевидно, имел место другой процесс — требовалось смягчить инвективность концепта *Cinaedus*, поэтому для его передачи носители арабской лингвокультуры стали использовать слова, относящиеся к схожему, но значительно менее инвективному концепту.

Оба примера подтверждают гибкость и подвижность лексемного уровня предлагаемой классификации, но не нарушают ее логики, поскольку сохраняется устойчивость за счет значительно более стабильного уровня концептов.

Вместе с тем следует отметить наличие языковой специфики. Так, в группу арабских копулятивных инвектив входят не только концепты половых органов, но и концепт *Cūlus*, который представлен лексемами, традиционно относимыми к скатологической теме. В арабском же языке данный концепт ближе к сексуальной сфере (напр., среди одних из наиболее частотных выражений с лексемами *Cūlus*: نيك طيزك *nīk ṭīzak* ‘fuck your arse’, ايري في طيزك *’ayri fī ṭīzak* ‘my dick in your arse’ и т. п.). Скатология, в свою очередь, представлена в тематической группе нечистот.

Еще одной характерной чертой арабской инвективной лексики является практически полное отсутствие такого лексического пласта, как богохульства, присутствующего практически у всех европейских исследователей инвективы. Это можно объяснить тем, что поношение сакральных фигур, использование их имен с негативными коннотациями является в арабоязычном мире настолько сильным табу, что никто не решается его нарушить. В то же время не исключено, что объекты религиозного почитания в анализируемой лингвокультуре просто не могут нести отрицательную окраску по определению.

Анализ собранного нами эмпирического материала показывает, что некоторые священные образы и сакральные формулы, например тема матери / семьи или проклятия, достаточно часто используются арабами в инвективных контекстах, но не попадают в предлагаемую классификацию, поскольку, как уже отмечалось выше, в фокусе настоящего исследования находятся лексические единицы арабского языка, обладающие самостоятельной инвективностью и выступающие ядром инвективных высказываний. Концепт матери, как и других

членов семьи, безусловно является сакральным в арабской лингвокультуре, но несмотря на частое вхождение в состав бранных выражений, не является инвективным сам по себе. Следовательно, ему не нашлось места в нашей классификации инвективной лексики. То же можно сказать и о проклятиях.

5. Иные варианты классификации арабской инвективной лексики

5.1. Инвективы-«бомбы» и инвективы-«пули»

Концептно-тематическая классификация — не единственно возможный способ структурирования инвективной лексики. Определив в ходе исследования инвективы как единицы двух типов — инвективы-«пули» и инвективы-«бомбы», мы установили, что первые характеризуются избирательностью своего инвективного воздействия, вторые распространяют инвективность во все стороны, задевая не только адресата, но и случайных слушателей. Сложность размежевания двух типов заключается в том, что если инвективы-«пули» всегда направлены на поражение только адресата и, следовательно, не функционируют без него (при этом адресат может находиться вне досягаемости высказывания инвектора — напр., الرئيس معرص *’ar-ra’īs mu‘arraṣ* ‘the president is a pimp’ — или иметь гипотетический / обобщенный характер: كل السياسيون كذابون *kullu-s-siyāsiyūn kaḏḏābūn* ‘all politicians are liars’), то у инвектив-«бомб» может иметься определенный инвектум, а может и нет. В последнем случае они выступают в качестве пейоративов для оценки сложившейся ситуации или выражения испытываемых говорящим эмоций, оставаясь при этом инвективами, то есть они не утрачивают способность наносить эмоциональный ущерб любому реципиенту.

Иными словами, механизм реализации инвективности у «пуль» однороден, а у «бомб» носит двойственный характер, основным зарядом поражая адресата, а «осколками» задевая свидетелей. Однако

одного факта принятия данной классификации инвектив недостаточно, необходимы четкие критерии, определяющие их принадлежность к одному из заявленных типов. Таким критерием, по нашему мнению, является табуированность / допустимость инвектив. Только табуированные инвективы обладают достаточным потенциалом воздействия на психоэмоциональное состояние человека, чтобы поражать «осколками» тех, к кому они не обращены. Впрочем, верно и обратное — если инвектива способна поражать не только адресата, значит, она относится к табу.

Следовательно, второй возможной классификацией инвективной лексики является ее деление на допустимую и табуированную («пули» и «бомбы», соответственно). Но даже появление такого, на первый взгляд понятного, критерия не проясняет процесс категоризации лексики, так как пока не до конца осознаны и не сформулированы основания (принципы) причисления тех или иных слов к табу.

В арабском языке ситуация осложнена в том числе и существованием своеобразного «табу на табу» — на фоне очевидного присутствия в языке запрещенных к публичному употреблению слов полностью отсутствует какое бы то ни было регулирование этой сферы. Ни законодательство арабских стран, ни регулирующие СМИ органы никак не выделяют наличие особой лексической группы, единицы которой недопустимы к использованию в общественных местах. Может сложиться впечатление, что носители арабского языка или совершенно нечувствительны к «осколкам», разлетающимся от инвектив-«бомб», или впитывают список табуированной лексики с молоком матери, в связи с чем нет нужды в его эксплицитном выражении. Однако это не так.

Попытки разобраться с табу в арабском языке, предпринимавшиеся некоторыми исследователями-носителями [Al-Khatib 1995; Qanbar 2011], явно продемонстрировали отсутствие единого взгляда на проблему, но изучение этих работ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, несомненно существование в языке самого феномена табу, т. е. наличие ряда слов, одно произнесение которых может нанести эмоциональный ущерб окружающим. Во-вторых, можно с определенной долей уверенности утверждать, что к таковым единицам относятся практически все лексемы, соотнесенные

с концептами копулятивной тематической группы. Иными словами, табуированная лексика в арабском языке прежде всего связана с сексуальной сферой, в том числе половыми органами, их функциями и отклонениями в сексуальном поведении.

Подтверждение данному выводу мы находим в любительских списках бранных слов, составленных пользователями сети интернет. Наиболее грубые обсценные выражения почти всегда отличаются наличием в их составе слов, передающих концепты *Mentula*, *Futuēre*, *Opūs sexuālis*, *Cūlus*, *Cunnus*, *Scortum*, *Cinaedus*, *Lēnō*:

— مص ايري *muṣṣ ayri* ‘suck my dick’
— إلحس زبي *ilḥas zubbi* ‘lick my dick’
— ايري ببزيزات أختك *ayri bibzēzāt uḫtak* ‘my dick between your sister’s tits’
— روح انتاك *rūḥ intāk* ‘fuck off’
— حنيكك *ḫanīkak* ‘I will fuck you’
— طيزك مفتوحة *ṭīzak maftūḥa* ‘your arse is open’
— أخو الشرموطة *aḫū ššarmūṭa* ‘brother of a whore’
— كس أمك *kiss ummak* ‘your mother’s cunt’
— لوطي *lūṭiy,* ممحون *mamḥūn*, خول *ḫawal* منيوك *manyūk* ‘faggot’
— ابوك عرصة *abūk ʻarṣa* ‘your father is pimp’ [Ahmad 2018]

Помимо копулятивных инвектив в составе самых резких выражений нередко встречаются лексемы, соотнесенные с концептами тематической группы *Нечистоты, грязь*:

— كول خرا *kōl ḫara,* كل زق *kul ziq* ‘eat shit’
— خرايا عليك *ḫarāya ʻaleyk* ‘shit upon you’
— مخه جزمة *moḫḫu gizma* ‘his mind is a shoe’, ابن الجزمة *ibn algizma* ‘son of a shoe’
— يا زبالة *ya zbāla* ‘you pile of garbage’
— زي زفت *zey zift* ‘like tar’ [Ahmad 2018]

Вместе с тем знакомому с арабским языком ясно видно, что выражения из второго списка (связанного с нечистотами) вряд ли способны поражать кого-то кроме адресата (т. е. являются «пулями», не табу), в то время как инвективы из первой группы (в которые входят лексемы

с копулятивным смыслом), будучи произнесенными в общественном месте, повлекут за собой неминуемую негативную реакцию со стороны случайных слушателей — их в полной мере можно считать табуированными. Однако эти соображения основаны в первую очередь на языковом опыте, и неспособность арабских авторов-составителей любительских словарей брани различать запрещенную к произнесению лексику от нежелательной к адресации подтверждает необходимость использования научного подхода к дифференциации инвективных лексических средств арабского языка на табуированные и допустимые.

5.2. Прямые и непрямые инвективы

Третий возможный вариант классификации инвективной лексики связан с различиями в механизме реализации инвективности, когда выделяются прямые оскорбления и непрямые оскорбления. В первом случае лексема указывает непосредственно на объект вербальной агрессии (являясь вокативом или номинативом), во втором она также имеет целью нанести урон определенному адресату, но в силу особенностей своей семантики или грамматического значения не может называть объект инвективы.

Инвентарный список лексем-инвектив, способных выступать вокативом или номинативом, достаточно широк, так как прямые оскорбления инвектума — это наиболее распространенный и простой способ реализации задачи словесной агрессии. К нему относятся все лексические единицы, связанные с концептами групп *Пороки человека*, *Религиозные девиации*, *Ксенофобские прозвища* и подгруппы *Половые девиации*. Это легко объяснимо, так как концепты этих групп в качестве объекта всегда предполагают индивида, наделенного определенными качествами (напр., يا حرامي *yā ḥarāmi* ‘you thief’, т. е. ты ‘тот, кто ворует и грабит’; هاد الزنجي الأحمق *hād azzinǧi alʾaḥmaq* ‘this stupid negro’, т. е. ‘этот человек глупый и имеет черный цвет кожи’). Однако в арабском языке даже слова, указывающие на определенные части тела или нечистоты, способны реализовывать свою инвективную функцию в том числе при прямом назывании адресата.

В качестве примера можно взять выражение انت خرا *inta ẖara* ‘you are shit’ — в данном случае инвектуму отказывают даже в человеческой сущности, называя его напрямую испражнениями. Вероятно, данное инвективное высказывание является сокращенным вариантом, в исходном виде содержавшим указание на человека (ср. انت زول قلوط *enta zōl qalūṭ* ‘you are shit man’), где лексема со значением ‘shit’ играла роль признака объекта, но в настоящее время многие лексические единицы, относящиеся к концептам тематической группы *Нечистоты*, способны не только характеризовать индивида, но и напрямую называть его (напр., يا جزمة *yā gizma* ‘you shoe’; يا وسخة *yā wasẖa* ‘you filth’). Такую же способность имеют и некоторые лексемы, передающие концепты подгруппы *Срамные части тела*: يا ايري *yā ayri* ‘you my dick’ или يا زبي *yā zubbi* ‘you my dick’.

Тем не менее в арабском языке достаточно инвективной лексики, которая не может быть использована для называния объекта инвективы. Так, например, по всей видимости, не используются для прямой номинации инвектума лексемы концептов *Cōleī*, *Landīca*, *Mammae*. Скорее всего, это связано с тем, что инвективность концепты приобрели благодаря непосредственной связи с сексуальной сферой, являющейся сильным лингвокультурным табу в арабском обществе, однако узкая специфичность содержащихся в них образов сдерживает расширение сферы их функционирования.

К непрямым инвективам относятся также все инвективные глаголы (نيك *nīk*, حوي *ḥawi* ‘fuck’ и пр.) — в силу своего грамматического значения они не способны называть инвектума, но при этом активно используются в составе эксплетивов, угроз, оскорбительных предложений и пожеланий.

6. Выводы

Таким образом, инвективная лексика в целом, и в арабском языке в частности, отличается значительной гетерогенностью, что естественным образом ставит на исследовательскую повестку дня

потребность в ее классификации. В настоящее время не существует общепринятой типологии инвективной лексики, кроме того, предложенные ранее классификации базируются на материале европейских языков и не лишены определенных недостатков, поэтому для арабского языка нами предложена собственная классификация по трем различным основаниям.

Во-первых, самый очевидный способ систематизации инвективной лексики — концептно-тематический. Предложенная нами классификация включает тематические группы: копулятивные инвективы, нечистоты, пороки человека, религиозные девиации и ксенофобские прозвища. Анализ эмпирического материала показывает, что все бранные слова в арабском языке относятся к одной из этих тем. Но данные темы существуют не для группировки лексем — они объединяют концепты, которые в свою очередь выступают в качестве идеального инвективного образа, представленного конкретными лексемами. В конечном счете данная классификация имеет следующую уровневую структуру: тематическая группа — концепт — лексема. Такой достаточно гибкий способ представления позволяет учитывать особенности семантики отдельных лексем и при этом дает наглядное представление об особенностях мировосприятия носителей арабского языка.

Во-вторых, одним из оснований классификации является избирательность / неизбирательность при нанесении ущерба. Если лексическая единица, направленная на адресата, поражает только его и подобна разящей цель пуле, это является признаком высокой избирательности инвективы. Если в результате коммуникации эмоциональный удар получает не только адресат сообщения, но и все присутствующие, как будто взорвалась бомба, значит, инвектива неизбирательна. Свойством неизбирательной инвективности обладают только табуированные слова, а значит, классификация по этому основанию в итоге будет иметь два типа инвектив: табуированные и допустимые.

В-третьих, некоторые инвективные лексемы могут выступать в качестве вокативов, напрямую называя инвектума. Другие в силу разных причин (особенностей семантики, грамматического значения)

способны только косвенно оскорбить адресата — в составе угроз, непристойных предложений, пожеланий и в качестве эксплетивов.

Таким образом, каждая инвективная лексическая единица арабского языка может быть характеризована с трех сторон: по ее концептно-тематической принадлежности, по ее табуированности / допустимости в данной системе и по ее способности / неспособности напрямую оскорбить адресата (т. е. способности служить вокативом).

Список условных сокращений

Арабские диалекты: алж. — алжирский; бахр. — бахрейнский; ег. — египетский; ир. — иракский; йем. — йеменский; кат. — катарский; кув. — кувейтский; ливийск. — ливийский; мар. — марокканский; сауд. — саудовский; сир. — сирийский; суд. — суданский; тун. — тунисский; эм. — эмиратский.

Литература

Бринев 2009 — К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009.

Жельвис 2001 — В. И. Жельвис. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. второе, переработанное и дополненное. М.: Ладомир, 2001.

Заворотищева 2010 — Н. С. Заворотищева. Инвективы в современной разговорной речи: на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка: дисс. … канд. филол. наук]. М.: Российский университет дружбы народов, 2010.

Иваненко 2016 — Г. С. Иваненко. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 129–135.

Ляпин 1997 — С. Х. Ляпин. Концептология: к становлению подхода // С. Х. Ляпин (ред.). Концепты. Научные труды Центрконцепта. Вып. 1. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. С. 11–35.

Степанов 2004 — Ю. С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.

Фреге 1977 — Г. Фреге. Смысл и Денотат // А. И. Михайлов (ред.). Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВИНИТИ, 1977. С. 181–210.

Ahmad 2018 — B. Ahmad. Swear Words In Syria, Egypt, and Other Arab Countries, a Guide. S. l.: Independently published, 2018.

Al-Khatib 1995 — M. A. Al-Khatib. A sociolinguistic view of linguistic taboo in Jordanian Arabic // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1995. Vol. 16. Iss. 6. P. 443–457.

Allen, Burridge 2006 — K. Allen, K. Burridge. Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Hughes 1998 — G. Hughes. An Encyclopedia of Swearing. The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language and Ethnic Slurs in English. London: Penguin Books, 1998.

Leech 1983 — G. Leech. Principles of Pragmatics. Essex: Longman, 1983.

Ljung 2011 — M. Ljung. Swearing. A Cross-Cultural Linguistic Study. New York, Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.

Montagu 1967 — A. Montagu. The Anatomy of Swearing. London; New York: Macmillan and Collier, 1967.

Pinker 2007 — S. Pinker. The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature. New York: Viking, 2007.

Qanbar 2011 — N. Y. Qanbar. A Sociolinguistic Study of the Linguistic Taboos in the Yemeni Society // Modern Journal of Applied Linguistics. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 86–104.

Almaʻāni — Qāmūs Almaʻāni. Translation and meaning of invective in Arabic [Электронный ресурс] // English Arabic Dictionary of Terms [сайт]. URL: https://www.almaany.com/en/dict/ar-en/invective/ (дата обращения: 27.01.2022)

Al-Manšāwī 2017 — ʻAmrū Al-Manšāwī. Qāmūs Aš-šatāʾim Al-miṣriyya. Al-Qāhira: Muʾassasat Ibdāʻ Lit-tarǧama wa An-našr wa At-tawzīʻ, 2017.

References

Ahmad 2018 — B. Ahmad. *Swear Words In Syria, Egypt, and Other Arab Countries, a Guide.* S. l.: Independently published, 2018.

Al-Khatib 1995 — M. A. Al-Khatib. A sociolinguistic view of linguistic taboo in Jordanian Arabic. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1995. Vol. 16. Iss. 6. P. 443–457.

Allen, Burridge 2006 — K. Allen, K. Burridge. *Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Alma‘āni — Qāmūs Alma‘āni. *Translation and meaning of invective in Arabic. English Arabic Dictionary of Terms*. Available at https://www.almaany.com/en/dict/ar-en/invective/ (accessed on 27.01.2022).

Al-Manšāwī 2017 — ‘Amrū Al-Manšāwī. *Qāmūs Aš-šatāʾim Al-miṣriyya*. [Dictionary of Egyptian Swearwords]. Al-Qāhira: Muʾassasat Ibdā‘ Lit-tarğama wa An-našr wa At-tawzī‘, 2017.

Brinev 2009 — K. I. Brinev. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya yekspertiza: monografiya* [Theoretic linguistic and forensic linguistic expertise: monograph]. Barnaul: Altai State Pedagogical University Press, 2009.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. Politeness: *Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Frege 1977 — G. Frege. Smysl i Denotat [On Sense and Reference]. A. I. Mikhaylova (ed.). *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. Moscow: VINITI, 1977. Iss. 8. P. 181–210.

Hughes 1998 — G. Hughes. *An Encyclopedia of Swearing. The Social History of Oaths, Profanity, Foul Language and Ethnic Slurs in English*. London: Penguin Books, 1998.

Ivanenko 2016 — G. S. Ivanenko. *Invektiva / oskorbleniye: aspekty kvalifikatsii v yekspertnoy praktike* [Invective / insult: aspects of qualification in expert practice]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2016. Vol. 3. P. 129–135.

Leech 1983 — G. Leech. *Principles of Pragmatics*. Essex: Longman, 1983.

Ljung 2011 — M. Ljung. *Swearing. A Cross-Cultural Linguistic Study*. New York; Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011.

Lyapin 1997 — S. Kh. Lyapin. Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda [Conceptology: towards the formation of the approach]. S. Kh. Lyapin (ed.). *Kontsepty. Nauchnyye trudy Tsentrkontsepta* [Concepts. Scientific works of the centerconcept]. Vol. 1. Arkhangelsk: Pomor State University Press, 1997. P. 11–35.

Montagu 1967 — A. Montagu. *The Anatomy of Swearing.* London; New York: Macmillan and Collier, 1967.

Pinker 2007 — S. Pinker. *The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature*. New York: Viking, 2007.

Qanbar 2011 — N. Y. Qanbar. A Sociolinguistic Study of the Linguistic Taboos in the Yemeni Society. *Modern Journal of Applied Linguistics*. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 86–104.

Stepanov 2004 — Yu. S. Stepanov. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: dictionary of Russian culture]. 3rd edition. Moscow: Akademicheskiy Proyekt, 2004.

Zavorotishcheva 2010 — N. S. Zavorotishcheva. *Invektivy v sovremennoy razgovornoy rechi: na materiale pireneyskogo natsionalnogo varianta ispanskogo yazyka i amerikanskogo natsionalnogo varianta angliyskogo yazyka* [Invectives

in modern colloquial speech: On the material of the Pyrenean national variant of Spanish and the American national variant of English]. Candidate thesis. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2010.

Zhelvis 2001 — V. I. Zhelvis. *Pole brani: Skvernosloviye kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [Field of battle: profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. 2nd edition. Moscow: Ladomir, 2001.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 236–251
DOI 10.30842/alp23065737182236251

Особенности применения арабской буквы *джӣм* [ǧ] для передачи звуков, обозначаемых латинскими буквами *j* и *g(i/e)* в португальских рукописях на алжамии XVI в.

О. В. Тихонова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); pajaro@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — проанализировать особенности употребления в португальских документах арабской буквы *джӣм* [ǧ]. Материалом послужили восемь документов XVI в. на *алжамии* (на португальском языке в арабской графике) в издании Д. Лопеша — единственные дошедшие до наших дней. Главный вывод исследования: основная функция буквы *джӣм* [ǧ] — не обозначение звуков, передаваемых латинскими *j* и *g(i/e)*, как это указал Д. Лопеш, а обозначение звуков, передаваемых латинской *s* в интервокальной позиции.

Ключевые слова: алжамиа, арабо-португальские рукописи, арабская графика, алхамиадо, орфография алхамиадо, чередования с буквой *джӣм.*

Usage of the Arabic letter *jīm* in 16th century Portuguese manuscripts written in Aljamia for the sounds denoted by the Latin *j* and *g(i/e)*

Olga V. Tikhonova
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); pajaro@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the usage of the Arabic letter *jīm* [ǧ] in medieval Portuguese documents where it stands for the sounds rendered in other texts by the Latin letters *j* and *g(i/e)*. The study is based on the only eight surviving 16th century documents written in Aljamia (medieval Portuguese rendered

© О. В. Тихонова, 2022

in the Arabic script) and published by D. Lopesh in 1897. This article is the first attempt to look into cases of alternation of the Arabic *jīm* and of other letters, especially the Arabic *šīn* [š], in Portuguese documents.

The article's basic findings include:

1) Contrary to Lopesh, it turns out that the main function of the letter *jīm* [ǧ] is to stand for the sounds denoted by the Latin *s* in intervocal positions rather than for those rendered by *j* and *g(i/e)*.
2) In this (apparently, basic) function, the Arabic *jīm* [ǧ] shows strong alternation with *šīn* [š].
3) In its main function of denoting the sounds rendered by the Latin *j* and *g(i/e)*, the Arabic *jīm* [ǧ] does not alternate with the other Arabic letters.
4) Occasionally, *jīm* [ǧ] is found to stand for sounds rendered by the Latin letters *ch, c(i), z, h.*
5) Finally, this paper assumes that in the period analyzed the pronunciation of sounds denoted by the Latin *s* in the intervocal position could be close to that of the sounds rendered by the Latin *j* and *g(i/e)* which were both rendered by the Arabic *jīm* [ǧ].

Keywords: Aljamiado, aljamiado spelling, Arabographic texts, Portuguese texts in Arabic script, alternation of *jīm*.

1. Введение. Португальская алжамиа: определение термина и историко-лингвистический контекст

Статья посвящена графике и орфографии португальской алжамии (средневековые тексты на португальском языке в арабской графике) как источнику по исторической фонетике португальского языка. В статье анализируется использование арабской буквы *джӣм* [ǧ] и ее чередования с другими арабскими буквами в португальских документах нач. XVI в.

Слово «алжамиа» (порт. *aljamia*) восходит к XV в., но как термин употребляется с XIX в. под влиянием испанского термина алхамиадо (исп. *aljamiado*). Термин «алжамиа» обозначает рукописные тексты на португальском языке в арабской графике [Harvey 1986: 1]. *Словарь современного португальского языка Лиссабонской академии*

наук (DLE) определяет слово «алжамиа» (порт. *aljamia* < араб.-исп. *al'aǧamíyya* < араб. *a'ǧamiyyah* — 'иностранный, чужой') [DLE: aljamía] как «текст, в котором звуки неарабского языка воспроизводятся арабскими символами» [DLP 2001: 177]. В терминологическом значении это слово окончательно закрепилось в португальском языке в 40-е гг. XX в. под влиянием трудов португальского историка-арабиста профессора Давида де Мелу Лопеша (1867–1942).

Арабо-португальские тексты не получили такого распространения, как арабо-испанские. В отличие от испанского алхамиадо, на котором существует обширная художественная и религиозная мусульманская литература (сохранилось больше 200 рукописей на испанском языке в арабской графике) [Martinez-de-Castilla-Munoz 2014: 519], на португальской алжамии известны только восемь документов [Drumond Braga 2008: 113], которые и послужили материалом настоящего исследования. В данной работе испанский материал, в котором использовалась строго разработанная система транслитерации, приводится для сравнения функции, выполняемой одной и той же арабской буквой в родственных языках.

Арабо-португальские документы хранятся в Государственном архиве Португалии Торре ду Томбу (шифр PT/TT/CART/891.2) [Lopes 1897: 40–77]. Документы относятся к периоду португальского владычества в г. Сафи (Марокко) (1508–1542 гг.) [Lopes 1897: xxxi], в частности, ко времени правления короля Португалии Мануэла I[1]. Документы написаны марокканскими подданными португальской короны и обращены непосредственно к королю (шесть писем) либо к его наместнику в г. Сафи (одно письмо)[2]. В письмах сообщается о военно-политической обстановке в португальской колонии[3]. Письма не являются автографами. Это списки, сделанные, вероятно, переписчиками короля. Всем спискам (кроме клятвы) предпослана фраза: *Tralado da carta* (порт. 'Переложение письма').

[1] Мануэль I (годы жизни: 1461–1521; годы правления: 1495–1521) — король Португалии.

[2] Среди документов встречается также клятва верности.

[3] Подробнее об истории португальских завоеваний в Африке см. [Dias Farinha 1999].

В 1897 г. арабо-португальские документы были изданы Д. Лопешом [Lopes 1897: 40–77]. Книга Д. Лопеша выдержала два издания [Lopes 1940]. Кроме того, семь писем были изданы в серии *Sources inédites de l'histoire du Maroc*, подготовленной Д. Лопешом [Harvey 1986: 4; Castries et al. 1939].

В *Разделе 2* статьи представлены некоторые общие сведения по орфографии арабо-португальских документов, в частности, уточняются способы передачи гласных и дифтонгов в португальской алжамии. В *Разделе 3* анализируются особенности применения арабской буквы *джӣм* [ǧ] и чередования с другими арабскими буквами, в том числе с буквой *шӣн* [š].

2. Орфография арабо-португальских текстов

Д. Лопеш приводит таблицу соответствий для арабских и португальских букв в текстах на алжамии [Lopes 1897: xxvi, xxxvii]. Однако в его таблице учтены не все встречающиеся в документах арабские буквы, поскольку в арабо-португальских текстах, как и в арабо-испанских, некоторые арабские буквы используются очень редко, другие не используются вовсе [Lopes 1897: xxxvii]. В действительности в португальских документах не встречаются только буквы *ẖāʾ* [ẖ] и *ẓāль* [ḏ]. Часто встречается буква *ṭāʾ* [ṭ]. Остальные буквы, не включенные Д. Лопешом в таблицу, встречаются в португальских словах редко: *tāʾ марбӯṭа* [t], *ṣāʾ* [ṯ], *ḍāḍ* [ḍ]; или в арабских: *ʿайн* [ʿ], *ẖāʾ* [ẖ], *хāʾ* [h].[4] Несмотря на то, что Д. Лопеш включил в таблицу норм транслитерации буквы *ṣāḍ* [ṣ] и *ḳāф* [q], в португальских документах они встречаются редко. Ниже приводится таблица, составленная автором с учетом указанных фактов (см. *Таблицу 1*).

[4] В большинстве случаев эти буквы встречаются в арабской ономастике и топонимике: ***A**bda* (9 примеров), *Iá**h**ia* (8 примеров), *Bulisb**é*** (2 примера), ***H**adu* (1 пример), *Al**h**auz* (1 пример), *Sa**í**de* (1 пример), *Ibra**h**im* (1 пример), *Gu**h**er* (1 пример).

Таблица 1. Транслитерация текстов на португальской алжамии

Table 1. Transliteration of the texts in Portuguese Alhamia

Порт.	**Араб. графема**	**Назв.**[5]	**DIN**[6]	**Порт.**	**Араб. графема**	**Назв.**	**DIN**
Гласные							
a, e	اَ	*фатха, +'алиф*	[a]	u, o, ou	أُ	*дамма, +'алиф*	[u]
	اَ				وُ	*дамма +вāв*	
i, e	اِ	*кясра, +'алиф*	[i]	—	ۥ	*сукун*	—
	ىِ	*кясра +йā'*					
Согласные							
b, p	ب	*бā'*	[b]	n	ن	*нӯн*	[n]
k	ك	*кāф*	[k]	r	ر	*рā'*	[r]
ç	س	*сӣн*	[s]	s, x	ش	*шӣн*	[š]
d	د	*дāль*	[d]	t	ت	*тā'*	[t]
f, v	ڤ	*фā'**	[f]		ظ	*ẓā'*	[ẓ]
g (= gu)	غ	*гайн*	[ġ]		ط	*ṭā'*	[ṭ]
j	ج	*джӣм*	[ǧ]	z	ز	*зāй*	[z]
l	ل	*лӕ̄м*	[l]	w	و	*вāв*	[w]
m	م	*мӣм*	[m]	y	ى	*йā'**	[y]
Согласные (редкие, иберо-романские слова)							
ç	ص	*ṣāд*	[ṣ]		ث	*ṯā'*	[ṯ]
q	ف	*ḳāф*	[q]		ض	*ḍāд*	[ḍ]
t	ة	*тā' марбӯṭа***	[t]				

[5] Для удобства приводятся русские названия арабских графем.

[6] Наиболее распространенный стандарт научной транслитерации арабского языка DIN-31635. Немецкий институт по стандартизации [DIN].

Порт.	Араб. графема	Назв.	DIN	Порт.	Араб. графема	Назв.	DIN
Согласные (редкие, арабские слова)							
	ح	*ḥā’*	[ḥ]		ع	*‘айн*	[‘]
	ه	*хā’*	[h]				
* Буквы *фā’* [f], *ḳāф* [q], *йā’* [y] представлены в магрибском начертании [7]. ** Буква *тā’ марбӯṭа* [t] — вариант буквы *тā’* [t]. *** Буквы *ẖā’* [ḫ], *ẕāль* [ḏ] не встречаются в португальских документах.							

Огласовка. В данном исследовании помимо переводов слов на португальский, предложенных Д. Лопешом, используется общепринятая транслитерация с арабского алфавита на латинский для более точной передачи португальских слов. При транслитерации огласовок *фатха* (ً) передается как *a*, что может соответствовать португальским буквам *a* и *e*; *кясра* (ٍ) как *i* — порт. *i* и *e*; *дамма* (ٌ) как *u* — порт. *u* и *o*. Также в статье используется значок (ّ) для знака *сукун* (ْ).

3. Буква *джӣм* [ǧ] для передачи звуков португальского языка

В таблице соответствий арабского и португальского алфавита в издании арабо-португальских документов Д. Лопеш отмечает, что буква *джӣм* [ǧ] служит для передачи звуков, обозначаемых латинской *j* [Lopes 1897: xxxvii]. Буква *джӣм* [ǧ] встречается в арабо-португальских документах 160 раз, но только в 27 случаях Д. Лопеш транслитерирует ее

[7] Магрибское письмо отличается от принятого на Востоке: кроме прочего, *ḳāф* (ق) пишется с одной точкой наверху (ڤ), а *фā’* (ف) с одной точкой внизу (ڢ); буква *йā’* (ي) встречается без двух точек (ى) [Юшманов 1985: 30]. В отличие от других исследователей, которые при публикации восстанавливают восточное начертание [Menéndez Pidal 1902: 2; Morf 1883], Д. Лопеш сохраняет оригинальную орфографию [Lopes 1897: 40–77].

как *j*, в большинстве примеров (110) он использует букву *s*. Кроме того, 17 раз встречается буква *g* (в сочетании с гласными *i, e*), трижды — сочетание *ch*, по одному разу — буквы *c(i), z, h* (см. *Таблицу 2*).

Таблица 2. Латинские буквы, используемые для транслитерации арабской буквы *джӣм* [ǧ]

Table 2. Latin letters for transliteration of the Arabic letter *jīm* [ǧ]

s	110
j	27
g(e/i)	17
ch	3
c(i)	1
z	1
h	1
Итого:	**160**

Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *j*[8]. В арабском языке *джӣм* обозначает звонкую постальвеолярную аффрикату [ǧ]. В португальских документах буква *джӣм* [ǧ] транслитерируется как *j* в 27 примерах: *aj**j**untei* (порт. ‘я собрал’) (7:62:12) [3 раза][9], *dese**j**am* (порт. ‘они желают’) (2:44:2) [3], ***j**udeus* (порт. ‘иудеи’) (3:46:2) [3], ***j**ustiça* (порт. ‘справедливость’) (6:60:19) [3], ***j**á* (порт. ‘уже’) (3:46:2) [2], ***j**uro* (порт. ‘я клянусь’) (5:50:2) [2], *aj**j**uda* (порт. ‘помощь’) (3:48:1)

[8] В испанском алхамиадо буква *джӣм* [ǧ] использовалась для обозначения препалатального фрикативного глухого звука [ǧ] в испанском языке и обычно транслитерируется как *j* [Galmés de Fuentes 1972: 153]. В исследуемый исторический период в испанском языке буква *j* обозначала другой звук ([ǧ] > [ž]), нежели в современном испанском ([χ]). Звук [ǧ] относится к «четырем средневековым фонемам», позже исчезнувшим в испанском языке [Menéndez Pidal 1902: 25; Lapesa 1981: 204–206, 421–424, 637–638; Тихонова 2021].

[9] Цифры в квадратных скобках указывают, сколько раз данное слово встречается в тексте в указанной орфографии.

[2] и др. Эти примеры нам не встретились в орфографии с другими буквами (см. *Таблицу 3*).

Таблица 3. Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *j*

Table 3. Arabic letter *jīm* [ǧ] transliterated as latin *j*

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
джӣм (ج)	كِيَجُنْتَاىْ	kiya**ǧ**untaāa	*que-a**j**untei* ‘который я собрал’ (7:62:12) [3]
	دِجِجَاوْ	diǧi**ǧ**aāw	*dese**j**am* ‘они желают’ (2:44:2) [3]
	جُدَاءُوْشْ	**ǧ**udaāawš	***j**udeus* ‘иудеи’ (3:46:2) [3]

Буква *шӣн* [š], транслитерированная как *j*. В португальских документах буква *j* только один раз используется для транслитерации буквы *шӣн* [š]: *cin**j**o*[10] (порт. ‘я опоясываю’) (5:50:10) [1] (см. *Таблицу 4*).

Таблица 4. Буква *шӣн* [š], транслитерированная как *j*

Table 4. Arabic letter *шӣн* [š] transliterated as latin *j*

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
шӣн (ش)	جِنْشُ	**ǧ**inšu	***c**injo* ‘я опоясываю’ (5:50:10) [1]

Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *g(e/i)*[11]. В португальской алжамии звуки, обозначаемые буквой *g* в сочетаниях (*a, o, u*), передаются арабской буквой *гайн* [ġ], а в сочетании с гласными *e*/*i* — буквой *джӣм* [ǧ]. В португальских документах такая транслитерация встречается в 17 примерах: ***g**ente* ‘народ’ (2:42:17) [7], *fu**g**iamos* ‘[мы] убежали’ (3:46:16) [6], *privile**g**io* ‘преимущество’ (7:70:16) [2],

[10] В этом же примере буква *джӣм* [ǧ] используется для передачи звуков, обозначаемых латинской *c(i)*: ***c**injo* (порт. ‘я опоясываю’) (5:50:10) [1].

[11] В испанском алхамиадо звуки, обозначаемые буквой *g* в сочетаниях (*a, o, u*), передаются арабской буквой *гайн* [ġ], а в сочетании с гласными *e*/*i* — буквой *джӣм* [ǧ] [Galmés de Fuentes 1972: 153, 159; Lopes 1897: xxvi, xxxvii].

*evan**g**elhos* ‘евангелия’ (5:50:7) [1], *re**g**imento* ‘полк’ (6:60:18) [1] (см. *Таблицу 5*).

Таблица 5. Буква *джӣм* [ğ], транслитерированная как *g(e/i)*

Table 5. Arabic letter *jīm* [ğ] transliterated as Latin *g(e/i)*

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
***джӣм* (ج)**	جِنْتِ	**ğ**inti	***g**ente* ‘люди’ (2:42:17) [7]
	لِفُجِيَمُشْ	lifu**ğ**iyamuš	*lhe-fu**g**iamos* ‘[мы] убежали от него’ (3:46:16) [6]
	اَفَجَلُوشْ	afa**ğ**aluwš	*evan**g**elhos* ‘евангелия’ (5:50:7) [1]

Звуки, обозначаемые буквой *g* в сочетании с *e*/*i*, не передаются с помощью других арабских букв. А также ни буква *j*, ни буква *g(e/i)* не используются для транслитерации иных букв, чем *джӣм* [ğ], кроме названного исключения: *cin**j**o* (порт. ‘я опоясываю’) (5:50:10) [1].

Буква *джӣм* [ğ], транслитерированная как *s* [12]**.** При транслитерации буквы *шӣн* [š] в арабо-португальских документах обычно используются буквы *s* и *x* (см. таблицу Д. Лопеша).

В португальских документах для передачи звуков, обозначаемых латинской буквой *s*, в 110 случаях встречается буква *джӣм* [ğ]: *qui**s**er* ‘захочет’ (7:62:7) [12], *ca**s**a* ‘дом’ (1:40:5) [10], *cou**s**a* ‘вещь’ (3:46:14) [10], ***as*** (опред. артикль ж. р.) (7:66:11) [8], *de**s**honra* ‘бесчестие’ (6:54:16) [7], *cau**s**a* ‘причина’ (4:48:10) [4], *do**s*** ‘из’ (3:44:7) [4], *de**s**eja* ‘желает’ (8:76:4) [3], *dou**s*** ‘два’ (6:56:4) [3], *dua**s*** ‘две’ (3:44:5) [3], *mê**s*** ‘месяц’ (3:48:2) [3], ***os*** (опред. артикль м. р. мн. ч.) (6:60:4) [3], *pre**s**ente* ‘настоящее’ (7:66:13) [3], *mi**s**ericordio**s**o* ‘милостивый’ (2:42:3) [2] и др. (см. *Таблицу 6*).

[12] В испанском алхамиадо буква *шӣн* [š] обычно транслитерируется как *x* (***x**imio* ‘обезьяна’, *ba**x**o* ‘низкий’), но служит не только для обозначения звука [š] (на письме *x*), но и звука [ṡ], обозначаемого как *-ss-* в интервокальной позиции (*pa**ss**ar* ‘проводить’, *e**ss**e* ‘этот’, *ama**ss**e* ‘полюбил бы’), *s-* в начальной позиции (***s**eñor* ‘господин’) или в стечении с согласным в постпозиции (*pen**s**ar* ‘думать’). В отличие от звука [š] звук [ṡ] сохранился в современном испанском языке [Menéndez Pidal 1902: 26; Lapesa 1981: 204–207].

Таблица 6. Употребление *джӣм* [ǧ] и *шӣн* [š], транслитерированных как *s*, в одних и тех же или в однокоренных словах

Table 6. Alternation *jīm* [ǧ] and *šīn* [š] transliterated as Latin *s* (in the same words)

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
***джӣм* (ج)**	دِجُنْرَا	diǧunraā	*des**h**onra* ‘бесчестие’ (6:54:16) [7]
***шӣн* (ش)**	دِشُنْرَاشَىْ	dišunraāšaā	*des**h**onrassem* ‘[они] опозорили бы’ (6:50:16)
***джӣм* (ج)**	اَجْمَنْدَافَ	āǧmandaāfa	*as-mandava* ‘[он] их отправил’ (7:66:11) [8]
***шӣн* (ش)**	اَشْ	āš	*as* (опред. артикль ж. р. мн. ч.) (6:52:4)
***джӣм* (ج)**	كُجْ اَلاَرْفِشْ	kuǧālārfiš	*com-os alarves* ‘с сигналами тревоги’ (6:60:4) [3]
***шӣн* (ش)**	اُشْ	uš	*os* (опред. артикль м. р. мн. ч.) (6:52:6)

Чаще всего буква *джӣм* [ǧ] встречается в этой транслитерации в интервокальной позиции в слове либо в фонетической группе. Во многих примерах встречается чередование *джӣм* [ǧ] и *шӣн* [š].

Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *ch* [13]. В отличие от испанского алхамиадо, в португальской алжамии не разрабатывались специальные символы для обозначения звуков, передаваемых этим сочетанием букв [Мазняк, Тихонова 2020], как и в мосарабском алхамиадо [14]. В португальских документах буква *джӣм* [ǧ] служит для передачи звуков, обозначаемых сочетанием *ch*, только в трех примерах: ***ch**egou* ‘[он] прибыл’ (7:64:15) [1], ***ach**avam* ‘[они] считали’ (8:74:10) [1], ***ach**egarem* ‘[они] приедут’ (1:40:12) [1]. В одном случае

[13] В испанском алхамиадо для обозначения звуков, передаваемых сочетанием латинских букв *ch*, был разработан специальный символ: арабская буква *джӣм* [ǧ] со знаком *ташдид* (ّ) — ﺟّ [Galmés de Fuentes 1970: 154].

[14] Мосарабское алхамиадо — испано-романские слова (или фразы) в арабской графике, встречающиеся в арабских текстах христиан и мусульман аль-Андалуса [Воевуцкий 1987: 55].

как *ch* транслитерируется буква *сӣн* [s]: ***ch**ei* ‘[я] счёл’ (3:48:4) [1]. Во всех остальных примерах в исследуемых документах звуки, передаваемые этим сочетанием букв, обозначаются арабской буквой *шӣн* [š], которая чередуется с *сӣн* [s] и *джӣм* [ǧ] (см. *Таблицу 7*).

Таблица 7. Употребление *джӣм* [ǧ], *шӣн* [š], *сӣн* [s], транслитерированных как *ch* в одних и тех же или в однокоренных словах

Table 7. Alternation *jīm* [ǧ], *šīn* [š], *sīn* [s] transliterated as Latin *ch* (in the same words)

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
***сӣн* (س)**	كِيَسَىْ	kiya**s**aā	*que-**ach**ei* ‘который [я] счёл’ (3:48:4) [1]
***шӣн* (ش)**	اَشَىْ	ašaā	***ach**ei* ‘[я] счёл’ (6:54:16)
***джӣм* (ج)**	شَجَافَاوْ	ša**ǧ**aāfaāw	*se-**ach**avam* ‘[они] считались’ (8:74:10)

Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *c(i)*. Звуки, обозначаемые этой латинской буквой, обычно в алжамии передаются арабскими буквами *сӣн* [s] и *ṣād* [s] (см. таблицу Д. Лопеша). Встречается только один пример такой транслитерации: ***c**injo* ‘[я] опоясываю’ (5:50:1) [1]. Другой транслитерации этого слова не встречается (см. *Таблицу 8*).

Таблица 8. Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *c(i)*

Table 8. Arabic letter *jīm* [ǧ] transliterated as Latin *c(i)*

Арабская буква	Алжамиа	DIN	Португальский
***джӣм* (ج)**	جِنْشُ	**ǧ**inšu	***c**injo* ‘[я] опоясываю’ (5:50:10) [1]

Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *z*[15]. В португальских документах один раз для передачи звуков, обозначаемых латинской *z*,

[15] В испанском алхамиадо для передачи звуков, обозначаемых латинской буквой *z* (*fazer* ‘делать’, *razimo* ‘гроздь’), используется арабская буква *зайн* [z]. В арабском буква *зайн* [z] обозначает переднеязычный фрикативный звонкий звук [z], а в испанском алхамиадо — зубную звонкую аффрикату [ẑ]. Позднее испанская фонема [ẑ] (как и фонема [ŝ]) перешла в фонему [θ], на письме

используется буква *джӣм* [ǧ]: *prezos* ‘пленные’ (7:70:1) [1]. Это слово встречается в документах еще один раз, однако в этом случае Д. Лопеш транслитерирует его латинской *s*. При этом в арабской орфографии слова изменений не наблюдается (см. *Таблицу 9*).

Таблица 9. Употребление *s*/*z,* транслитерированных как *джӣм* [ǧ] в одних и тех же или в однокоренных словах

Table 9. Alternation *s*/*z* in transliteration of *jīm* [ǧ] (in the same words)

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
джӣм (ج)	بِريجُشْ	biriy**ǧ**uš	*prez**o**s* ‘пленные’ (7:70:1) [1]
	بِريجُ	biriy**ǧ**u	*pres**o*** ‘заключенный’ (6:56:16) [1]

Буква *джӣм* [ǧ], транслитерированная как *h*. Встречается только один пример такой транслитерации: *Ia**h**ia* ‘Йахйа’ (3:46:13) [1]. В остальных случаях имя Йахйа написано с буквой *ẖā’* [ḫ]: *Iá**h**ia* ‘Йахйа’ (1:40:1) [8] (см. *Таблицу 10*).

Таблица 10. Употребление *джӣм* [ǧ] и *ẖā’* [ḫ], транслитерированных как *h* в одних и тех же или в однокоренных словах

Table 10. Alternation *jīm* [ǧ] and *ḥā’* in transliterarion of *h* (in the same words)

Араб. буква	Алжамиа	DIN	Португальский
джӣм (ج)	يَجْيَا	ya**ǧ**yaā	*Ia**h**ia* ‘Йахйа’ (3:46:13) [1]
ẖā’ (ح)	يَحْيَا	ya**ḫ**yaā	*Iá**h**ia* ‘Йахйа’ (1:40:1) [8]

Звуки, обозначаемые всеми указанными буквами, кроме *g(e*/*i)* и *j*, передаются и с помощью других арабских букв.

Таким образом чередования с *джӣм* [ǧ] можно представить в следующей сводной таблице.

обозначаемую *c* перед *e*/*i (**c**eder* ‘уступить’, ***c**ielo* ‘небо’, *lu**c**ir* ‘блистать’) или *z (coraz**o**́n* ‘сердце’, *luz* ‘свет’) [Lapesa 1981: 204–206]. В поздних текстах на испанском алхамиадо (кон. XVI–XVII вв.) для обозначения фонемы [θ] встречается буква *ç̄a’* [t̲]. В арабском эта буква указывает на межзубный фрикативный глухой звук [t̲] [Galmés de Fuentes 1970: 152–160].

Таблица 11. Употребление *джӣм* [ǧ], *шӣн* [š] и др. в португальской алжамии
Table 11. Alternation *jīm* [ǧ], *šīn* [š], etc. in Portuguese Aljamia

	s	***ss***	***x***	***ch***	***ç, c(i/e)***	***z***	***j***	***g(i/e)***	***h***	**Всего**
шӣн [š]	**891**	**178**	**46**	**20**	15	11	1	—	—	**1163**
джӣм [ǧ]	**110**	—	—	3	1	1	**27**	**17**	1	**160**
сӣн [s]	40	4	3	1	**153**	20	—	—	—	**222**

4. Выводы

1. Арабская буква *джӣм* [ǧ] встречается в португальских документах 160 раз. Согласно Д. Лопешу, основная функция буквы *джӣм* [ǧ] — передавать звуки, обозначаемые латинскими буквами *j* и *g(i/e)*, но в этой функции *джӣм* [ǧ] встречается только в 44 примерах. Однако именно в этой функции *джӣм* [ǧ] не чередуется с другими арабскими буквами, и наоборот, звуки, передаваемые латинскими *j* и *g(i/e),* обозначаются только буквой *джӣм* [ǧ].

2. В большинстве случаев буква *джӣм* [ǧ] используется для передачи звуков, обозначаемых латинской *s* в интервокальной позиции (110 примеров). В этой функции она чередуется с буквой *шӣн* [š], для которой передача звуков, обозначаемых латинской *s*, — основная. Однако в этом случае буква *s* встречается в начале слова либо в стечении с согласным, но не в интервокальной позиции.

3. Таким образом, если звуки, передаваемые латинскими *j* и *g(i/e),* обозначаются только буквой *джӣм* [ǧ] (независимо от позиции в слове), а звуки, обозначаемые латинской буквой *s*, передаются в зависимости от позиции: интервокальной (*джӣм* [ǧ]), начальной (*шӣн* [š]), в стечении с согласным (*шӣн* [š]), то можно сделать вывод о том, что в описываемый период звуки, обозначаемые латинской *s* в интервокальной позиции, сближаются по произношению со звуками, обозначаемыми латинскими *j* и *g(e/i)*. Эти обозначения звуков португальского в начале XVI в. сближаются с обозначениями звуков

в мосарабском историческом диалекте конца XI — начала XIV вв. и показывают преемственность фонем мосарабского и португальского, исчезнувших в кастильском (так называемые «четыре средневековые фонемы» испанского языка в определении Р. Лапесы).

4. В единичных случаях буква *джӣм* [ǧ] используется для передачи звуков, обозначаемых другими латинскими буквами: *ch* (3 примера), *c(i)* (1), *z* (1), *h* (1). И в этой функции *джӣм* [ǧ] чередуется с другими арабскими буквами.

Список условных сокращений

араб. — арабский; араб.-исп. — арабо-испанский; в. — век; вв. — века; вульг. — вульгарная; исп. — испанский; кл. араб. — классический арабский; назв. — название.

Литература

Воевуцкий 1987 — И. Н. Воевуцкий. Орфографические принципы конфессиональных языков // Ю. А Петросян (ред.). Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Ч. 2. М.: ГРВЛ, 1987. С. 53–56.

Мазняк, Тихонова 2020 — М. М. Мазняк, О. В. Тихонова. Португальская алжамиа: португальские тексты в арабской графике XVI в. // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2020. № 2. С. 64–74.

Тихонова 2021 — О. В. Тихонова. Особенности использования арабских букв *йāʼ* и *джӣм* в словах на алхамиадо в архиве толедских мосарабов (XII–XIII вв.) // Acta Linguistica Petropolitana. 2021. Т. 17. Ч. 2. С. 205–228.

Юшманов 1985 — Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М.: Наука, 1985.

Castries et al. 1939 — H. Castries, D. Lopes, R. Richard. Les Sources Inédites de l´Histoire du Maroc. 1e série, Dynastie Saadienne, 1530–1660, Archives et bibliothéques de Portugal. Tome II. Première partie, Mai 1516 — Décembre 1526. Paris: Ed. Ernest Leroux, 1939.

Corriente 1980 — F. Corriente. Lección 3ª: Grafonomía // F. Corriente. Gramática árabe. Madrid: Instituto hispano-árabe de cultura; Ministerio de Cultura, 1980. P. 41–51.

Dias Farinha 1999 — A. Dias Farinha. Os portugueses em Marrocos. Lisboa: Instituto Camões, 1999.
DIN — Deutsches Institut für Normung (электронный ресурс). URL: https://www.DIN.de/de (дата обращения: 01.12.2020).
DLE — Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española (электронный ресурс). URL: https://dle.rae.es (дата обращения: 01.12.2020).
DLP — Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea. Lisboa: Academia das Ciências de Lisboa, 2001.
Galmés de Fuentes 1970 — A. Galmés de Fuentes. Historia de los amores de París y Viana. Colección de literatura española aljamiado — morisca (CLEAM). Madrid: Gredos, 1970.
Galmés de Fuentes 1983 — A. Galmés de Fuentes. Dialectología mozárabe. Madrid: Ed. Gredos, 1983.
Harvey L. P. Aljamia Portuguesa Revisited // Portuguese Studies Review. 1986. № 2. P. 1–14.
Lapesa 1981 — R. Lapesa. Historia de la lengua española. Madrid: Gredos, 1981.
Menéndez Pidal 1902 — R. Menéndez Pidal. Poema de Yúçuf. Madrid: Tip. de la Revista de Archivos; Bibliotecas y Museos, 1902.
Morf 1883 — H. Morf. El Poema de José. Leipzig: Druck von W. Drugulin, 1883.

Источники

Lopes 1897 — D. Lopes. Textos em aljamia portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim. Lisboa: Imprensa nacional, 1897.
Lopes 1940 — D. Lopes. Textos em aljamia portuguesa: estudo filológico e histórico. 2ª edição. Lisboa: Imprensa nacional, 1940.

References

Corriente 1980 — F. Corriente. *Gramática árabe.* Madrid: Instituto hispano-árabe de cultura. Ministerio de Cultura, 1980. P. 41–51.
Dias Farinha 1999 — A. Dias Farinha. *Os portugueses em Marrocos*. Lisboa: Instituto Camões, 1999.
DIN — *Deutsches Institut für Normung*. Available at: https://www.DIN.de/de (accessed on 01.12.2020).
DLE — *Diccionario de la Lengua Española*. Real Academia Española. Available at: https://dle.rae.es (accessed on 01.12.2020).

DLP — *Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea*. Lisboa, Academia das Ciências de Lisboa, 2001.

Galmés de Fuentes 1970 — A. Galmés de Fuentes. *Historia de los amores de París y Viana. Colección de literatura española aljamiado — morisca* (CLEAM). Madrid: Gredos, 1970.

Galmés de Fuentes 1983 — A. Galmés de Fuentes. *Dialectología mozárabe*. Madrid: Gredos, 1983.

Harvey L. P. Aljamia Portuguesa Revisited. *Portuguese Studies Review.* 1986. № 2. P. 1–14.

Lapesa 1981 — R. Lapesa. *Historia de la lengua española*. Madrid: Gredos, 1981.

Lopes 1897 — D. Lopes. *Textos em aljamia portuguesa: documentos para a história do domínio português em Safim*. Lisboa: Imprensa nacional, 1897.

Lopes 1940 — D. Lopes. *Textos em aljamia portuguesa: estudo filológico e histórico*. 2ª edição. Lisboa: Imprensa nacional, 1940.

Mazniak, Tikhonova 2020 — M. Mazniak, O. Tikhonova. Portugalskaya alzhamia: portugalskie teksty v arabskoy grafike XVI v. [Portuguese Aljamia: Portuguese texts in 16th century Arabic script]. *Moscow State University Bulletin.* Series 9. Philology. 2020. № 2. P. 64–74.

Menéndez Pidal 1902 — R. Menéndez Pidal. *Poema de Yúçuf*. Madrid: Tip. de la Revista de Archivos; Bibliotecas y Museos, 1902.

Morf 1883 — H. Morf. *El Poema de José*. Leipzig: Druck von W. Drugulin, 1883.

Tikhonova 2021 — O. Tikhonova. *Osobennosti ispolzovaniya arabskikh bukv jā' i dzhūm v slovakh na alhamiado v arhive toledskikh mosarabov (XII–XIII vv.)* [The use of the Arabic letters *yāʾ* and *jīm* in Aljamiado in "The Archive of Toledo's Mozarabs" (XII–XIII centuries)]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. Vol. 17. Pt. 2. P. 205–228.

Voevutsky 1987 — I. N. Voevutsky. *Orfograficheskie principy konfessionalnykh yazykov* [Orthographic principles of confessional languages]. Yu. A. Petrosyan (ed.). *Pismennye pamyatniki i problemy istorii kultury narodov Vostoka*. 1987. № 2. P. 53–56.

Yushmanov 1985 — N. V. Yushmanov. *Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka* [The grammar of the standard Arabic language]. Moscow: Nauka, 1985.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 252–281
DOI 10.30842/alp23065737182252281

Интерпретационные правила (paribhāṣā) у Панини

Е. А. Уланский
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); ulanskiy@gmail.com

Аннотация. В составленном санскритским грамматистом Панини труде «Аштадхьяи» рассматривается выделенный тип сутр — парибхашасутры, которые задают правила интерпретации кратких и технически нагруженных сутр этого произведения. Предлагается классификация парибхашасутр по их техническому назначению и одновременно по степени универсальности их применения. Все рассмотренные парибхашасутры переведены, снабжены пояснениями и основанными на классических санскритских комментариях примерами их применения.

Ключевые слова: Панини, Аштадхьяи, сутра, Катьяяна, варттика, Кашикавритти, грамматика санскрита, парибхаша, парибхашасутра, метаправило, классификация, метаязык, анувартана, анубандха, пратьяхара.

Pāṇini's rules of interpretation (paribhāṣā)

Evgenii A. Ulanskii
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); ulanskiy@gmail.com

Abstract. The ancient Sanskrit grammatical treatise 'Aṣṭādhyāyī' by Pāṇini consists of sūtras — condensed and technically charged formulae specifying Sanskrit grammar rules. These rules generally fall into four types: headings, definitions, operational rules, and metarules. It is this last type of rules, defined as paribhāṣāsūtra in Sanskrit, which is examined in the proposed paper. These metarules

© Е. А. Уланский, 2022

give general prescriptions and describe conditions for and the order of application of operational rules. A partial review of paribhāṣāsūtras can be found in [Cardona 1997: 52–64]. Abhyankar gives a more complete list of paribhāṣāsūtras in [Abhyankar 1967: 4–5] where he only catalogues the ordination numbers of these sūtras in 'Aṣṭādhyāyī'. The proposed paper considers an even fuller list of paribhāṣāsūtras and classifies them in consistence with their functional roles while also discussing the degree of their universality. The paribhāṣāsūtras were divided into six categories in the present paper — the metarules 1) of general use, 2) on technical use of means of expression in sūtras, 3) on correct reading of sūtras, 4) on exact determination of substituted element and of substitute, 5) on the status of elements mentioned in sūtras, 6) of local character. The paribhāṣāsūtras of all these categories except the last one are universally valid. All the paribhāṣāsūtras discussed are provided here with Russian translation, explanations and examples of their use as gleaned from classical Sanskrit commentaries. This itemized collection of paribhāṣāsūtras can be recommended as a concise manual for correct reading of Pāṇini's 'Aṣṭādhyāyī'.

Keywords: Pāṇini, Aṣṭādhyāyī, sūtra, Kātyāyana, vārttika, Kāśikāvṛtti, Sanskrit grammar, paribhāṣā, paribhāṣāsūtra, metarule, classification, metalanguage, anuvartana, anubandha, pratyāhāra.

1. Введение

Великий грамматист Панини (Pāṇini) приблизительно в V в. до н. э. дал описание грамматики санскрита в труде, получившем название «Аштадхьяи» (Aṣṭādhyāyī) и составленном в жанре с у т р а. Само существительное *sūtra*, означающее 'нить', образовано присоединением к корню *siv-*[1] глагола 'шить' суффикса *tra-*, выражающего роль инструмента. Произведения в жанре сутра подразумевают

[1] Согласно унади-сутре 4.169 часть *iv* корня *siv-* заменяется на *ū* при присоединении суффикса *tra-*. Унади-сутры (Uṇādisūtra) — свод правил суффиксального словообразования, дополняющий «Аштадхьяи». Номер унади-сутры приведен по [Chintamani 1992].

последовательность кратких емких формул, как бы нанизываемых на повествовательную нить[2]. Каждое из этих афористичных высказываний также принято называть сутрой.

В труде Панини различаются следующие виды сутр: заголовочные сутры *adhikāra*, которые не только объявляют тематику последующего блока сутр, но и, чаще всего, содержат формулировку, подставляемую в качестве дополнения в текст сутр этого блока; сутры-определения *saṁjñā*, вводящие условные обозначения или технические термины; сутры-предписания *vidhi*, задающие конкретные грамматические правила; сутры-ограничения *niyama*, сужающие область применения правил или область определения обозначений; сутры-расширения *atideśa*, расширяющие соответствующие области; запрещающие сутры *niṣedha* и интерпретационные сутры *paribhāṣā* [Misra 1966: 34; Cardona 1997: 5; Тавастшерна 2009: 107–108; Волошина 2020: 65].

Рассмотрим подробнее парибхашасутры (*paribhāṣāsūtra*) Панини — более абстрактные по сравнению с сутрами-предписаниями. Парибхашасутры регулируют применение частных правил, описывают условия их использования или же являются указаниями общего характера [Abhyankar 1967: 5; Cardona 1997: 52; Wujastyk 2017: xi]. Концепция парибхаш, как и некоторых других из перечисленных выше видов сутр, была разработана уже в ритуальных шраута-сутрах [Мютель 2004: 38]. Фритц Шталь указывает на наличие в них целого раздела, посвященного парибхашам, и приводит их примеры [Staal 1975: 325]. Некоторые из развившихся впоследствии грамматических парибхаш настолько универсальны, что нашли применение и в других сферах деятельности брахманов, в том числе в философской

[2] Гольдштюкер [Goldstücker 1861: 24] связывает наименование жанра сутра с нитью, которой соединяются пальмовые листы — наиболее распространенный в Индии материал для создания манускриптов. Нить продевается в проделанные в листах отверстия, и объединенные манускрипты содержат запись целого произведения. Эта красивая гипотеза маловероятна, так как, предположительно, во времена Панини и еще долгое время после него брахманы передавали знания исключительно устно.

и в ритуальной [Renou 1956], но это в большей степени относится к постпанинийскому периоду. Парибхашасутры Панини, независимо от уровня абстракции, ориентированы на применение к объектам, содержащимся в самом его трактате.

Наиболее полный перечень парибхашасутр в виде простого перечисления их порядковых номеров в «Аштадхьяи» обнаруживается во вступительной статье к сборнику сводов постпанинийских парибхаш, составленному Абхьянкаром [Abhyankar 1967: 4–5]. Менее полная подборка парибхашасутр, но с формулировками и пояснениями, приведена отдельным разделом в [Cardona 1997: 52–64]. Некоторые парибхашасутры встречаются там и в других разделах. В грамматическом труде Бхаттоджи Дикшиты «Сиддханта-каумуди» [Vasu 1982], представляющем собой комментарий на сутры Панини с их тематической сортировкой, также имеется глава, посвященная парибхашасутрам, которых в ней содержится лишь тринадцать, а многие другие появляются в других главах.

Цель настоящей работы — дать более полную, чем в [Cardona 1997: 52–64], подборку парибхашасутр, осуществить их перевод, снабдить пояснениями и примерами применения, основанными на классических санскритских грамматических комментариях. Задачи работы — классифицировать парибхашасутры по их функциональному назначению, чего, по-видимому, ранее не делалось, а также, по мере возможности, упорядочить выделившиеся при этой классификации категории по степени универсальности применения содержащихся в них парибхашасутр.

2. Парибхашасутры общего характера

К этой категории отнесены две парибхашасутры, областью применения которых является вся «Аштадхьяи». Одна из них регулирует очередность применения грамматических правил, а вторая предписывает не выполнять какое-либо действие, а следить за соблюдением определенного условия.

(1) *vipratiṣedhe* *para-m*
взаимоисключение.LOC.SG последующий-NOM.SG
kārya-m[3]
должный.быть.сделанным-NOM.SG
‘В случае взаимоисключения [правил, каждое из которых гипотетически могло бы быть применено в данный момент] должно вступать в силу [более] позднее’ (1.4.2).

То есть если в некоторой ситуации ничто не препятствует применению сразу двух правил, каждое из которых исключает применение другого, и нет других средств разрешить данное противоречие, то необходимо применять более позднее правило относительно порядка их объявления в трактате. Некоторые грамматисты считают, что сфера действия этой парибхашасутры ограниченна, поскольку она объявлена сразу вслед за еще одной парибхашасутрой 1.4.1, действие которой распространяется лишь на сутры с 1.4.3 по 2.2.38. Но более вероятно, что парибхашасутра 1.4.2 носит универсальный характер. Подтверждением тому может служить следующий пример ее применения, приведенный в знаменитом комментарии к сутрам Панини, который называется «Кашикавритти» [Miśra 1985]. Сутра 7.3.102 предписывает замену конечной *a* именной основы на *ā* при присоединении окончаний, начинающихся с *y* или *bh*; сутра 7.3.103 предписывает замену той же гласной *a* на *e* при присоединении окончаний множественного числа, начинающихся с *s* или *bh*; в результате, образуя форму множественного числа дательного и отложительного

[3] Формулировки сутр в примерах (1)–(43) и в пояснениях к этим примерам даются по [Renou 1966], но без отражения сандхи — изменений звуков на границах слов, за счет чего становится возможным привести поморфемный разбор. В каждом примере после перевода приводится номер сутры, состоящий из трех чисел: номер одной из восьми книг, из которых состоит «Аштадхьяи»; номер одной из четырех глав, на которые делится каждая книга; номер сутры в этой главе. Переводы «Аштадхьяи» доступны на немецком [Böhtlingk 1887], французском [Renou 1966], английском [Katre 2015] языках. На русском языке с переводом и анализом многих приводимых здесь сутр можно ознакомиться в [Захарьин 2007].

падежей, мы присоединяем окончание *-bhyaḥ* к, например, именной основе *vṛkṣa-* ‘дерево’ и заменяем конечную гласную этой основы, руководствуясь более поздним предписанием: *vṛkṣ**e**bhyaḥ*. Заметим, что указанный пример из «Кашикавритти» относился к сутрам с номерами, не входящими в предполагаемую область применения парибхашасутры 1.4.2.

(2) *an-udātta-m* *pada-m* *eka-varja-m*
NEG-высокий-NOM.SG словоформа-NOM.SG один-за.исключением-ADV
‘Все слоги словоформы, за исключением одного, произносятся на низком тоне’ (6.1.158).

Тона у гласных, различавшиеся в ведийском языке, в санскрите ко времени составления «Аштадхьяи» уже начали утрачиваться, но Панини в своей грамматике опирается на оппозиции тонов, следуя ведийской системе. Несмотря на то что для тех или иных корней, основ, словообразовательных или словоизменительных аффиксов предписывается высокий или модулированный тон, в окончательной словоформе необходимо определить лишь один слог, тон произнесения которого не будет низким. Предпочтение тому или иному слогу отдается, исходя из конкретных предписаний или из общих правил интерпретации.

3. О техническом использовании выразительных средств в сутрах

Парибхашасутры этой категории также действуют на протяжении всей грамматики Панини, но еще и объединены общей целью — объяснить функции некоторых маркеров, использованных в «Аштадхьяи».

(3) *ṣaṣṭhī-∅* *sthāne-yogā-∅*
шестой-NOM.SG вместо-соединенный-NOM.SG
‘[Словоформа, имеющая] окончание родительного падежа [по умолчанию] сопровождается послелогом «вместо»’ (1.1.49).

Это означает, что правило, в тексте которого встретилась словоформа с окончанием из шестой серии, то есть форма родительного падежа, предписывает замену обозначаемого этой словоформой объекта (санскритские грамматисты указывают на окончания именного склонения с помощью порядковых числительных, не вводя специальных названий для падежей).

Рассмотрим сутру 2.4.53 *bruv-aḥ vaci-ḥ* (*brū*-GEN.SG *vaci*-NOM.SG). В ней имя глагольного корня *brū*- ‘говорить’ приводится в форме родительного падежа, из чего следует, что глагольный корень *vac*- ‘говорить’ подставляется в м е с т о *brū*- (это осуществляется при присоединении суффиксов типа *ārdhadhātuka*, что выводится из предыдущих сутр). Например, для образования формы инфинитива от *brū*- суффикс инфинитива *-tum* присоединяется к супплетивной корневой основе *vac*-: *vaktum* (произошедшая замена *c* на *k* регулируется отдельным правилом).

(4) *ta-smin* *iti* *nirdiṣṭe* *pūrva-sya*
этот-LOC.SG так[4] указанный.LOC.SG предшествующий-GEN.SG
‘Если указано «при таком-то» [то есть когда элемент приводится в тексте сутры в местном падеже], [то операция, предписываемая этой сутрой, применяется] к предшествующему элементу’ (1.1.66).

Таким образом, местный падеж служит для обозначения правого контекста грамматических операций. Например, из употребления в сутре 6.1.77 *i‹k›-aḥ ya‹ṇ›-∅ a‹c›-i*[5] (*i‹k›*-GEN.SG полугласный-NOM.SG гласный-LOC.SG) словоформы *a‹c›* в местном падеже следует, что п е р е д п р о и з в о л ь н о й г л а с н о й гласные *i‹k›* (*i*, *u*, *ṛ*, *ḷ*; употреблена форма родительного падежа, см. 1.1.49 выше) замещаются полугласными *ya‹ṇ›* (*y*, *v*, *r*, *l*).

[4] Специальная частица *iti*, указывающая на цитирование и помещаемая после цитируемого сообщения, в русских переводах традиционно передается наречием «так».

[5] Угловыми скобками ‹› здесь и далее выделены грамматические пометы — см. ниже объяснение сутры 1.1.71.

(5) *ta-smāt* *iti* *uttara-sya*
этот-ABL.SG так последующий-GEN.SG
‘[Если указано] «от такого-то» [то есть когда элемент приводится в тексте сутры в отложительном падеже], [то операция, предписываемая этой сутрой, применяется] к последующему элементу’ (1.1.67).

Таким образом, отложительный падеж служит для обозначения левого контекста грамматических операций. Например, сутрой 8.1.28 *ti‹ṅ›-∅ a-ti‹ṅ›-aḥ* (глагольная.форма-NOM.SG NEG-глагольная.форма-ABL.SG) дается предписание для глагольных форм, стоящих после неглагольных форм. Это предписание заключается в произношении всех слогов словоформы на низком тоне, что в самом тексте сутры не указывается, поскольку Панини предусмотрел дополнение текста сутр частями формулировок предыдущих сутр, что называется *anuvartana*. Пример такого дополнения легко увидеть как раз в сутре 1.1.67. Ее текст должен быть дополнен содержащейся в формулировке предыдущей сутры словоформой *nirdiṣṭe*, означающей ‘если указано’. Другим примером послужит сохранение в сутрах 1.1.69–1.1.72 формулировки *svam rūpam* из сутры 1.1.68 — см. ниже.

(6) *svaritena* *adhikāra-ḥ*
модулированный.тон.INS.SG возглавляющий-NOM.SG
‘Модулированным тоном *svarita* вводится заголовочная сутра’ (1.3.11).

Заголовочной является, например, сутра 1.4.1 — см. ниже. Заметим, что произношение всех слогов с модулированным тоном противоречит обычной практике языка — см. сутру 6.1.158 выше.

4. О правильном прочтении сутр

К этой категории также относятся универсальные парибхашасутры, но их назначение — описать технологии, с помощью которых

Панини добивался краткости формулировок своих сутр. Среди них следует отметить удобную систему сокращенных обозначений различных категорий фонем и морфем, а также прописанный стандарт расширения кратких однотипных формулировок.

(7) *sva-m* *rūpa-m* *śabda-sya*
свой-NOM.SG форма-NOM.SG слово-GEN.SG
a-śabdasaṁjñā-∅
NEG-слово.технический.термин-NOM.SG
‘[Объектом правил является] собственная форма слова, если только это не наименование технического термина’ (1.1.68).

Это означает, что правило имплицирует использование исходной формы любого языкового знака, встречающегося в тексте правил, без учета смысловой нагрузки этого знака. Таким образом, правила будут применяться только к форме слова, содержащегося в тексте этих правил, и не будут применяться к формам других слов с аналогичными значениями. Однако если в текстах правил встречаются введенные Панини технические термины, то они передают не свою форму, а закрепленное за ними техническое значение.

Рассмотрим сутру 4.2.33 *agneḥ ḍhak-∅* (*agni*.ABL.SG *ḍhak*-NOM.SG), предписывающую присоединение суффикса ‘*ḍhak*’ к основе *agni-* ‘огонь’. Данное предписание относится исключительно к форме слова *agniḥ* и не распространяется на его синонимы *jvalanaḥ*, *pāvakaḥ* и т. д.

В то же время введенный сутрой 1.1.20 технический термин *ghu* употребляется затем в тексте сутры 6.4.66 и других сутр и передает не свою форму ‘*ghu*’, а закрепленное за ним значение (этот термин обозначает у Панини группу глагольных корней определенного вида).

(8) *a‹ṇ›-u‹d›-it-∅*
гласный.полугласный-*u‹t›*-грамматическая.помета-NOM.SG
savarṇa-sya *ca* *a-pratyaya-ḥ*
вариант-GEN.SG и NEG-суффикс-NOM.SG
‘Гласная, полугласная и имеющая грамматическую помету ‹*u̯*› фонема [помимо своей собственной формы обозначает также свои] варианты, если только она не является аффиксом’ (1.1.69).

В сутрах 1.1.9–1.1.10 варианты фонемы определяются как производимые одинаковым артикуляционным усилием и имеющие одно и то же место образования. Сутра 1.1.10 уточняет, что, даже при соблюдении этого условия, гласные фонемы не считаются вариантами согласных и наоборот.

Гласные фонемы имеют варианты, задаваемые признаками долготы, тона и назализованности (т. е. есть вплоть до 18 вариантов), полугласные — только назализованности. Например, сутра 7.4.32 *a-sya cvau* (*a*-GEN.SG *cvi*-LOC.SG) предписывает замещение как *a*, так и *ā*, находящихся перед суффиксом ‘*cvi*’.

Варианты согласных фонем задаются признаками глухости, придыхательности и назализованности. Например, сутра 1.3.7 *c‹ṁ›-ṭ‹ṁ›* (*c‹ṁ›-ṭ‹ṁ›*.NOM.DU) говорит о фонемах *c*, *ch*, *j*, *jh*, *ñ*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*, где первые пять фонем отвечают записи *c‹ṁ›* (глухие / звонкие придыхательные / непридыхательные носовые / неносовые палатальные), а последующие пять — *ṭ‹ṁ›* (ретрофлексные), и в обоих случаях использована грамматическая помета *‹ṁ›*, о которой и говорится в тексте сутры 1.1.69.

Когда же фонема является аффиксом, то обозначает только саму себя. Например, упоминаемый в тексте сутры 3.2.168 суффикс *u* не обозначает также и *ū*.

(9) *tapara-ḥ* *tat-kāla-sya*
сопровождаемый.t-NOM.SG этот-время-GEN.SG

‘Фонема, сопровождаемая [непосредственно спереди или сзади] *‹t›*, [помимо своей собственной формы обозначает также варианты] той же долготы, что и она’ (1.1.70).

Например, сутра 7.1.9 *a‹t›-aḥ bhis-aḥ aiḥ-∅* (*a‹t›*-ABL.SG *bhis*-GEN.SG *aiḥ*-NOM.SG) предписывает замещение окончания *-bhiḥ* окончанием *-aiḥ* после (см. 1.1.67 выше) *a‹t›*. Наличие грамматической пометы *‹t›* при гласной *a* ограничивает область применения данного правила случаями присоединения окончания *-bhiḥ* только после краткого варианта гласной *a* (а точнее, после основы, оканчивающейся на *a* — см. 1.1.72 ниже), а не после любого варианта гласной *a*, что вытекало бы из сутры 1.1.69 при отсутствии пометы *‹t›*.

(10) *ādi-ḥ* *antyena* *saha*
первый-NOM.SG конечный.INS.SG с
it-ā
грамматическая помета-INS.SG
‘Первый [элемент списка] с присоединенной к нему конечной грамматической пометой [помимо своей собственной формы обозначает также все промежуточные элементы, находящиеся между ним и этой грамматической пометой]’ (1.1.71).

В тексте сутр Панини иногда перечисляются списки некоторых объектов. Например, в сутре 4.1.2 *su-au-‹j›as-am-au‹ṭ›-‹ś›as-‹ṭ›ā-bhyām-bhis-‹ṅ›e-bhyām-bhyas-‹ṅ›as‹ṅ›-bhyām-bhyas-‹ṅ›as-os-ām-‹ṅ›i-os-su‹p›* дана последовательность окончаний именного склонения. Если объединить начальный элемент с последней грамматической пометой, то такая запись *su‹p›* будет обозначать совокупность всех этих окончаний. Если же объединить тот же начальный элемент с грамматической пометой *‹ṭ›*, причем именно конечной, то есть находящейся в элементе *au‹ṭ›*, а не в *‹ṭ›ā*, то получившаяся запись *su‹ṭ›* будет обозначать набор из первых пяти окончаний.

Аналогично сутра 3.4.78 *ti‹p›* ⟨…⟩ *mahi‹ṅ›* дает последовательность личных глагольных окончаний, вся совокупность которых обозначается записью *ti‹ṅ›*.

Сутра 1.1.71 эффективно применяется к пратьяхара-сутрам (*pratyāhāra-sūtra*) — списку санскритских фонем, организованному особым образом. Воспроизведем здесь эти 14 сутр: (1) *a i u ‹ṇ›*; (2) *ṛ ḷ ‹k›*; (3) *e o ‹ṅ›*; (4) *ai au ‹c›*; (5) *h y v r ‹ṭ›*; (6) *l ‹ṇ›*; (7) *ñ m ṅ ṇ n ‹m›*; (8) *jh bh ‹ñ›*; (9) *gh ḍh dh ‹ṣ›*; (10) *j b g ḍ d ‹ś›*; (11) *kh ph ch ṭh th c ṭ t ‹v›*; (12) *k p ‹y›*; (13) *ś ṣ s ‹r›*; (14) *h ‹l›*. Здесь за каждой гласной и полугласной стоит весь набор вариантов (см. сутру 1.1.69). Знание пратьяхара-сутр обязательно для прочтения сутр Панини, но сами они не входят в состав «Аштадхьяи». С развитием в постпанинийский период мифа о том, что пратьяхара-сутры были ниспосланы Панини господом Шивой, их стали называть Шива-сутрами или Махешвара-сутрами [Katre 2015: 3].

Если выбрать первый элемент *a* первой пратьяхара-сутры и присоединить к нему грамматическую помету *‹c›* из четвертой пратьяхара-сутры, то получившееся сокращение *a‹c›* обозначает набор всех вариантов всех гласных. Если к тому же элементу присоединить грамматическую помету *‹k›* из второй пратьяхара-сутры, то получится *a‹k›*, что обозначает все монофтонги. Присоединение грамматической пометы из четвертой пратьяхара-сутры к первому элементу *e* третьей пратьяхара-сутры даст обозначение всех дифтонгов: *e‹c›*. Существительное *pratyāhāra* образовано от корня *hṛ-* глагола ‘брать’ с превербами *prati* и *ā* и означает ‘стяжение’. Таким образом, пратьяхара — это операция получения с помощью пратьяхара-сутр сокращений вида *a‹c›*, *a‹k›*, *e‹c›* и т. п., а также результат этой операции, то есть сами эти сокращения. Всего в сутрах Панини встречается сорок одна различная пратьяхара, хотя технически возможно осуществление и большего числа стяжений [Katre 2015: 4].

Грамматические пометы, участвующие в образовании сокращений с помощью сутры 1.1.71, определены Панини в сутрах 1.3.2–1.3.8, где они получают техническое имя *it*. Сутрой 1.3.9 *tasya lopaḥ* (этот-GEN.SG отбрасывание-NOM.SG) предписывается отбрасывание грамматических помет после совершения словообразовательных операций, для того чтобы словоформа приобрела свой окончательный вид. Более поздние грамматисты называют эти грамматические пометы также анубандхами (*anubandha* «присоединение»).

(11) *yena* *vidhi-ḥ* *tad-anta-sya*
который.INS.SG предписание-NOM.SG этот-конец-GEN.SG
‘Элемент, с помощью которого излагается предписание, [помимо своей собственной формы обозначает также] любую форму, оканчивающуюся этим элементом’ (1.1.72).

Например, сутра 3.3.56 *eḥ ac-∅* (*i*.ABL.SG *ac*-NOM.SG) предписывает присоединение суффикса *ac* не только к глагольному корню *i-*, но и к *ji-*, и к любым глагольным корням, оканчивающимся на *i* (или на *ī* — см. 1.1.69).

(12) *ādyantau* *ṭa-k-it-au*
начальный.конечный.NOM.DU ‹*ṭ*›-‹*k*›-грамматическая.помета-NOM.DU

‘Элемент с грамматической пометой ‹*ṭ*› помещается перед, а с грамматической пометой ‹*k*› — после [того элемента, к которому предписано его присоединение]’ (1.1.46).

Например, сутра 7.2.35 *ārdhadhātuka-sya i‹ṭ›-∅ va‹l›-ādeḥ* (*ārdhadhātuka*-GEN.SG *i‹ṭ›*-NOM.SG *va‹l›*-начало.GEN.SG) предписывает присоединение интерфикса *-i‹ṭ›-* к суффиксам типа *ārdhadhātuka*, начинающимся с *va‹l›* — согласной, отличной от *y*. Благодаря помете ‹*ṭ*› интерфикс помещается п е р е д суффиксом, например перед суффиксом *-tum* при образовании инфинитива от корня *bhū-* ‘становиться’: *bhav-**i**tum*.

Сутра 7.3.40 *bhiyaḥ hetu-bhaye ṣ‹ǔ›‹k›-∅* (*bhī*.GEN.SG агенс.каузатива-боязнь.LOC.SG *ṣ‹ǔ›‹k›*-NOM.SG), в случае, если страх вызывается непосредственно самим агенсом каузативного глагола ‘пугать’, образованного от корня *bhī-,* предписывает присоединение интерфикса *-ṣ‹ǔ›‹k›-* к этому корню, и благодаря грамматической помете ‹*k*› интерфикс помещается после корня: *bhī**ṣ**-ayate* ‘пугает [сам по себе]’ (если страх вызывается посредством какого-то объекта, то интерфикс не присоединяется: *bhāyayati* ‘пугает [чем-то]’).

(13) *‹m›-it-∅* *ac-aḥ*
‹*m*›-грамматическая.помета-NOM.SG гласный-ABL.SG

antyāt *para-ḥ*
последний.ABL.SG последующий.NOM.SG

‘Элемент с грамматической пометой ‹*m*› помещается после последней гласной [того элемента, к которому предписано его присоединение]’ (1.1.47).

Таким образом, грамматической пометой ‹*m*› помечаются инфиксы. Например, при образовании форм именительного и винительного падежей двойственного числа от основы *yuj-* ‘соратник’ до присоединения окончания *au* сутрой 7.1.71 предписывается добавление инфикса *n‹u›‹m›*, что дает *yu-n-j-au*, приводящее к итоговому *yuñjau*.

(14) *samartha-ḥ* *pada-vidhi-ḥ*
соответствующий.значению-NOM.SG словоформа-предписание-NOM.SG
‘Предписания, касающиеся словоформ, [учитывают формы слов вместе] с их значением’ (2.1.1).

Это предписание касается словосложения. Например, словосочетание *rājñ-aḥ puruṣa-ḥ* (царь-GEN.SG слуга-NOM.SG) ‘слуга царя’ может быть выражено сложным словом типа татпуруша: *rāja-puruṣaḥ*. Но если эти словоформы соседствуют во фразе, не обладая при этом смысловой связью, то они уже не могут быть заменены сложным словом, как в случае фразы, содержащей простое перечисление: *bhāryā-∅ rājñ-aḥ puruṣa-ḥ devadatta-sya* (супруга-NOM.SG царь-GEN.SG слуга-NOM.SG Девадатта-GEN.SG) ‘супруга царя, слуга Девадатты’.

5. О точном определении замещаемого и замещающего элементов

В этой категории приводится еще одна группа универсальных парибхашасутр, способствующих правильному пониманию кратких формулировок сутр «Аштадхьяи». Но в данном случае экономия достигается за счет исключения из формулировок явного указания замещаемого или замещающего элемента, который должен быть определен по описываемым здесь правилам.

(15) *sthāne* *antaratama-ḥ*
вместо наиболее.близкий-NOM.SG
‘Вместо [элемента подставляется] наиболее близкий [к нему элемент из возможных, если замещающий элемент не указан явно]’ (1.1.50).

Элементы могут быть близки по смыслу, качеству, количеству или способу и месту образования. Например, по сутре 6.1.101 *a‹k›-aḥ savarṇe dīrgha-ḥ* (монофтонг-GEN.SG вариант.LOC.SG долгий-NOM.SG) ‘долгая гласная заменяет монофтонг вместе со следующим за ним его

вариантом’, согласно принципу близости, замещать гласные *a*, *ā* будет долгая *ā*, замещать *i*, *ī* — долгая *ī* и т. д.

(16) *a‹l›-aḥ* *antya-sya*
фонема-GEN.SG конечный-GEN.SG
‘Подстановка осуществляется вместо конечной фонемы [элемента, для которого она предписана]’ (1.1.52).

Например, предписываемая сутрой 1.2.50 *it-∅ goṇyaḥ* (*it*-NOM.SG *goṇī*-GEN.SG) ‘краткая *i* подставляется в случае словоформы, оканчивающейся на *goṇī*’ подстановка осуществляется вместо конечной фонемы: *pañca-goṇ**i**-ḥ* ‘[купленный за] пять *goṇī*’ (*goṇī* — это название монеты).

(17) *ādeḥ* *para-sya*
начальный.GEN.SG последующий-GEN.SG
‘[Предписываемая для] последующего элемента подстановка осуществляется вместо начальной фонемы [этого элемента]’ (1.1.54).

Это правило ограничивает сферу применения предыдущего правила. Например, сутрой 7.2.83 *īt āsaḥ* предписывается подстановка *ī* для суффикса *-āna-* п о с л е корня *ās-*, и она осуществляется вместо первой фонемы этого суффикса: *ās-īna*.

(18) *an-ekā‹l›-ś-it-∅*
NEG-одна.фонема-*ś*-грамматическая.помета-NOM.SG
sarva-sya
весь-GEN.SG
‘Элемент с грамматической пометой *‹ś›* или элемент, состоящий из более чем одной фонемы, подставляется вместо всего [элемента, для которого он предписан в качестве замещающего]’ (1.1.55).

Еще одно ограничение правила 1.1.52. Например, сутрой 2.4.52 перед суффиксами определенного вида для корня *as-* предписывается подстановка *bhū-* (более одной фонемы), которая осуществляется вместо всего корня *as-*.

(19) *ṅ-it-∅* *ca*
ṅ-грамматическая.помета-NOM.SG и

‘Элемент с грамматической пометой *‹ṅ›* также подставляется вместо конечной фонемы [элемента, для которого он предписан в качестве замещающего]’ (1.1.53).

Это правило ослабляет предыдущее ограничение, наложенное на область применения правила 1.1.52 сутрой 1.1.55. Например, сутрой 7.1.93 для основы существительного *sakhi* ‘друг’ предписывается подстановка элемента *an*, приведенного в формулировке сутры с грамматической пометой *ṅ*: *ana‹ṅ›*. Хотя элемент *an* состоит более чем из одной фонемы, сутра 1.1.55 не применяется, так как благодаря наличию грамматической пометы *‹ṅ›* он подставляется только вместо последней фонемы основы: *sakhan*.

(20) *i‹k›-aḥ* *guṇa-vṛddhī*
i‹k›-GEN.SG гуна-вриддхи.NOM.DU

‘Гласные гуна и вриддхи [определенные в сутрах 1.1.1–1.1.2] подставляются вместо гласных *i‹k›* (*i*, *u*, *ṛ*, *ḷ*) [если правило не указывает явно, вместо чего они должны подставляться]’ (1.1.3).

Например, сутра 7.3.82 предписывает подстановку гласной гуна для корня *mid-* ‘жиреть’. Согласно сутре 1.1.3 эта подстановка осуществляется исключительно вместо гласной *i* этого корня. Гласными гуна, согласно сутре 1.1.2, являются фонемы *a*, *e*, *o*, и по рассмотренной выше сутре 1.1.50 вместо *i* будет подставляться наиболее близкая к ней по месту образования гласная *e*: *med-*.

(21) *e‹c›-aḥ* *i‹k›-∅* *hrasvādeśe*
e‹c›-GEN.SG *i‹k›*-NOM.SG краткий.замещающий.элемент.LOC.SG

‘Если в качестве замещающего элемента для фонемы из списка *e‹c›* (*e*, *o*, *ai*, *au*) предписана краткая гласная, то замещающий элемент выбирается из списка *i‹k›* (*i*, *u*, *ṛ*, *ḷ*)’ (1.1.48).

При этом, согласно 1.1.50, вместо *e* или *ai* будет подставляться *i*, а вместо *o* или *au* подставляется *u*.

(22) *uḥ* *a‹ṇ›-∅* *ra-para-ḥ*
ṛ.GEN.SG *a‹ṇ›*-NOM.SG *r*-последующий-NOM.SG
‘Когда для [любого варианта фонемы] *ṛ* предписывается замещающий элемент из списка *a‹ṇ›* (*a*, *i*, *u*), то [необходимо считать, что после этого замещающего элемента] следует *r*’ (1.1.51).

Например, сутрой 7.1.100 предписывается подстановка *i* вместо *ī* в корне. С учетом сутры 1.1.51 при образовании формы 3 лица единственного числа от корня *kṝ*- вместо *ṝ* подставляется *ir*: *kirati*.

(23) *a‹c›-aḥ* *ca*
гласный-GEN.SG и
‘И [определенные в сутре 1.2.27 краткая, долгая и сверхдолгая гласные должны замещать] гласные [если в предписании не указан явно замещаемый ими объект]’ (1.2.28).

Например, сутра 1.2.47 предписывает краткую гласную в качестве замещающего элемента в именной основе при образовании среднего рода. Какой элемент будет замещаемым, определяет как раз сутра 1.2.28. Это будет гласная именной основы, причем конечная (см. 1.1.52 выше).

(24) *yathā-saṁkhya-m* *anudeśa-ḥ* *samānām*
сообразно-перечисление-ADV отношение-NOM.SG одинаковые.GEN.PL
‘[Если имеются два набора, состоящие из] одинакового числа [элементов, то] отношение [между этими наборами устанавливается поэлементно] в порядке перечисления’ (1.3.10).

Например, сутрой 6.1.78 предписывается замещение фонем *e*, *o*, *ai*, *au* элементами *ay*, *av*, *āy*, *āv* в позиции перед гласной. При этом *ay* замещает *e*; *av* замещает *o*; *āy* замещает *ai*; *āv* замещает *au*.

6. О статусе упоминаемых в сутре элементов

Универсальные парибхашасутры данной категории закрепляют за теми или иными элементами определенный статус, позволяющий

правильно определить операции, применяемые впоследствии к этим элементам. При этом в сутрах 8.2.1–8.2.3 рассматривается статус не отдельных элементов, а самих операций, производимых над элементами. Статус «неосуществленных» приписывается некоторым операциям для того, чтобы другие необходимые операции могли осуществиться, не встретив препятствий, или, наоборот, чтобы не могли осуществиться операции, которые бы вызвали нежелательные эффекты.

(25) *ādyanta-vat* *ekasmin*
начало.конец-подобно.ADV один.LOC.SG
‘В случае [применения операции к элементу, состоящему из] единственной фонемы, [она рассматривается как] начальная или конечная’ (1.1.21).

Это правило необходимо для того, чтобы к элементу, состоящему из единственной фонемы, могли применяться как правила, предписываемые для начальных, так и правила, предписываемые для конечных элементов. Например, сутра 3.1.3 (см. ниже) предписывает произнесение на высоком тоне начального гласного суффиксов. Это правило применяется и к суффиксу *a‹ṇ›*, состоящему из одной фонемы, которая рассматривается как начальная в суффиксе: *aupagavá-* «потомок Упагу». Сутра 7.3.102 предписывает удлинение конечной *a* основы перед окончаниями из списка *su‹p›*, начинающимися с *bh*. Это правило применяется и к основе *a* (одна из основ местоимения *idam* ‘этот’), состоящей из одной фонемы, которая рассматривается как конечная в основе: *ābhyām* (форма INST-DAT-ABL.DU местоимения *idam*).

(26) *sthāni-vat* *ādeśa-ḥ*
оригинал-подобно.ADV замещающий.элемент-NOM.SG
an-a‹l›-vidhau
NEG-фонема-предписание.LOC.SG
‘Замещающий элемент подобен оригиналу, но не в случае предписаний, касающихся фонем’ (1.1.56).

Это означает, что операции, предписанные для замещаемого элемента, будут осуществляться и для заместившего его элемента,

за исключением операций, касающихся только фонем рассматриваемого элемента. Например, согласно уже приведенной выше сутре 4.1.2, окончание дательного падежа единственного числа имеет вид *‹ṅ›e*. Сутра 7.1.13 предписывает подстановку *-ya* вместо этого окончания при присоединении к основам, оканчивающимся на *a*. Сутра 7.3.102 предписывает удлинение конечной *a* основы перед окончаниями из списка *su‹p›*, начинающимися с *y*. Окончание *-ya* не входит в список *su‹p›* (см. сутру 4.1.2 выше в объяснении сутры 1.1.71), но является замещающим элементом для окончания *‹ṅ›e*, входящего в этот список. Благодаря рассматриваемой сутре 1.1.56 окончание *-ya* наследует статус вхождения в список *su‹p›* от замещаемого им окончания *‹ṅ›e*, и конечная *a* основы перед *-ya* удлиняется: *vṛkṣāya* от основы *vṛkṣa-* ‘дерево’.

(27) *a‹c›-aḥ* *para-smin* *pūrva-sya*
гласный-GEN.SG последующий-LOC.SG предшествующий-GEN.SG
‘[Замещающий элемент, подстановка которого] вместо гласной спровоцирована следующим после нее элементом, [подобен оригиналу] в случае предписаний, касающихся предшествующих [этой гласной элементов]’ (1.1.57).

По предыдущей сутре в случае предписаний, касающихся фонем, замещающий элемент не подобен оригиналу. Но если предписание касается фонемы элемента, предшествующего замещаемому элементу, а сама его замена спровоцирована элементом, находящимся после замещаемого элемента, то замещающий элемент имеет тот же статус, что и оригинал. Например, при образовании деноминативного глагола от *paṭuḥ* ‘резвый’ необходимо присоединить суффикс *-aya-*. Согласно варттике Катьяяны к сутре 6.4.155, присоединение этого суффикса требует обнуления последней гласной (и всей части словоформы, следующей за ней), что дает *paṭ+∅+-aya-*. Возникает предпосылка для предписываемого сутрой 7.2.116 удлинения гласной *a*, находящейся на предпоследней позиции в основе *paṭ-*, перед суффиксом *-aya-*. Однако нулевой замещающий элемент сохраняет статус оригинала (в данном случае — статус присутствующей гласной), поскольку сама его подстановка спровоцирована последующим

суффиксом, а предполагаемая операция относится к гласной *a*, находящейся в предшествующем фрагменте словоформы. Поэтому гласная *a* основы *paṭ-* не считается занимающей предпоследнюю позицию и не удлиняется. Упомянутый в этом примере грамматист Катьяяна ориентировочно в IV–III вв. до н. э. составил к сутрам Панини ряд уточняющих, а также философски осмысляющих примечаний, которые принято называть варттиками. Приведенная здесь варттика дана вместе с переводом сутры 6.4.155 в [Renou 1966].

(28) *na padānta-dvirvacana-vare-ya-lopa-*
не словоформа.конец-удвоение-*vara-ya*-выпадение-
-svara -savarṇānusvāra-dīrgha-ja‹ś›-ca‹r›-vidhi-ṣu
-тон-вариант.анусвара-долгий-*ja‹ś›-ca‹r›*-предписание-LOC.PL

‘[Замещающий гласную элемент] не [подобен оригиналу] в случае предписаний, касающихся 1) конца словоформы, 2) удвоения, 3) суффикса -*vara*-, 4) выпадения суффикса -*ya*-, 5) тона, 6) вариантов, 7) анусвары, 8) долгой гласной, 9) непридыхательных звонких взрывных, 10) сибилянтов и непридыхательных глухих взрывных’ (1.1.58).

Эта сутра сужает область применения предыдущей сутры.

(29) *dvirvacane a‹c›-i*
удвоение.LOC.SG гласный-LOC.SG

‘В случае удвоения перед [суффиксом, начинающимся с] гласной, [замещающий гласную элемент подобен оригиналу]’ (1.1.59).

Это означает, что замененная гласная в процессе удвоения рассматривается как все еще присутствующая. Например, при образовании формы перфекта 3 лица двойственного числа от глагольного корня *pā-* ‘пить’ требуется присоединение окончания -*atuḥ*. Это окончание начинается с гласной и предусматривает удвоение корня. По сутре 6.4.64 перед окончанием -*atuḥ* вместо конечной *ā* корня подставляется нулевой замещающий элемент. Если бы нуль, заместивший *ā*, не сохранял статус оригинала, то удвоение корня, приобретшего вид *p*∅, было невозможно. С учетом же сохранения такого статуса

удвоительный слог имеет вид *pā-* (и затем преобразуется в *pa-* по сутре 7.4.59). В итоге образуется форма *pa+p∅+atuḥ = papatuḥ*.

(30) *pratyaya-lope* *pratyaya-lakṣaṇa-m*
суффикс-выпадение.LOC.SG суффикс-определение-NOM.SG
‘При выпадении суффикса, [тем не менее, должна совершаться операция], обусловленная этим суффиксом’ (1.1.62).

Например, словоформа, содержащая падежные или личные глагольные окончания, обладает статусом, технически называемым *pada*. Этот статус не утрачивается формой единственного числа именительного падежа *marut* ‘ветер’, несмотря на то, что соответствующее падежное окончание *-s* в ней выпало (согласно сутре 6.1.68).

(31) *na* *lu-mat-ā* *aṅga-sya*
не *lu*-содержащий-INS.SG основа-GEN.SG
‘При [выпадении суффикса], предписанном правилами, содержащими в своей формулировке технический термин *lu*, [операция, обусловленная этим суффиксом и] касающаяся основы, [к которой присоединялся данный суффикс,] не [должна совершаться]’ (1.1.63).

Эта сутра сужает область применения предыдущей сутры.

(32) *su‹p›-∅* *āmantrite*
падежная.форма-NOM.SG обращение.LOC.SG
parāṅga-vat *svare*
последующий.основа-подобно.ADV тон.LOC.SG
‘Падежная форма, предшествующая обращению (словоформе в звательном падеже), в отношении тона рассматривается как составная часть [этого обращения]’ (2.1.2).

То есть к такой словоформе (или даже группе словоформ) применяются правила, касающиеся тонического ударения в обращениях. Например, сутра 6.1.198 предписывает произнесение на высоком тоне первого слога обращения, и это будет касаться первого слога первой из словоформ группы *tī́kṣṇayā sūcyā sīvyan* (острый.INS.SG игла.INS.SG шьющий.VOC.SG) ‘о, шьющий острой иглой!’, несмотря

на то что лишь третья словоформа этой группы является формой звательного падежа.

(33) *pūrva-tra* *a-siddha-m*
предшествующий-LOC.ADV NEG-осуществленный-NOM.SG
‘[Операция, предписываемая любой из последующих сутр, рассматривается как] неосуществленная, если [должна быть применена операция, которую предписывает] предшествующая сутра’ (8.2.1).

Это правило касается сутр 8.2.4–8.4.68, составляющих три последние главы восьмой книги трактата. При этом предшествующая сутра, о которой говорится в формулировке, может располагаться как до, так и в составе этих трех глав. Например, согласно сутре 8.3.19 должна выпадать конечная *y* первой словоформы во фразе *asmāy uddhara-∅* (этот.DAT.SG извлекать-IMP.2SG) ‘извлеки для этого’, что дает *asmā uddhara*, но для правила замещения сочетания *ā+u* гласной *o* (сутра 6.1.87 — с более ранним номером) выпадение *y* считается непроизошедшим. Поэтому замена на *o* не производится и *asmā uddhara* представляет из себя конечный вид этой фразы.

Дополняется общее правило 8.2.1 еще двумя уточняющими парибхашасутрами 8.2.2–8.2.3.

7. Общие правила локального характера

К этой категории относятся парибхашасутры, регулирующие применение правил, относящихся к какой-либо выделенной области. Такая область может состоять из правил, посвященных какому-нибудь одному грамматическому явлению или просто излагаемых подряд в «Аштадхьяи».

(34) *lu‹p›-i* *yukta-vat* *vyakti-vacane*
lu‹p›-LOC.SG основа-подобно.ADV род-число.LOC.SG
‘При технически именуемом *lu‹p›* выпадении [вторичного суффикса], род и число [производного имени] соответствуют [роду

и числу исходного имени, к] основе [которого и присоединялся суффикс]' (1.2.51).

Например, наименование страны *vaṅgāḥ* образуется согласно сутре 4.2.69 из наименования населяющего ее народа *vaṅgāḥ* (мужской род, множественное число) с помощью суффикса *a‹ṇ›*. Сутрой 4.2.81 с помощью технического термина *lu‹p›* предписывается выпадение этого суффикса, поэтому получившемуся имени приписывается мужской род и множественное число, такие же как у имени, из которого оно образовано.

(35) *ā* *kaḍārāt* *ekā-∅* *saṁjñā-∅*
до *kaḍāra*.ABL.SG один-NOM.SG технический.термин-NOM.SG
'Лишь один технический статус [из нескольких возможных может придаваться рассматриваемому объекту в каждой из сутр, начиная с этой и] вплоть до [сутры, в формулировке которой упоминается имя]) *kaḍāra*' (1.4.1).

Это заголовочная сутра, являющаяся одновременно парибхашасутрой для ограниченного набора сутр (с 1.4.3 по 2.2.38). Например, сутрой 1.4.10 краткие гласные объявляются «легкими», а сутрой 1.4.11 они же в позиции перед скоплением согласных объявляются «тяжелыми». Это уточнение необходимо считать исключающим, а не дополняющим. Таким образом, к гласным, предшествующим скоплению согласных, могут применяться только правила, касающиеся тяжелых гласных, а не правила, касающиеся как легких, так и тяжелых гласных.

(36) *para-ḥ* *ca*
последующий-NOM.SG и
'И [объявленный в сутре 3.1.1 аффикс должен присоединяться] после' (3.1.2).

Заголовочной сутрой 3.1.1 сообщается, что на протяжении всех последующих сутр вплоть до 5.4.160 будут обсуждаться аффиксы, если явно не указано иное. Сутра 3.1.2 действует как заголовочная на том же множестве сутр и одновременно уточняет, что аффиксы по умолчанию должны присоединяться после рассматриваемых в этих сутрах элементов (глагольных корней или именных основ).

(37) *ādyudātta-ḥ* *ca*
начало.высокий-NOM.SG и
‘И начальная гласная [объявленного в сутре 3.1.1 аффикса] произносится на высоком тоне, [если не указано иное]’ (3.1.3).

Это сутра того же статуса, что и 3.1.2 выше, то есть одновременно заголовочная и парибхашасутра.

(38) *an-udāttau* *su‹p›-p-it-au*
NEG-высокий.NOM.DU *su‹p›-p*-грамматическая.помета-NOM.DU
‘[Начальная гласная] аффикса, имеющего грамматическую помету *‹p›*, и окончания именного склонения произносится на низком тоне’ (3.1.4).

Это исключение из предыдущего правила.

(39) *vā* *a-sa-rūpa-ḥ* *a-striyām*
или NEG-та.же-форма-NOM.SG NEG-женский.род.LOC.SG
‘[В дальнейшем аффикс, которым предписано заместить другой аффикс и который] отличается по форме и не относится к женскому роду, [замещает его лишь] факультативно’ (3.1.94).

То есть замещающий элемент подставляется лишь как конкурирующий вариант, при том что вариант с сохранением заменяемого элемента без изменений тоже возможен. Например, для выражения агенса при данном глагольном корне сутра 3.1.133 предписывает присоединение к нему суффиксов *-aka-* и *-tṛ-*, а для корней, оканчивающихся на одну согласную после гласной *i*, сутра 3.1.135 предписывает с этой же целью присоединение суффикса *-a-*. Таким образом, сутра 3.1.135 добавляет еще одну возможность, не исключая при этом уже имевшиеся возможности: *vikṣepaka-*, *vikṣeptṛ-*, *vikṣipa-* от *vikṣip-* ‘разбрасывать’.

(40) *ekā‹c›-aḥ* *dve* *prathama-sya*
один.гласный-GEN.SG два.NOM.DU первый-GEN.SG
‘Вместо первой группы фонем, содержащей одну гласную, помещается две [такие группы]’ (6.1.1).

Это общее правило удвоения глагольных корней. Так образуются, например, формы перфекта *papāca* от *pac-* ‘готовить (еду)’, *jajāgāra* от *jāgṛ-* ‘пробуждаться’. Заметим, что в последнем случае удваивается именно первый слог корня. Последующие парибхашасутры 6.1.2 и 6.1.3 также задают общие правила удвоения глагольных корней, уточняющие правило 6.1.1.

(41) *eka-ḥ* *pūrva-para-yoḥ*
один-NOM.SG предшествующий-последующий-GEN.SG
‘Единственный элемент замещает и предшествующий, и последующий элементы’ (6.1.84).

Это заголовочная сутра, которая одновременно является и общим предписанием для сутр с 6.1.85 по 6.1.112. Например, согласно сутре 6.1.87, одна гласная *-e-* замещает конечную гласную основы *dhana-* ‘богатство’ и начальную гласную основы *-īśa* ‘хозяин’ при образовании сложного слова *dhaneśaḥ* ‘хозяин богатств’.

(42) *antādi-vat* *ca*
конечный.начальный-подобно.ADV и
‘И [единственный элемент, замещающий, согласно сутре 6.1.84, и предшествующий и последующий элементы, рассматривается] как конечный и начальный [одновременно для предшествующей и последующей словоформ соответственно]’ (6.1.85).

Это правило необходимо для того, чтобы к указанному элементу могли применяться предписываемые как для начальных, так и для конечных элементов правила. Например, при присоединении окончания *au* к именной основе *vṛkṣa-* ‘дерево’ сутра 6.1.88 предписывает подстановку *au* одновременно вместо конечной *a* основы и *au* окончания. Это подставленное *au*, с одной стороны, рассматривается как окончание формы NOM.DU *vṛkṣau*, благодаря чему эта форма получает статус, технически называемый *pada* (см. пояснение к сутре 1.1.62 выше), а с другой стороны — как начальная гласная этого окончания, к которой применима сутра 3.1.4 (см. выше).

(43) *ṣatva-t‹u›‹k›-oḥ* *a-siddha-ḥ*
подстановка.*ṣ*-интерфиксальное.*t*-LOC.DU NEG-осуществленный-NOM.SG
‘[Единственный элемент, замещающий, согласно сутре 6.1.84, и предшествующий, и последующий элементы, рассматривается] как еще не заместивший их, если предписаны подстановка *ṣ* [вместо *s*] или добавление интерфиксального *t*’ (6.1.86).

Это позволяет осуществляться или не осуществляться соответствующим предписаниям. Например, добавление интерфиксального *t*, предписываемое сутрой 6.1.71 лишь после кратких гласных, будет осуществляться при образовании деепричастия от *adhi+i-* ‘изучать’, несмотря на замещение двух гласных *i* одной долгой гласной *ī*: *adhītya*.

8. Заключение

Следует заметить, что для некоторых сутр вопрос отнесения их к парибхашасутрам или простым предписаниям становится субъективным. В связи с этим приведенный в данной работе список парибхашасутр не претендует на полноту. В частности, к категории метаправил локального характера могут быть отнесены и сутры 1.2.1–1.2.26, предписывающие наличие тех или иных грамматических помет у элементов, не обладающих этими пометами явно. Интересен также случай сутры 4.1.83, предписывающей присоединение вторичного суффикса *a‹ṇ›*, которое должно сопровождать все последующие правила вплоть до 4.4.1. Эта сутра считается одновременно заголовочной, сутрой-предписанием и парибхашасутрой.

Тем не менее все основные парибхашасутры были приведены, в том числе охвачен весь уже упомянутый список Абхьянкара. Сверх этого списка рассмотрена только универсальная парибхашасутра 6.1.158, на интерпретационный характер которой прямо указывается в комментарии «Кашикавритти» и во многих других источниках. Все приведенные парибхашасутры снабжены переводом,

пояснениями и примерами их применения, что и являлось целью нашей работы. Перевод осуществлен самостоятельно, но редко отклоняется от хорошо известных переводов на европейские языки, в частности от [Renou 1966]. Единственное достаточно существенное отклонение можно заметить в переводе сутры 1.1.49, вдохновением для которого послужили размышления над этой сутрой, содержащиеся в [Cardona 1997: 52] и [Тавастшерна 2009: 110–111]. Иллюстрации применения сутр, приведенных в примерах (1)–(43), брались из [Miśra 1985] и [Renou 1966].

В ходе работы нами решены поставленные задачи — произведена классификация парибхашасутр Панини по их функциональному назначению; выделены шесть категорий парибхашасутр (соответствующих названиям *Разделов 2–7* настоящей статьи). Парибхашасутры первых пяти категорий применяются универсально, и лишь парибхашасутры шестой категории носят локальный характер.

Получившийся перечень парибхашасутр можно использовать как краткое руководство по чтению сутр Панини.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ADV — наречный показатель; DU — двойственное число; GEN — генитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; SG — единственное число; VOC — вокатив.

Литература

Волошина 2020 — О. А. Волошина. Правила видхи в грамматике Панини как инструкция синтеза словоформ // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020 г. / I полутом. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 65–72.

Захарьин 2007 — Б. А. Захарьин. Санскритская грамматика Варадараджи. Varadara:ja laghusiddha:ntakaumudi:, или Облегченное освещение положений [санскритской грамматики]. М.: Степаненко, 2007.

Мютель 2004 — М. В. Мютель. К истории понятия определения в индийской мысли (вьякарана и классическая ньяя) // История философии. 2004. № 11. С. 37–54.

Тавастшерна 2009 — С. С. Тавастшерна. Становление и развитие лингвистической традиции в Древней Индии: дисс. … канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2009.

Abhyankar 1967 — K. V. Abhyankar. Paribhāṣāsaṃgraha (a collection of original works on Vyākaraṇa Paribhāṣās). Poona 4: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1967.

Böhtlingk 1887 — O. Böhtlingk. Pāṇini's Grammatik. Leipzig: Verlag von H. Haessel, 1887.

Cardona 1997 — G. Cardona. Pāṇini: His work and its traditions. Vol. 1: Background and Introduction. Delhi: Motilal Banarsidass, 1997.

Chintamani 1992 — T. R. Chintamani (ed.). The Uṇādisūtras in various recensions. Pt. I. The Uṇādisūtras with the vṛtti of Śvetavanavāsin. New Delhi: Navrang, 1992.

Goldstücker 1861 — Th. Goldstücker. Pāṇini: His place in Sanskrit literature. London: N. Trübner and co., 1861.

Katre 2015 — S. M. Katre. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Delhi: Motilal Banarsidass, 2015.

Misra 1966 — V. N. Misra. The descriptive technique of Pāṇini. An introduction. (Janua Linguarum. Series Practica, 18). The Hague, Paris: De Gruyter Mouton, 1966.

Renou 1956 — L. Renou. Le paribhāṣenduśekhara. Études védiques et pāṇinéennes. Vol. 2. Paris: E. de Boccard, 1956. P. 132–149.

Staal 1975 — F. Staal. The Concept of Metalanguage and its Indian Background Introduction // Journal of Indian Philosophy. 1975. Vol. 3 (3–4). P. 315–354.

Vasu 1982 — Ś. Ch. Vasu (ed. and transl.) The Siddhānta kaumudī of Bhaṭṭoji Dīkṣita. Vol. I. Delhi: Motilal Banarsidass, 1982.

Wujastyk 2017 — D. Wujastyk. Metarules of Pāṇinian grammar: the Vyāḍīyaparibhāṣāvṛtti: critically edited with translation and commentary. Pt. II. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 2017.

Источники

Renou 1966 — L. Renou. La grammaire de Pāṇini. Paris: Ecole française d'extrême-orient, 1966.

Miśra 1985 — N. Miśra. Kāśikāvṛtti of Jayāditya-Vāmana. Ratnabharati Series 5–10. 6 vols. Varanasi: Ratna Publications, 1985.

References

Abhyankar 1967 — K. V. Abhyankar. *Paribhāṣāsaṃgraha (a collection of original works on Vyākaraṇa Paribhāṣās)*. Poona 4: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1967.

Böhtlingk 1887 — O. Böhtlingk. *Pāṇini's Grammatik*. Leipzig: Verlag von H. Haessel, 1887.

Cardona 1997 — G. Cardona. *Pāṇini: His work and its traditions*. Vol. 1: Background and Introduction. Delhi: Motilal Banarsidass, 1997.

Chintamani 1992 — T. R. Chintamani (ed.). *The Uṇādisūtras in various recensions.* Pt. I. The Uṇādisūtras with the vṛtti of Śvetavanavāsin. New Delhi: Navrang, 1992.

Goldstücker 1861 — Th. Goldstücker. *Pāṇini: His place in Sanskrit literature.* London: N. Trübner and co., 1861.

Katre 2015 — S. M. Katre. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2015.

Myutel 2004 — M. V. Myutel. K istorii ponyatiya opredeleniya v indiyskoy mysli (vyakarana i klassicheskaya nyaya) [About the notion of definition in Indian thought (Vyākaraṇa and classical Nyāya)]. *Istoriya filosofii*. 2004. No. 11. P. 37–54.

Misra 1966 — V. N. Misra. *The descriptive technique of Pāṇini. An introduction*. (Janua Linguarum. Series Practica, 18). The Hague, Paris: De Gruyter Mouton, 1966.

Renou 1956 — *L. Renou. Le paribhāṣenduśekhara. Études védiques et pāṇinéennes*. Vol. 2. Paris: E. de Boccard, 1956. P. 132–149.

Staal 1975 — F. Staal. The Concept of Metalanguage and its Indian Background Introduction. *Journal of Indian Philosophy.* 1975. Vol. 3 (3–4). P. 315–354.

Tawaststjerna 2009 — S. S. Tawaststjerna. *Stanovlenie i razvitie lingvisticheskoy traditsii v Drevney Indii: dissertatsiya … kand. filol. nauk* [Formation and development of the linguistic tradition in Ancient India: Dissertation of candidate of philological sciences]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2009.

Vasu 1982 — Ś. Ch. Vasu (ed. and transl.) The Siddhānta kaumudī of Bhaṭṭoji Dīkṣita. Vol. 1. Delhi: Motilal Banarsidass, 1982.

Voloshina 2020 — O. A. Voloshina. Pravila vidkhi v grammatike Panini kak instruktsiya sinteza slovoform [Vidhi rules in the grammar of Pāṇini as an instruction for building the word forms]. Nikolay N. Kazansky (ed.). *Indo-European linguistics and classical philology — XXIV (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International conference, St. Petersburg, 22–24 June, 2020*. Pt. I. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2020. P. 65–72.

Wujastyk 2017 — D. Wujastyk. *Metarules of Pāṇinian grammar: the Vyāḍīyaparibhāṣāvṛtti: critically edited with translation and commentary.* Pt. II. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 2017.

Zakharyin 2007 — B. A. Zakharyin. *Sanskritskaya grammatika Varadaradji. Varadara:ja laghusiddha:ntakaumudi:, ili Oblegchyonnoe osveschenie polozheniy (sanskritskoy grammatiki)* [Sanskrit grammar of Varadarāja. Varadarāja laghusiddhāntakaumudī or facilitated elucidation of theses (of Sanskrit grammar)]. Moscow: Stepanenko publisher, 2007.

Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 282–303
DOI 10.30842/alp23065737182282303

Unified description of Finnish consonant gradation

Dmitrii M. Zelenskii
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); dz-zd@mail.ru

Abstract. Finnish consonant gradation and some related phonological processes are described in this paper, using standard generative phonology rules of [Chomsky, Halle 1968] (postcyclic ones). An important feature of the analysis is its build-up in purely phonological terms, using no morphological information whatsoever except placement of morpheme boundaries and their type (word boundary #, clitic boundary =, or formative boundary +) in a phonological string. Thus the rule-based phonology's power is demonstrated on a process which was previously described in one of the three ways: morphologically; through the trademark mechanism of Optimality Theory, interaction of universal violable constraints with language-specific ranking; or via Government Phonology which is based upon well-formedness of CV structures linked to unary phonological features, thus effectively lacking both a derivational component and a treatment for actual melodies observed. This paper is basically a shortened version of my unpublished graduation paper written in Russian [Zelenskiy 2018], where nearly all phonological phenomena of Finnish, rather than merely consonant gradation and related issues, are discussed. Note, however, that this paper also suggests (or, in some cases, hints at) some modifications of the original analysis, so a reader already familiar with the richer analysis may still find this paper worthwhile. Additionally, the set of segments available for Finnish underlying representations of morpheme's exponents is discussed in whole, even in the aspects not directly relevant to consonant gradation, and an important modification, namely that the glottal fricative, *h*, is phonologically not specified for place, is suggested.

Keywords: Finnish language, phonology, consonant gradation, morphology, phonological rule.

© Dmitrii M. Zelenskii, 2022

Единое описание финского чередования согласных

Д. М. Зеленский
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); dz-zd@mail.ru

Аннотация. С помощью правил стандартной генеративной фонологии описывается поведение финского чередования согласных и некоторых связанных процессов в чисто фонологических терминах, без привлечения иной морфологической информации, кроме деления строки на морфемы и слова. Тем самым мощность процессной фонологии демонстрируется на процессе, ранее объяснявшемся морфологически или через механизмы фонологии управления или теории оптимальности.

Ключевые слова: финский язык, фонология, чередование согласных, морфология, фонологическое правило.

1. Theoretical standpoints

The theory employed here to describe Finnish phonological processes is mostly based on Standard Generative Phonology of Chomsky, Halle [1968] (henceforth — SPE). In particular, the following points 1 to 8 are assumed to be true, with justifications provided as needed here, mostly brief.

1. Segments are bundles of binary [1] articulatory features which can be valued + (plus), − (minus), or unvalued (zero-valued; a segment without a valued feature is called unspecified for the feature); in particular, contra [Kiparsky 1982: 143–145], archiphonemes, that is, segments which are underlyingly unspecified for a feature yet become specified for it in the

[1] Place feature is exceptional in the formalism below: instead of + and −, several values are assumed: labial, coronal, and dorsal; furthermore, [αplace] in two segments presumes identity of such a value not of + or −. Presumably, however, this is but a notational convention; cf. [Chomsky, Halle 1968: 303–304] and [Zelenskiy 2018: 18] (fn. 24).

course of derivation, are allowed (see [Zelenskiy 2018: 12–13, 44] for deconstruction of Kiparsky's empirical argument against them in the cited source). While over the years, various other suggestions were introduced, most of them either should pertain to phonology-phonetics interface rather than phonology proper (such as the entirety of Articulatory Phonology) or are outright against the idea of substance-free phonology (on which, see [Reiss 2018]) — the latter point, in particular, is true of various "feature hierarchies" (at least, in phonology; for this paper, I leave open the question if one can likewise exclude hierarchies of morphosyntactic features such as the one in [Harley, Ritter 2002]).

2. Segment changes other than metatheses are realized via rules of the following format: A → B / X_Y, where A and B are either ∅ (an empty string)[2] or a set of features (partially or fully describing the relevant segment(s)) and X (left context) and Y (right context) are strings (possibly empty) of such sets; Kleene star can be used in the description of X and Y, as well as brackets denoting optionality of a substring's presence and Greek letters for feature value variables (+ or −). The rule-based description is superior to constraint-based description Optimality Theory employs on multiple accounts, including opacity which is crucially abundant in consonant gradation (see [Vaux 2008], inter alia).

3. These rules are not required to be "natural" (again, see [Vaux 2008] for justification).

4. Morpheme boundaries are themselves segments in the string, which appears to contradict many later studies such as, notably, [Rotenberg 1978]. However, those studies are inherently wrong, because they presume access to information of syntactic constituency as the main compensation mechanism for absence of boundary segments, which is unwelcome as the constituency is supposed to be erased by morphological component already, see [Wurmbrand 2016]; cf. also [Scheer 2008] who tries to give such boundaries a phonological meaning. Three such

[2] If A is empty, both B and either X or Y are to be non-empty. The problem of generating multiple B's if X is empty, consists of B's, or ends with B* is supposed to be automatically circumvented by the mechanism of left-to-right checking of a rule's applicability.

segments are assumed: clitic boundary = [+WB,+FB][3], formative boundary + [−WB,+FB], and word boundary [+WB,−FB]; here WB and FB are the two valued features of the boundary segments setting them apart from usual segments (thus providing for their being unpronounced; [Zelenskiy 2018] used an additional [seg] feature). Where the boundary segments come from exactly is a subject for discussion (as SPE's original rule is clearly insufficient) unrelated to the main subject; suffice it to say + is an elsewhere boundary, inserted by spell-out when no other boundary is present.

5. Rules cannot delete a + or specify its absence in a (left or right) context: if a rule has left (right) context of $X_1X_2…X_n$, the actual left (right) context is $(+)X_1(+)X_2(+)…(+)X_n(+)$. The fact that phonological rules applying inside a morpheme also apply between two morphemes unless the boundary is of a special type is by now a virtually undisputed fact, although specific explanations may vary.

6. Rules can be obligatory or optional and are strictly ordered. This ordering, besides deriving opacity (again, see [Vaux 2008]) is what often creates differences between close dialects; consider the following example, taken from [Hualde, Gaminde 1998: 43–44]: Basque dialects have a rule of *a*-raising after high vowels (as in *lagun-a* (friend-the) 'the friend', pronounced with final [e] or [ɛ]) and a rule of mid vowels raising if they immediately precede any vowel (*beso-a* (arm-the) 'the arm', pronounced with [u] as the second vowel instead of [o]). In some Basque dialects the first rule applies first, thus being inapplicable to *besoa*, and *besoa* is pronounced with final [a]; in others, the ordering is reversed and *besoa* has final [e]. The only exception to the ordering is rules' simultaneous disjunctive application where only one rule of a set is used and elsewhere condition chooses the rule should conflict arise; a special case of simultaneous

[3] SPE has [−WB,−FB] for =; it does not technically (and thus empirically) matter, but see [Zelenskiy 2018: 16] for a justification attempt. One could alternatively set up the three segments as = [−WB,−syll], # [+WB,−syll] and + [−WB,0syll], which would give a nice explanation for = and + becoming indistinguishable with respect to some autosegmental processes as well as only leave one boundary-related feature; deriving that, however, is clearly beyond this paper's scope.

disjunctive application of rules is "mirror context": rules A → B / X_Y and A → B / Y^R_X^R (where ^{R} is for inverted string: $X_1X_2…X_{n-1}X_n^R$ is $X_nX_{n-1}…X_2X_1$), applied simultaneously, are compressed into A → B / >X_Y< (idea is taken from [Kiparsky 1982: 151], citing [Bach 1968], but the notation is mine, as Kiparsky used asterisk, which is used for Kleene star instead).

7. Some morphemes can have special flags which either make a rule inapplicable to them (both as the target (A) and as a part of context) or make optional for them a previously obligatory rule; the flags replace flags such as [native] and [latinate] as the latter come to be technically superfluous, yet loans are allowed to automatically acquire some such flags.

8. At least for Finnish, the rules are applied left-to-right; this article is not a place to discuss whether the pattern is universal cross-linguistically.

However, unlike SPE, which used cycles extensively, all the rules used here are postcyclic; in particular, a rule's context may include a double word boundary (##), and the rule will apply provided all the material of its context belongs to the same phase (in the sense of [Chomsky 2001]). The decision is not (currently) empirical but rather based on theoretical considerations: a theory with cycles would predict either visibility of syntactic structure for phonological interface (which is unwelcome, see the discussion above at point 4) or a derivation not based on phases (since SPE's cycles do not coincide with phases under most definitions of the latter).

In regard to morphology, non-lexicalist, morpheme-based generative perspective is adopted (see [Bruening 2018] for reasoning on the matter), and late realization is assumed; an exact framework, such as Distributed Morphology [Halle, Marantz 1993] or Nanosyntax [Starke 2009], is irrelevant here.

2. Empirical pattern

The data on inflection are taken from two online dictionaries, *suomisanakirja.fi* and *en.wiktionary.org*, as well as from courses of Finnish (using several textbooks such as [Gehring, Heinzmann 2016]); the data on lexical

items and derivation, beyond the two lexicons, are taken from a much larger *kielitoimistosanakirja.fi*. Wiktionary's inflection tables, in turn, are claimed to go back to KOTUS (Institute for Finland's local languages) — although, being free-to-edit, individual items could have been changed (hence why the cross-checking with *suomisanakirja.fi* is near-necessary). Phonetical data have been additionally verified by [Suomi et al. 2008], an in-depth research of Finnish surface phonetics.

Certain Finnish stems and suffixes exhibit a synchronic alternation usually called consonant gradation (or *ptk*-gradation, by the letters of the consonants in "strong" position). In certain contexts (to be discussed below; for now, note that they broadly correspond to being an onset of a closed syllable preceded by a voiced segment[4]) underlying geminate stops, both voiced (found in loanwords, e.g., *blogata* 'blog'[5] — *bloggaa-n* (blog-1SG) 'I blog') and voiceless (e.g. *sirppi* 'sickle' — *sirpi-n* (sickle-GEN) 'of sickle'), degeminate (quantity gradation), whereas underlying single voiceless stops lenite according to *Table 1* (quality gradation) on page 288.

Note that some of the examples in *Table 1* are of *e*-final stems; in the nominative singular, *e* is replaced by *i* (so in *kilpi* 'shield', *arki* 'weekday', *henki* 'spirit'). There are also stems which superficially end with *e*, such as *sade* 'rain'; these actually end in a "ghost consonant" (^{x}) reflected by gemination of a following consonant (both in declension, cf. *sadet-ta* (rain-PART) 'of rain', and before #, cf. *sade*[*k*]-*ko* (rain-Q) 'Rain?' (written *sadeko*); see fn. 23 and [Keyser, Kiparsky 1984], inter alia). The "ghost consonant" is visible for consonant gradation: nominative *sade*^{x} is derived of stem *sate*^{x}, as genitive *satee-n* (rain-GEN) '(of) rain' indicates.

Such situations are called "backwards gradation" because nominative exhibits the "weak" (lenited or degeminated) shape of the stem; stems ending

[4] Finnish has no branching onsets, barring stop-sonorant word-initial onsets in new loanwords such as *presidentti* 'president'; older loanwords such as *risti* 'cross' have simplified such onsets (here — **kr*). Also note that, as follows from this wording, word-initial segments never undergo consonant gradation.

[5] It is a reasonable question to ask why we see no geminate in the noun *blogi* 'blog' — while for voiceless borrowed nouns, final geminates like in *abortti* 'abortion' are abundant. I do not currently have an answer.

Table 1. Finnish patterns of quality consonant gradation

lenition pattern	NOM	GEN (-n)	translation
k → ∅	*laki*	*la.i-n*	‘law’
t → d [6]	*rata*	*ra.da-n*	‘way’
p → v	*kilpi*	*kil.ve-n*	‘shield’
k → j / R_e [7]	*arki*	*ar.je-n*	‘weekday’
k → v / U_U	*luku*	*lu.vu-n*	‘number’
t → r / r_	*parta*	*par.ra-n*	‘beard’
t → l / l_	*aalto*	*aal.lo-n*	‘wave’
t → n / n_	*hinta*	*hin.na-n*	‘price’
p → m / m_	*lämpö*	*läm.mö-n*	‘heat’
k → ŋ / ŋ_ [8]	*henki*	*hen.ge-n*	‘spirit’

with “fleeting” *s* (such as *kuningas* ‘king’, genitive *kuninkaa-n* (king-GEN) ‘(of) king’) exhibit the same pattern, as do stems ending with “fleeting” *t* (such as *immyt* ‘virgin’, genitive *impye-n* (virgin-GEN) ‘(of) virgin’). Nominal stems with long vowels, however, do not alternate: *vapaa* ‘free’ has genitive *vapaa-n* (free-GEN) ‘(of) free’, not **vavaa-n*. Quantitative and qualitative gradation are, obviously, both subject to being “backwards”: alongside *sade* we have *ape* ‘(horse) food’, genitive *appee-n* (food-GEN).

In cluster *hk* not followed by *e*, there is generally no quality consonant gradation; some nouns, like *nahka* ‘skin’, exhibit it optionally (*naha-n*

[6] Note that Finnish *t* is dental laminal whereas *d* is alveolar apical [Suomi et al. 2008] and that, barring recent loanwords, the latter has a limited distribution indicating that it is always a result of consonant gradation which, of course, does not preclude its inclusion. See also *Section 3.1*.

[7] In some idiolects, *ä* is a possible right context for *k* → *j*, cf. *hylä-tä*^{x} or *hyljä-tä*^{x} (abandon-INF) ‘(to) abandon’ and *hylkää-n* (abandon-1SG) ‘I abandon’ (nominal examples are unavailable), as proven by both being listed in all the three dictionaries mentioned above (with the latter marked “dated”). The following description ignores this variation.

[8] In orthography, [ŋ:] (=[ŋŋ]) is reflected as *ng*, [ŋn] as *gn*, [ŋk] as *nk*; these are the only contexts for [ŋ], barring final [ŋ] (also written *ng*) in loanwords.

or *nahka-n* (skin-GEN) '(of) skin'). Cluster *ht*, on the other hand, undergoes gradation normally; cf. *tähti* 'star' and *tähde-n* (star-GEN) '(of) star', an *e*-final stem (cluster *hp* is never found in Finnish words).

As noted before, single stops never undergo lenition after *s* or a non-homorganic stop (cf. *risti* 'cross' and *risti-n* (cross-GEN) '(of) cross', *matka* 'travel' and *matka-n* (travel-GEN) '(of) travel')[9]. Geminates are always degeminated after *s*, not just in consonant gradation contexts, cf. *puhuttiin* (talk-IMPERS.PST) 'there was talking' and *pes-tiin* (wash-IMPERS.PST) 'there was washing'.

Consonant gradation is found not only in the nominal system, but in the verbal system as well. Stems ending with a short vowel (including the exceptional verbs *teh-dä*^{x} (do-INF) 'to do' and *näh-dä*^{x} (see-INF) 'to see', whose "vowel" stems end with *-ke*) exhibit consonant gradation in first person indicative (both singular (ending *-n*) and plural (ending *-mme*); both present and past), second person indicative (both singular (ending *-t*) and plural (ending *-tte*); both present and past), second person imperative singular, and connegative (the last two both have ^{x} as their ending), as well as all impersonals (except for *teh-dä*^{x} and *näh-dä*^{x}, which use consonantal stems in that position). Other verbal stems which exhibit vowel-stem vs. consonant-stem alternation have the *ptk*-gradation in the final syllable: vowel stem has a "strong" (non-lenited/-degeminated) onset of penultimate syllable corresponding to a "weak" onset in consonant stems where the syllable is final (this alternation is likewise called a "backwards" one because infinitives exhibit consonant stems; and, just like in the nominal system, qualitative and quantitative gradation are both subject to this,

[9] Adjective *pitkä* 'long' has comparative *pite-mpi* (long-CMPR) 'longer', not **pitke-mpi*, and *k* is likewise absent from some other derivatives of the root. This, however, is considered an allomorphy unrelated to *ptk*-gradation in synchronic description. One of the empirical reasons is that elsewhere assibilation ($d \rightarrow z \rightarrow s$ rule, see fn. 17) precedes and counterfeeds (*halus-i-n* (want-PST-1SG) 'I wanted' does not further have a gradation of the *-s-*) consonant gradation but *pitkä*'s superlative is *pisin*, which, if the absence of *k* were caused by gradation, would mean that consonant gradation fed assibilation. More generally, there is no reasonable way the phonology of *pitkä* could be made different from that of *matka*.

compare *blogata* above, *peitota* ‘thrash’ — first singular *peittoa-n* (thrash-1SG) — and *muodota* ‘shape’ — first singular *muotoa-n* (shape-1SG)).

Plural oblique nominal forms induce further complications (cf. *harak(k)o-i-hin* (magpie-PL-ILL) ‘into magpies’, but, as partitive variation shows (cf. *harakko-j-a* and *harako-i-ta* (magpie-PL-PART) ‘of magpies’), the solution lies in the plural oblique morpheme (*-i-*/*-j-* as opposed to *-t* of nominative plural, as in *haraka-t* (magpie-NOM.PL) ‘magpies’) either “perceived” as a consonant or not, not in the gradation [Zelenskiy 2018].

Comparative suffix *-mpA-* and action noun suffix *-ntA-* undergo exceptional gradation before nominalization suffix *-UUs*: e.g., *ale-mpi*[10] (low-CMPR) ‘lower’ underlies *ale-mm-uus* (low-CMPR-NMN) ‘inferiority’, not **ale-mp-uus*, whose genitive is *ale-mm-uude-n* (low-CMPR-NMN-GEN) ‘(of) inferiority’, not **ale-mp-uude-n*.

Consonant gradation was previously analyzed in Stratal Optimality Theory (e.g., [Kiparsky 2003]) and Government Phonology [Pöchtrager 2001]. In the latter paper, the lenition is considered merely a unary feature’s loss as specific mappings from phonology to phonetics are non-trivial in that theory. Notably, back when rule-based phonology ruled the field, [Keyser, Kiparsky 1984] did not try to give a full description of consonant gradation, only giving its context’s metrical definition; likewise, [Kiparsky 2003] only looks closely at quantity gradation (presumably, because Optimality Theory expects uniform results, while quality consonant gradation is diverse). The phenomenon is thus arguably phonologically underdescribed, especially in rule-based phonology.

3. The analysis

3.1. Underlying segments

Aside from the boundary segments described in *Section 1*, the segments assumed to be available for underlying representations are shown,

[10] The suffix exceptionally becomes *-mpi* in nominative singular, like *e*-final stems do; see [Zelenskiy 2018: 52].

with their feature specifications, in *Tables 2* and *3*. Note, in particular, that the *d* in *Table* 3 assumes dental *d̪* not equivalent to surface alveolar *d*[11], which can also be underlying in loanwords such as *addiktio* 'addiction' (I remain agnostic as to what feature makes them different; same pertains to *s* and *š*, where the latter is only found in loanwords); this dental *d* is always removed by later rules, see also fn. 17.

Table 2. Finnish vocalic underlying segments

all +syll,+voiced	front	high	low	round	back
a			+	–	+
ä					–
A					0
o	–	–	–	+	+
ö					–
O					0
e				–	
e (of *nalle*-stems)[12]	+				
i		+			
Y[13]				+	
U	–				
u					+
y					–
V	0				

[11] There is no surface voiced sibilant in Finnish; letter *z* is usually pronounced as *ts*, as in *kamikaze* [kamikatse] 'kamikaze'. See also fn. 5.

[12] This stem-final segment, unlike the other *e*, does not become *i* word-finally and forms plural like *i*-stems; the example word is *nalle* 'teddy bear', illative plural *nalle-i-hin* (teddy_bear-PL-ILL) 'into teddy bears', not **nalliin* like *koip-i-in* (leg-PL-ILL) 'into legs'. Most stems of the declension are Swedish proper names like *Kalle*; however, *itse*[x] 'self' ([x] is added by a later rule, omitted here) and *kolme* 'three' also follow the pattern.

[13] This segment is only encountered in some loanwords like *analyysi* 'analysis'; informally speaking, this is surface *y* behaving like *i* for purposes of plural allomorphy and vowel harmony. See [Zelenskiy 2018: 17, 43].

Table 3. Finnish consonantal underlying segments

<table>
<tr><th>all −syll</th><th>front</th><th>voiced</th><th>cont(inuous)</th><th>nas(al)</th><th>lat(eral)</th><th>place</th></tr>
<tr><td>p</td><td rowspan="14">0</td><td>−</td><td rowspan="3">−</td><td rowspan="2">−</td><td rowspan="4">0</td><td rowspan="4">labial</td></tr>
<tr><td>b</td><td rowspan="3">+</td></tr>
<tr><td>m</td><td>+</td></tr>
<tr><td>v</td><td rowspan="3">+</td><td rowspan="4">−</td></tr>
<tr><td>f</td><td rowspan="2">−</td></tr>
<tr><td>s (š)</td><td rowspan="8">−</td><td rowspan="7">coronal</td></tr>
<tr><td>z</td><td rowspan="3">+</td></tr>
<tr><td>n</td><td rowspan="3">−</td><td>+</td></tr>
<tr><td>d</td><td rowspan="6">−</td></tr>
<tr><td>t</td><td>−</td></tr>
<tr><td>r</td><td rowspan="7">+</td><td rowspan="2">0</td></tr>
<tr><td>l</td><td>+</td></tr>
<tr><td>h</td><td>−</td><td rowspan="3">+</td><td rowspan="5">−</td><td rowspan="5">0</td><td>0</td></tr>
<tr><td>j</td><td>+</td><td rowspan="4">dorsal</td></tr>
<tr><td>γ</td><td rowspan="3">−</td><td rowspan="3">0</td></tr>
<tr><td>g</td><td rowspan="2">−</td></tr>
<tr><td>ŋ [14]</td><td>+</td></tr>
<tr><td>k</td><td>−</td><td>−</td></tr>
</table>

Importantly, diphthongs are argued to be created in the course of derivation — in other words, underlying representations always have vocalic segments as syllabic, as reflected in the first cell of *Table 2*. This includes diphthongs which start with the high segment, such as *uo* in *vuoda* ‘can’: as their behavior in past tense of verbs and oblique plural of nouns clearly indicates, these are derived from long mid monophthongs (*ee* → *ie*, *oo* → *uo*, *öö* → *yö*; this happens to be the same as their historical source), see

[14] Evidence for **underlying** ŋ, barring loanwords like *magnetti* ‘magnet’, is sparse; see [Zelenskiy 2018: 45–48]. However, nasal assimilation derives new instances of ŋ in cluster *nk* before consonant gradation (as in *Helsinki* → *Helsiŋki*), which then turned some instances of ŋk to *ng* [ŋŋ] (as in *Helsinkissa* → *Helsiŋkissa* → *Helsiŋŋissa*). See also fn. 8.

fn. 19. Segment signs (except *ŋ* and *γ*) are taken from orthography not IPA, which allows me to continue writing examples in orthography; underlying *h*, for instance, is actually IPA's *ɦ*[15], and *v* is more approximant-like than *f*[16] [Suomi et al. 2008].

A special notational convention is also used: while # and, presumably, = are actually [−syll], in rules [−syll] shall only refer to non-boundary [−syll] segments (mostly those in *Table 3*), whereas a special symbol, @, indicates the {[−syll],#,=} class (cf. fn. 3).

3.2. Set of the relevant rules

The description below only features rules which are directly relevant; for the full set of rules, see [Zelenskiy 2018: 101–107] (Appendix 1, which is bilingual Russian-English). In particular, vowel harmony is supposed to have already happened. The rules, furthermore, are given in the order of their application, which avoids some potential misunderstandings about the ruleset's work.

First of all, *d* becomes *t* after a *d*:

(1) $d \rightarrow [-\text{voiced}] \,/\, d\_$.

Then, clusters *dt* and *dk* (found, e.g., in consonantal stems[17] of verbs like *halu-ta*^{x} (want-INF) 'want', whose underlying form is *halud+dAh* (with the second *d* becoming *t* by an even earlier rule), and of nouns with

[15] And in [Zelenskiy 2018], glottal place feature is assumed for *h*; this, however, proves to be both wrong (for *h* does not participate in nasal place assimilation, which required a special patch for words like *vanha* 'old') and superfluous. Note also that the surface allophony of orthographical *h* is huge [Suomi et al. 2008].

[16] The segment *f* is, like *š* or branching onsets, also only found in new loanwords; older loanwords like *kahvi* 'coffee' do not retain *f*'s. Same pertains to *b* and *g*.

[17] I disagree with [Keyser, Kiparsky 1984]'s stance for vowel deletion in "consonantal" stems. In particular, there are minimal contrasts: e.g., stem of the word whose genitive is *haahten* 'ship' has a consonantal version *haaht-* and a vocalic version *haahte-*, which predicts both their nominative (*haaksi* vs. *haahti*) and partitive

"fleeting" *t* like *immyt* 'virgin', whose underlying form is *impyd*) undergo devoicing (e.g., *halud-tah* becomes *halut-tah*, and *halud-kaa* (want-IMP.PL) 'Want!' becomes *halut-kaa*, which is the surface form):

(2) [−cont,−nas] → [−voiced] / _[−voiced].

Application example for (1) and (2): (*halud+dAh* → by vowel harmony) *halud+dah* → *halud+tah* → *halut+tah* (by (10a) and ^{x}-related rules → *halut+a*^{x}) (want-INF).

Then, final *e* becomes *i* (see *Table 1* for examples; on −front in the description see fn. 12):

(3) [−low,−round,−front] → [+high,+front] / [+syll][−syll][−syll]*_#.

Then, non-intervocalic dorsals palatalize before *e* unless preceded by a nasal; the ordering of the rules can be seen because of the word *veli* 'brother', genitive *velje-n* (brother-GEN) '(of) brother': were the order of (3) and (4) reverse, the nominative would be[18] **velji*, as the stem's underlying form is *velɣe*.

(4) [dorsal] → [+front] / [−nas,+voiced,−syll]_[−low,−high,−round].

Application examples: *velɣe+n* → *velje+n* (brother-GEN); *arke+n* → *arkʲe+n* (by (10a) → *arje+n*) (weekday-GEN).

(*haahta* vs. *haahtea*) forms. This contrast is unexpected if "consonantal" stems are actually vocalic.

The *d* in these particular stems is assumed instead of *t* because, unlike true *t*, it undergoes (7b) and the assibilation rule *d* → *z* (→ *s*) not listed in this paper, as in *halus-i* (want-PST) 'He/she wanted' (compare *Dakota* and *bikonditionaali* 'biconditional' which do not become surface **Dakoa* and **bikondiionaali*). A near-minimal pair for *d* and *t* is *huutaa* 'shout', past form *huusi* (indicating underlying d) vs. *hoitaa* 'care', past *hoidi* (indicating underlying *t*). A more complete account of assibilation is beyond the scope of this paper which is set to describe rules pertaining to consonant gradation (either directly or by modifying its context or, as (21), both), while assibilation does not normally change context of gradation. See also fn. 9.

[18] Final *-lji* is, albeit marginally, possible in Finnish, as word *detalji* 'detail' shows. Plural forms of this word also show this sequence of segments, as *e*-final stems lose the final *e* before plural *i*: *velj-i-ä* (brother-PL-PART) 'of brothers'.

Similarly, (optional) *j* after some diphthongs with *I* appears in hiatus (though it is not reflected in writing) via palatalization of an underlying dorsal by another rule, (5): cf. *haiku* 'smoke' and *hai*([*j*])*u-n* (smoke-GEN) '(of) smoke'.

(5) [dorsal] → [+front] / [+syll,−front][+high,−round]_[+syll].

Application example: *haiku+n* → *haiku+n* (by (10a) → *haiju+n* (smoke-GEN); see fn. 26).

Note that (4) and (5) create palatal(ized) [k^j] and [g^j] which are not found on surface; later on, rule (19) depalatalizes non-lenited stops.

Multiple rules related to plural allomorphy follow; a tentative discussion can be found in [Zelenskiy 2018: 30–31, 54–67, 103–104]. Full retelling of the analysis would lead the discussion far astray from the phenomenon at hand. In particular, many of the rules solve the unrelated problem of deducing the behavior of final *a*'s in nominal stems as there are seven types, exemplified by *hopea* 'silver', *koira* 'dog', *kala* 'fish', *omena* 'apple', *apina* 'monkey, ape', *apila* 'clover', and *harakka* 'magpie', as well as unique cases of *tanhua* 'stockyard', declining either like *hopea* or like *apina*, and *aneurysma* 'aneurysm', declining either like *koira* or like *kala*; see [Anttila 2002], [Kiparsky 2003] and *Table 4*. Their relation to consonant gradation is reflected in plural oblique morpheme (underlying *j*) becoming either *i* (syllabic) or *i̯* (non-syllabic, but otherwise having the same features as *i*), sometimes with variation, as *harakka* shows: *harakko-j-a* has *i* while *harako-i-ta* has *i̯* (for *tta*-final stems, some

Table 4. Finnish *a*-final nominal stem types

NOM.SG	PL-PART	translation of stem
hopea	*hope-i-ta*	silver
koira	*koir-i-a*	dog
kala	*kalo-j-a*	fish
omena	*omen-i-a*/*omeno-j-a*/*omeno-i-ta*	apple
apina	*apino-i-ta*	monkey, ape
apila	*apilo-j-a*/*apilo-i-ta*	clover
harakka	*harakko-j-a*/*harako-i-ta*	magpie

show the same variation as *harakka* but some belong to different types, like the name *Anitta* of type *kala*). Later on, diphthongization rules convert such *i*'s to *i̯*'s (syllabic *i* after a vowel is only found if *γ* must be in-between, as in *la.i-n* (law-GEN) '(of) law').

Then, *z* of stems with "fleeting" *s* like *kuningas* 'king', underlying *kuninkaz*, becomes *h* if intervocalic by rule (6), as its genitive *kuninka-za-n* → *kuninkaha-n* (surface form *kuninkaa-n*) (king-GEN) '(of) king' illustrates. That *z* is not immediately deleted is seen not only in consonant gradation, but also in the stem *mies* 'man', whose underlying form is *meez*[19] and surface genitive is *miehe-n* (man-GEN) '(of) man'.

(6) $z \rightarrow h$ / [+syll]_[αhigh][20].

After that, two rules, (7a) and (7b), apply simultaneously and disjunctively, left-to-right; thus (7b) may feed (left context of) (7a):

(7) a. $d \rightarrow t$ / [+syll][−syll][−syll]* [+syll][+voiced,+cont,−front][αhigh]_[+syll];

b. $d \rightarrow \gamma$ / [+syll][−syll][−syll]*[+syll]_[+syll].

Note that the fact that a certain context does not belong to the first syllable is not shown via syllabic structure but via segmental specification of the left context [+syll][−syll][−syll]*: a vowel followed by one or more consonants. Relevance[21] can be shown by *puhu-dah* (talk-INF) '(to) talk' which becomes *puhu-γah* (and later *puhu-a*^{x}) not **puhu-tah*

[19] The so-called "rising" diphthongs *ie*, *uo*, *yö* are derived from first-syllable mid long vowels, both historically and in synchrony [Zelenskiy 2018: 68]. Cf. *hi.e-n* (sweat-GEN) '(of) sweat' and monosyllabic *mies* 'man'.

[20] This notation means "any segment specified for [high]", encompassing vowels and their non-syllabic versions (*i̯* and *u̯*).

[21] Notably, [Zelenskiy 2018: 71, 104] has a mistake in the rule: while the example is shown correctly, the rule (7a) (there — 9.9.2) is incorrectly set as $d \rightarrow t$ / [−syll][+syll][+voiced,+cont,−front][αhigh]_[+syll], which would demonstrably work on *puhu-dah* (which by later rules would then become surface **puhuda*^{x} instead of *puhua*^{x} 'speak'), overriding (7b) as its context is more specific.

(which would lead to surface **puhu-da*ˣ) and, conversely, *tä-dä* (this-PART) ‘of this’ which becomes *tä-tä*, not **tä-γä* (→ **tä-ä*).

The remaining *d* and *z* are devoiced; [Zelenskiy 2018: 75–77] shows there to be two distinct rules for that, but the analysis is arguably modifiable if *s*-stems (like *nainen* ‘woman’) are treated somewhat differently, which allows for localization IN to have underlying *s* rather than *z*, which, in turn, erases the crucial argument for splitting of the rules, namely that *ke-t=kä* (who-PL=KA) ‘who (plural)’, like *ke-tä* (who-PART) ‘of whom’, lacks the final *ne* of the stem *kene-* ‘who’ while *kene-ssa* (who-INESS) ‘in whom’ does not. Thus, for the sake of simplicity, a single rule is assumed here:

(8) [coronal,−nas,αcont] → [−voiced].

Application example: (*meez* → see fn. 19) *miez* → *mies* ‘man’.

Note that the rule does not apply to the underlying alveolar *d* of words like *addiktio* ‘addiction’ discussed above, even though it does not immediately follow from the formula itself; to make it explicit, one would have to refer to the feature distinguishing *d̪* and alveolar *d*.

Nasal assimilation rules follow, the chief among them (9) (modified from [Zelenskiy 2018: 78, 105] to be inapplicable to [ŋ] in words like *magnetti* ‘magnet’), working across any word boundaries. There are some additional rules for additional effects before sonorants (e.g., reverting assimilation in words like *kanjoni* ‘canyon’ while allowing for *nj* → *jj* assimilation across word boundary), but they do not concern us here.

(9) [+nas,0front] → [αplace] / _[βWB]*[αplace].

Application example: *o+n##pitkä* → *o+m##pitkä* (assimilation across word boundary is not reflected in orthography but confirmed by [Suomi et al. 2008]) (be-3SG long) ‘is long’.

The main consonant gradation rules (10a) and (10b) follow, applying simultaneously-disjunctively:

(10) a. [−cont,−voiced] → [+cont,+voiced] / [+voiced]_[+syll][+syll]* [−syll]@;

b. [−nas,−cont,αplace] → ∅ / [−nas,−cont,αplace]_[+syll] [+syll]* [−syll]@.

Application examples for (10a): (*blogg*+Ad+dAh → by vowel harmony, (1) and (2)) *blogg+at+tah* → *blog+at+tah* → *blog+at+ah* (→ *blogat+a*^{x}) '*blog*-VRB-INF'.

Application example for (10b): *kilpe+n* → *kilve+n* (shield-GEN).

Obviously, (10a) corresponds to quality gradation and (10b) corresponds to quantity gradation. Note that this turns *p* into *v*, *t* into *z*, *k*^{j} into *j*, and *k* into *γ*; of these, only *v* and *j* may ever end up in surface forms.

A special rule, (11), treats the special case of *UUs* suffix discussed above, whose underlying form begins with *UhU*; [Zelenskiy 2018: 81] assumes it to be the third rule in the simultaneous-disjunctive tuple of consonant gradation, but this is, while possible, not necessary. Note the morpheme boundaries + on each side of the suffix undergoing gradation.

(11) [−cont,−voiced,αplace] → [+cont,+voiced] / +[+nas,αplace]_+ [+high,+round]h[+high,+round].

After nasals (including the special case above), the result is nasals; as there are no *mv* combinations (aside from two compounds, where # intervenes), nor *nke* → *ŋje* gradation [22], the following rule suffices:

(12) [αplace,+voiced,+cont] → [+nas,−cont] / [αplace,+nas]_.

Application example for (11) and (12): (*ala+mpA+UhUs* → by vowel harmony and some other rules irrelevant here) *ale+mp+uhus* → *ale+m-v+uhus* → *ale+mm+uhus* (by (18) → *ale+mm+uus*) (low-CMPR-NMN) 'inferiority'.

Partitive of the words ending with *γ*, like *sade*^{x} 'rain' (underlying stem is *sateγ*) ends in *-ttA* [23] (like *sadet-ta* (rain-PART) 'of rain'); a special rule takes care of that [24]:

[22] Note that *nj* is a possible sequence of segments (e.g., *kanjoni* 'canyon'), but with no place assimilation (*nj* has coronal *n*, neither **ŋj* nor something like **ŋʲj*).

[23] Traditional textbooks (such as [Gehring, Heinzmann 2016: 70]) often assume *-ttA* to be the ending in such forms, but this is unjustified: the first *t* is the same ^{x} as in *sade*^{x}*-ko* → *sade[k]-ko* (rain-Q) 'Rain?'

[24] This rule may not be necessary if the rules for ^{x} realization mentioned below can treat this case.

(13) $\gamma \rightarrow t \,/\, \_t$.

Application example: (*sateγ+ta* → by (10a)) *sazeγ+ta* → *sazet+ta* (by (16) → *sadet+ta*) (rain-PART).

Cluster *hk*, unless palatalized, generally does not undergo *ptk*-gradation, yet some words like *nahka* 'skin' have it optionally. I reflect this by adding the rule (14) and marking words like *nahka* to make the rule optional for them (such marking is available, see *Section 1*).

(14) $\gamma \rightarrow k \,/\, h\_$.

Application example: (*nahka+n* → by (10a)) *nahγa+n* → (optionally, for this word) *nahka+n* (skin-GEN)

The surface results of *t*'s lenition are, as we have seen in *Section 2*, quite diverse; yet, aside from (12), two more rules suffice to achieve the observed results: (15) takes care of *rt* → *rr* and *lt* → *ll*, and (16) handles the rest.

(15) $z \rightarrow [0\text{cont},\alpha\text{lat}] \,/\, [0\text{cont},\alpha\text{lat}]\_$;

(16) $z \rightarrow d$.

Application examples: (*parta+n* → by (10a)) *parza+n* → *parra+n* (beard-GEN); (*rata+n* → by (10a)) *raza+n* → *rada+n* (way-GEN); see also the example for (13).

Allophones of *h* are calculated; the details are irrelevant, but, importantly, there exists a step in the derivation where *h* is voiceless before any voiceless consonant (despite the fact that on surface we see, e.g., *tähti* 'star' with its *h* quite voiced). At that moment, rule (17) applies, simplifying many triconsonantal clusters, including clusters with geminates such as *stt* or *htt*. This provides for no quantity gradation after *s* or *h* (see *Section 2* on *pes-tiin* (wash-IMPERS.PST) 'there was washing' vs. *puhu-ttiin* (talk-IMPERS.PST) 'there was talking').

(17) $[-\text{voiced},-\text{cont}] \rightarrow \varnothing \,/\, [-\text{voiced}]\_[-\text{voiced}]$

Application example: (*pes+ttA+i+Vn* → by a series of vowel-related rules unlisted here) *pes+tt+i+in* → *pes+t+i+in* (wash-IMPERS-PST-IMPERS).

Afterwards, prevocalic *h* (both underlying and derived from *z*) is deleted after a short vowel — unless the vowel belongs to the first syllable, cf. *tä-hän* (this-ILL) 'into this', not **tä-än*. This superficially closes some syllables; hence forms like (*kuninkahan* →) *kuninkaa-n* (king-GEN) '(of) king' are "opaque", as they have no consonant gradation in a syllable which is closed on surface (note that this still does not refer to syllabic structure per se, which is supposed to mostly be built later on).

(18) $h \rightarrow \varnothing$ / [+syll][−syll][−syll]*[+syll]_[+syll].

Application example: (*kuninkaza+n* → by (6)) *kuninkaha+n* → *kuninkaa+n* (king-GEN).

As promised, rule (19) depalatalizes those k^j and g^j which did not become *j*, as there are no surface palatal(ized) stops[25] in Finnish:

(19) [−cont,+front] → [−front].

Application example (simplified):[26] (*haiku* → by (5)) *haik^{j}u* → *haiku* 'smoke'.

Some rules for [x] surface realization follow. Then, to get *UvU* from *UγU*, the following rule applies:

(20) $\gamma \rightarrow v$ / [+syll,+high,+round]_[+high,+round].

Application example: (*luku+n* → by (10a)) *luγu+n* → *luvu+n* (number-GEN).

Finally, remaining *γ* are deleted:

(21) $\gamma \rightarrow \varnothing$.

Application example: (*laki+n* → by (10a)) *laγi+n* → *lai+n* (law-GEN); note that the result is bisyllabic (see fn. 26).

[25] Neither oral nor nasal; therefore, the [−cont,+front,−nas] → [−front] rule found in [Zelenskiy 2018: 85, 106] is too specific.

[26] The example is simplified in the important but ultimately unrelated aspect of diphthongization *ai* undergoes; the only relevant thing about diphthongization is that it follows (18) and precedes (21).

These 21 rules[27], combined with rules for determining the plural oblique allomorph and *h* allophones, are enough to describe the seemingly complicated phenomenon of consonant gradation.

4. Conclusion

This paper's goal is twofold. First, it illustrates the power of rule-based phonology in explaining complex language patterns with simple rules of unified format, thus building foundation for a more specific framework using such rules as a general framework of phonology and, more broadly, of linguistics. Secondly, it describes in explanatory terms (and thus explains) a long-standing empirical issue of consonant gradation, whose traditional formulations look either hopelessly diachronic or full of exceptions — and quite often both.

Abbreviations

. — syllable boundary (in examples); → — becomes (in synchrony); 1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; A — either a or ä; CMPR — comparative; cont — continuous; GEN — genitive-accusative; ILL — illative; IMP — imperative; IMPERS — impersonal form (traditionally called "passive"); INESS — inessive; INF — infinitive; KA — Finnish clitic added to some monosyllabic pronominal forms; lat — lateral; nas — nasal; NMN — nominalization; NOM — nominative; PART — partitive; PL — plural; PST — past tense; Q — question clitic; R — l, r, or h; seg — segmental; SG — singular; SPE — Chomsky, Halle 1968; syll — syllabic; U — either *u* or *y*; VRB — verbalizer; ^{x} — surface "ghost" consonant in the end of a word (underlying *γ* or *h*); @ — either a [-syll] non-boundary segment or a [+WB] boundary segment. On rule notations other than → see *Section 1*, on underlying segment signs see *Section 3.1*.

If the gloss would coincide with the translation (barring possible .NOM), it is omitted, so that one would not observe things like *sirppi* (sickle) 'sickle'. Likewise, .SG is always omitted from glosses (but combinations such as 1SG are retained), and infinitives may be written in a similar way when they represent a group of forms not just themselves.

[27] Or, rather, 23 rules, given that (7) and (10) each encompass two rules.

References

Anttila 2002 — A. Anttila. Morphologically conditioned phonological alternations. *Natural language and linguistic theory*. 2002. Vol. 20. No. 1. P. 1–42.

Bach 1968 — B. Bach. Two proposals concerning the simplicity metric in phonology. *Glossa*. 1968. No. 2. P. 128–149.

Bruening 2018 — B. Bruening. The lexicalist hypothesis: both wrong and superfluous. *Language*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 1–42.

Chomsky 2001 — N. Chomsky. Derivation by phase. M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A life in language*. Cambridge: MIT Press, 2001. P. 1–52.

Chomsky, Halle 1968 — N. Chomsky, M. Halle. *The Sound Pattern of English*. New York: Harper and Row, 1968.

Gehring, Heinzmann 2016 — S. Gehring, S. Heinzmann. S*uomen Mestari 1: Suomen kielen oppikirja aikuisille* [Master of Finnish 1: A coursebook of Finnish language for beginners]. Helsinki: Finn Lectura, 2016.

Halle, Marantz 1993 — M. Halle, A. Marantz. Distributed Morphology and Pieces of Inflection. H. Kenneth, S. J. Keyser (eds.). *The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*. Cambridge: MIT Press, 1993. P. 111–178.

Harley, Ritter 2002 — H. Harley, E. Ritter. Structuring the bundle: A universal morphosyntactic feature geometry. H. J. Simon, H. Wiese (eds.). *Pronouns: Features and representation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 23–39.

Hualde, Gaminde 1998 — J. I. Hualde, I. Gaminde. Vowel interaction in Basque: A nearly exhaustive catalogue. *Studies in the Linguistic Sciences*. 1998. Vol. 28. No. 1. P. 41–77.

Keyser, Kiparsky 1984 — S. J. Keyser, P. Kiparsky. Syllable structure in Finnish phonology. M. Aronoff, R. T. Oehrle (eds.). *Language sound structure. Studies in phonology presented to Morris Halle by his teacher and students*. Cambridge: MIT Press, 1984. P. 7–31.

Kiparsky 1982 — P. Kiparsky. *Explanation in phonology*. Dordrecht: Foris Publications, 1982.

Kiparsky 2003 — P. Kiparsky. Finnish Noun Inflection. D. Nelson, S. Manninen (eds.). *Generative Approaches to Finnic and Saami Linguistics*. Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 109–161.

Pöchtrager 2001 — M. A. Pöchtrager. *Finnish consonant gradation*. Graduation paper. Universität Wien, Vienne, 2001.

Reiss 2018 — C. Reiss. Substance Free phonology. S. J. Hannahs, A. R. K. Bosch (eds.). *The Routledge Handbook of Phonological Theory*. London; New York: Routledge, 2018. P. 425–452.

Rotenberg 1978 — J. Rotenberg. *The syntax of phonology*. PhD dissertation. MIT, 1978.

Scheer 2008 — T. Scheer. Why the prosodic hierarchy is a diacritic and why the interface must be direct. J. Hartmann, V. Hegedüs, H. van Riemsdijk (eds.). *Sounds of silence: Empty elements in syntax and phonology.* Amsterdam: Elsevier, 2008. P. 145–192.

Suomi et al. 2008 — K. Suomi, J. Toivanen, R. Ylitalo. *Finnish sound structure: Phonetics, phonology, phonotactics and prosody*. Oulu: Oulu University Press, 2008.

Starke 2009 — M. Starke. Nanosyntax: A short primer to a new approach to language. *Nordlyd*. 2009. Vol. 36. No. 1. P. 1–6.

Vaux 2008 — B. Vaux. Why the phonological component must be serial and rule-based. B. Vaux, A. I. Nevins (eds.). *Rules, constraints, & phonological phenomena*. Oxford: Oxford Scholarship Online, 2008. P. 20–60.

Wurmbrand 2016 — S. Wurmbrand. Formal and semantic agreement in syntax: A dual feature approach. *Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium.* Olomouc: Palacký University, 2016. P. 19–36.

Zelenskiy 2018 — D. M. Zelenskiy. *Generativno-fonologicheskoye opisaniye literaturnogo finskogo yazyka* [An analysis in generative phonology of standard Finnish language]. Graduation paper. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2018.

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема**. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлегией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

— предварительное рассмотрение рукописей авторов;
— выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
— соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The "Acta Linguistica Petropolitana" Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor's responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author's contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his / her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his / her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes / inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

— preliminary consideration of contributions;
— selection of reviewers based on their areas of expertise;
— provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2022. — Т. 18. Ч. 2. — 312 с.

Подписано к печати 01.11.2022
Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 19.5 Тираж 500 экз.
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru https://iling.spb.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13
9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html